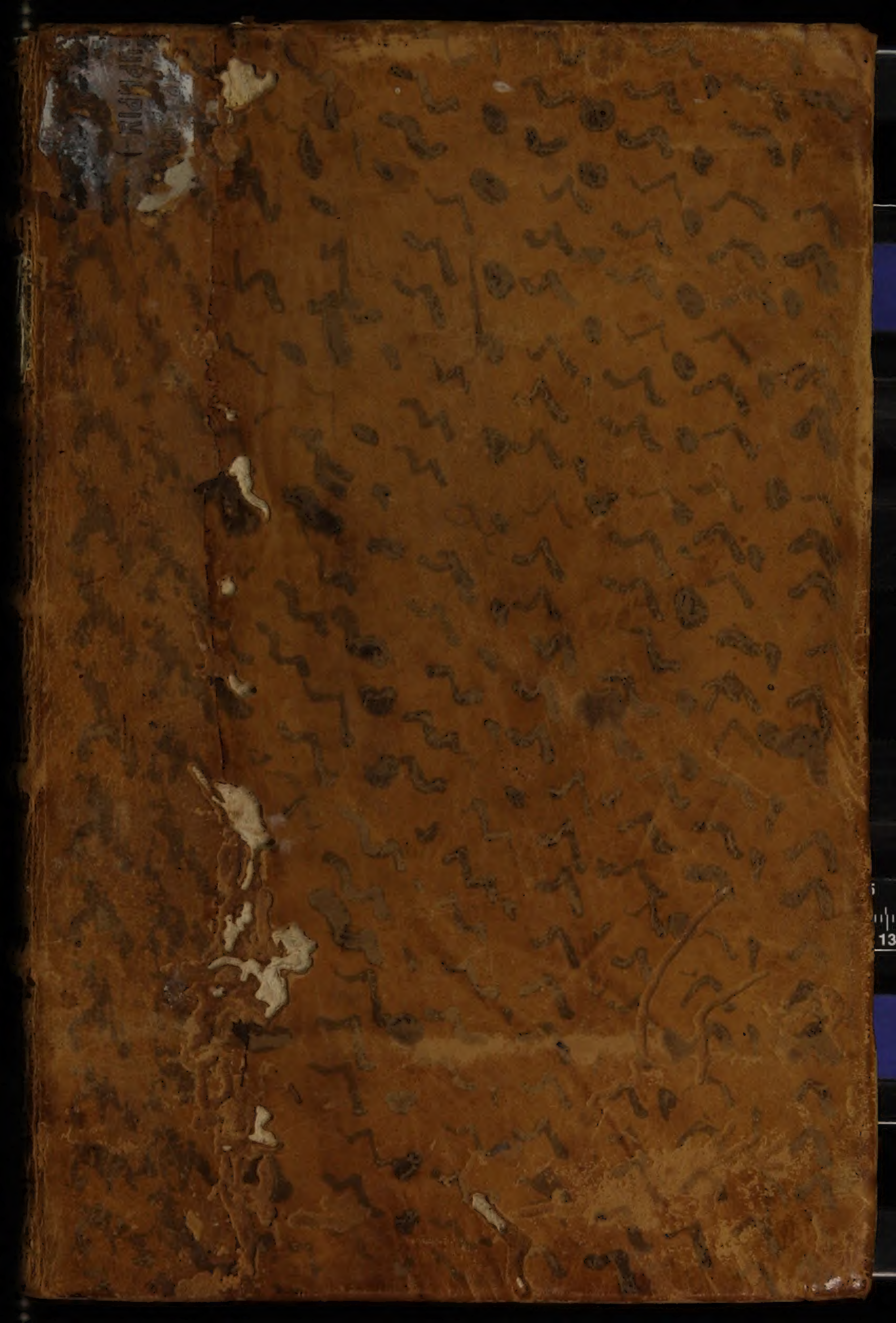
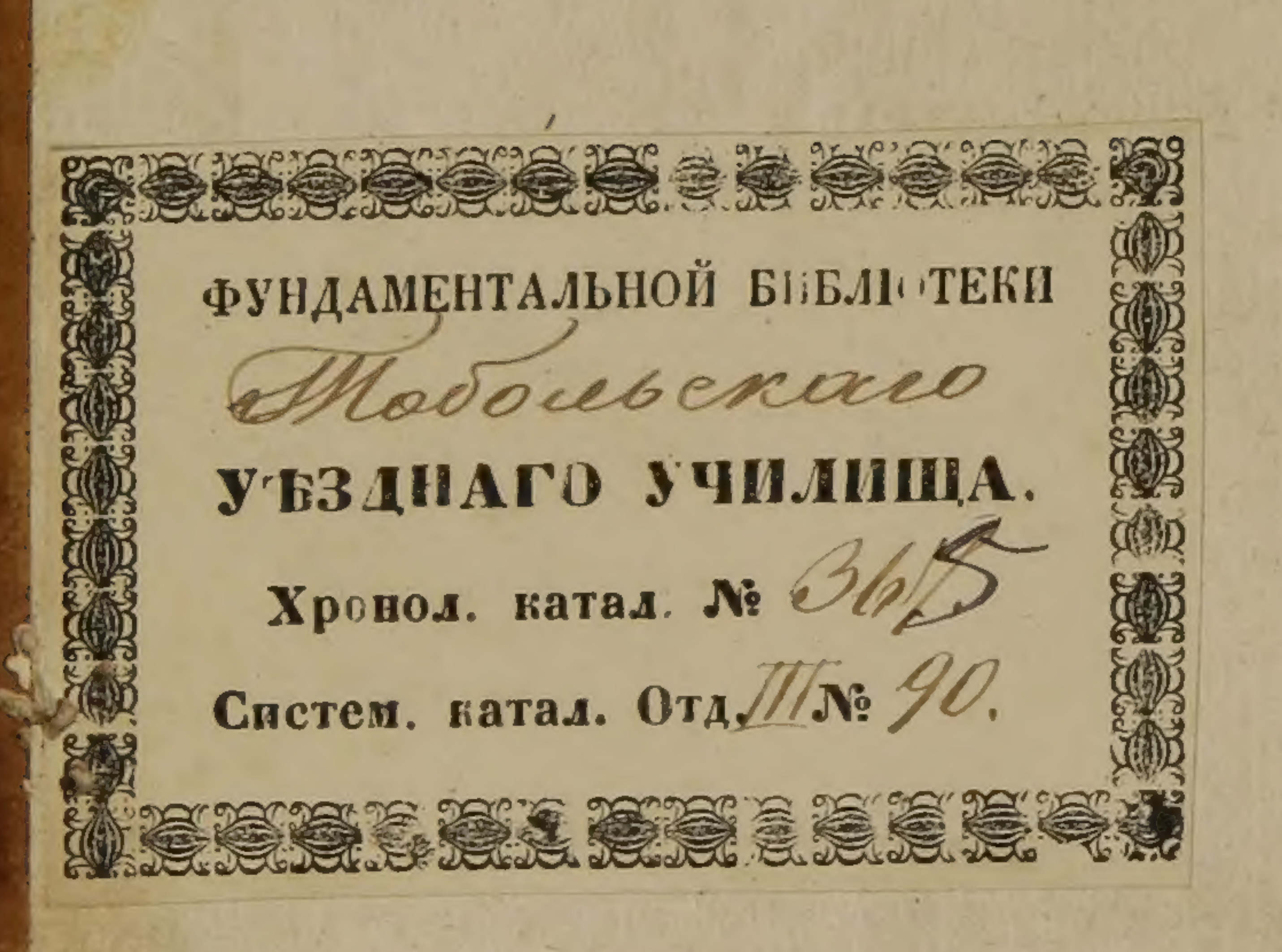

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛІОТЕКИ
Тобольскаго
УѢЗДНАГО УЧИЛИЩА.
Хронол. катал. № 36/Б
Систем. катал. Отд. III № 90.

кп 14652

16775 90 2/30.
9/556

БИБЛІОТЕКА

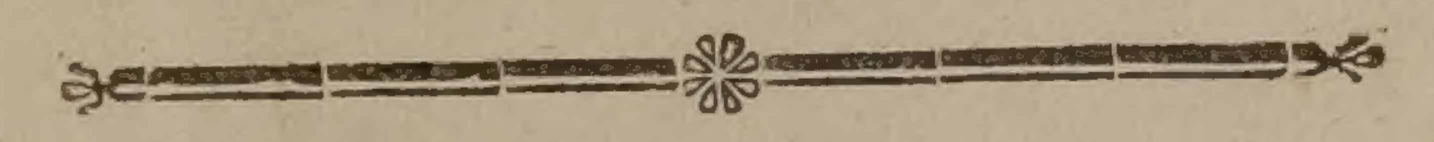
УЧЕНАЯ, ЕКОНОМИЧЕСКАЯ, НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ, ИСТОРИЧЕСКАЯ И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ

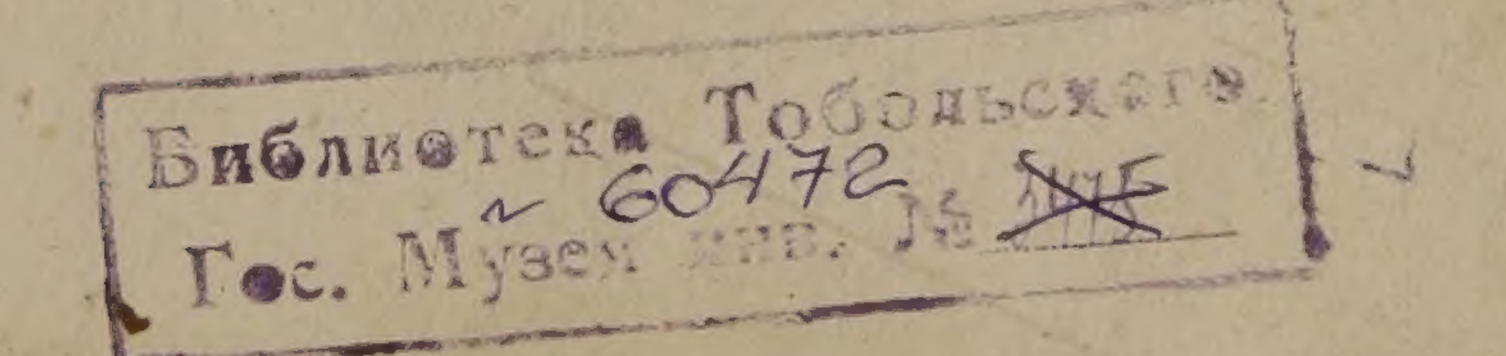
Всякаго званія Читателей.

Тобольскаго Уѣзднаго Училища.

ЧАСТЬ II. № 367.

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1793 ГОДА.

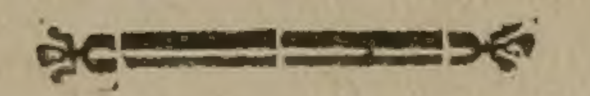
ОБЪЯВЛЕНІЕ

ПОЧТЕННѢЙШЕЙ ПУБЛИКѢ.

Хотя въ прошломъ 1792 году въ объявленіи о сей книгѣ, напечатанномъ при Московскихъ и Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ, и было сказано, что подписка на нее продолжится только до Генваря сего года; но какъ въ теченіе осми мѣсяцовъ малое только число особъ на оную подписалися, имѣя небезъосновательную причину не довѣрить не извѣстному Издателю въ выполненіи его обѣщанія; то, дабы не подать поводу къ подозрѣнію, что желаютъ употребить во зло довѣренность Почтенной Публики, чрезъ сіе объявляется, что подписка на сію книгу продолжится во весь наступившій годъ, по прежде-назначенной цѣнѣ, то есть: въ Тобольскѣ десять рублей, а въ другихъ городахъ съ пересылкою по почтѣ пятнадцать рублей.

Господа любители учености приглашаются обогащать сію книгу своими твореніями, или переводами, какого бы они роду не были, въ стихахъ и прозѣ, кои съ великою благодарностію будутъ помѣщены въ сіе изданіе.

П. С.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

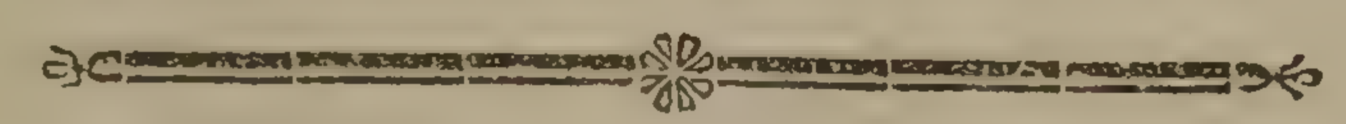
Статья Ученая.

Статья Економическая.

Стран:

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЯ О ПРОИЗХОЖДЕНІИ ХУХОЖЕСТВЪ.

О ЗЕМЛЕДѢЛІИ.

Люди, обезопасивъ себя отъ суровостей погоды и отъ нападенія непріятелей, принялись за земледѣліе; то есть, укротили полезнѣйшихъ и способнѣйшихъ къ тому животныхъ, и смягчили остроту вкуса, тѣхъ изъ дикихъ плодовъ, которые показались имъ здоровѣйшими и нужнѣйшими: ибо человѣкъ не возрастилъ новыхъ произрастѣній, онѣ всѣ были произведены Творцемъ при мірозданіи, и разсѣяны по поверьхности земной, для нужды человѣка, коему оставилъ Онъ стараніе ихъ воздѣлывать.

Всѣ растѣнія, изъ коихъ надѣялись извлѣчь какую нибудь пользу, были пересажены изъ лѣсовъ въ сады или огороды; стараніями же, о нихъ приложенными, и обиліемъ соковъ, которые сообщали имъ чрезъ удобриваніе земли, достигли до того, что онѣ потеряли остроту своихъ плодовъ.

Первой овощь, которой старались разводить, былъ тотъ, которой каждой народъ нашелъ въ своей странѣ питательнѣйшимъ и пріятнѣйшимъ. На конецъ примѣчено, однако же вскорѣ, о недостаткѣ сытности, большей части сихъ плодовъ, и о нуждѣ для человѣка въ прочнѣйшей и легчайшей пищѣ. То и другое свойство найдено въ пшеницѣ; сіе было причиною, что сіе растѣніе сдѣлалось въ короткое время пищею всѣхъ народовъ. Нѣкоторые, однако же, остались при прежнихъ, найденныхъ ими у себя, овощахъ; на примѣръ: Китайцы довольствуются пшеномъ Сарацынскимъ, и нѣкоторые Индѣйскіе народы питаются одними только дикими Финиками.

По открытіи пшеницы, раздавливали зерны оной съ начала между двумя камнями, и по томъ разбалтывали съ

водою; дабы сдѣлать изъ того тѣсто, которое пекли подъ золою или въ печахъ. Весьма удивительно, что водяныя мѣльницы найдены не прежде седьмаго столѣтія: ибо до того времени потребно было великое число работниковъ на мѣльничное дѣло. Хлѣбъ испеченный тотчасъ по смѣшеніи муки съ водою, былъ тяжелъ, и съ трудомъ варился въ желудкѣ, какъ нечаянной случай восхотѣлъ, чтобъ остатки стараго тѣста смѣшали съ новымъ, не предвидя пользы отъ сего смѣшенія, и по одной только хозяйственной бережливости; отъ сего хлѣбъ сдѣлался легче, вкуснѣе и способнѣе для варенія желудку; по тому, что воздухъ уже и такъ спертъ въ простыломъ тѣстѣ, моченіемъ же его болѣе сдавливаютъ; но острота дрождей, ихъ соли, такъ какъ и близость огня, къ коему его ставятъ, разжижаютъ воздухъ, возвращаютъ ему его дѣйствіе; воздухъ, приведенный въ движеніе, толкаетъ, поднимаетъ и распространяетъ части тѣста, прежде сжатыя, сообщаетъ имъ раздѣленіе началъ, которое приходитъ въ совершенство чрезъ печеніе, и доканчивается слюною и желудкомъ того, кто ѣстъ хлѣбъ.

Съ того времени, какъ изобрѣли искусство извлекать, посредствомъ браженія, изъ хлѣбныхъ зеренъ крѣпкій напитокъ, называемый пивомъ; то нашли, что пѣна, дѣлающаяся во время браженія сей жидкости, способна поднимать тѣсто гораздо выгоднѣе и совершеннѣе, нежели прежняя опара изъ кислаго тѣста: такимъ образомъ нынѣ употребляютъ сію опару, дабы хлѣбъ былъ легче.

Молотая пшеница раздѣляется на четыре рода, а имянно: самая мѣлкая мука, средняя, мякина и отруби, дѣлающіяся изъ той бѣлой кожицы, которая находится изъ нутри на внѣшней, или толстой щелухѣ.

Мякина служитъ пищею животнымъ. Изъ *отрубей* дѣлается крахмалъ, пудра и другіе клѣи.

Изъ смѣшенія же *самой мѣлкой муки съ среднею*, выходитъ лучшій и здоровѣйшій хлѣбъ. Мѣлкая и средняя муки суть два начала, которыя природа соединила вмѣстѣ, дабы онѣ другъ другу помогали, и коихъ раздѣлять не должно. Отмѣнная вкусность такого хлѣба, и здоровое сложеніе питающихся онымъ

доказываютъ превосходность хлѣба, испеченнаго изъ сихъ двухъ веществъ.

Одна *мѣлкая мука*, или мучная пыль, производитъ хлѣбъ безъ всякой плотности, надутый водою, и неспособный къ укрѣпленію силъ здоровыми соками.

Средняя мука, одна, не имѣетъ тѣхъ тонкихъ спиртовъ, которые соки дѣлаютъ легчайшими и дѣйствительнѣйшими.

Крахмалъ есть кожица, упадающая на дно въ кадкахъ, въ которыя наливаются водою и мокнутъ пшеничныя отруби. Желающіе имѣть хорошій крахмалъ, не довольствуются на дѣланіе онаго отрубями, но употребляютъ на то даже самое лучшее пшеничное зерно.

Растѣніе, заступившее первое мѣсто по пшеницѣ было виноградъ. Ной, выдавивъ сокъ изъ дикаго винограду, почувствовалъ всю цѣну сего напитка, естьли приложить стараніе къ воздѣланію производящаго оной растѣнія; онъ то учинилъ, и не умедлилъ видѣть успѣхи своего труда. Сіе растѣніе вскорѣ пресшло въ теплыя страны, и начало составлять главнѣйшее оныхъ богатство:

изъ Азіи перешло оно въ Европу. Финикіяне первые мореплаватели по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, снабдили онымъ большую часть острововъ, и разсѣяли оной по твердой землѣ. Виноградъ весьма размножился въ Архипелажскихъ островахъ; оттолѣ принесенъ въ Грецію, и по томъ въ Италію: послѣ начали его разводить во Франціи, и можетъ быть онъ-то привлекъ Франковъ въ Галлію, такъ какъ онъ же привлекъ Галловъ въ Италію, куда стеклось не щетное множество Беруеровъ, Шартреновъ и Оверньятовъ, коимъ наскучили жолуди, и захотѣлось отвѣдать Вакхова напитка, которой не за долго предъ тѣмъ ввелся въ Италію. На конецъ нѣкоторые Нѣмцы попытались разработать нѣсколько мѣстъ, въ такъ называемомъ черномъ лѣсу, и насадили виноградъ по берегамъ Рейна. Въ Венгріи такъ же развѣли оной. Такимъ-то образомъ виноградъ по всюду размножился.

Доброе вино должно быть крѣпко, но при томъ не пьяно, густо, но легко, хорошаго цвѣту, прозрачно, душисто и вкусно.

Многія путешествія, учиненныя въ разныя страны, способствовали успѣхамъ

въ земледѣлїи, и подали намъ свѣдѣнія о богатствахъ, коихъ мы были лишены; изъ того произошла мѣна сихъ выгодностей посредствомъ торговли.

Успѣхи сїи, однако же, были весьма медлительны: о семъ должны мы заключить по тому, что древнїе писатели весьма о маломъ числѣ овощей упоминаютъ.

Виргилїй дѣлая описанїе о нѣкоторомъ садѣ, близъ Таренты находившемся, говоритъ только о деревьяхъ безплодныхъ и о весьма обыкновенныхъ травахъ.

Виноградъ былъ принесенъ во Францїю Марсельскою колонїею. Императоръ Пробъ наиболѣе старался о размноженїи онаго. Бергамоты привезены изъ Бергама; сей плодъ есть родъ груши: говорятъ, что плодъ сей произходитъ отъ того, что нѣкоторой Бергамской житель вздумалъ привить къ грушевому дереву лимонной черенокъ; произшедшїе отъ того лимоны, заимствуютъ отъ лимона и отъ груши. Персикъ, одинъ изъ вкуснѣйшихъ плодовъ въ Европѣ, произходитъ изъ Персїи. Абрикосъ изъ Арменїи. Изъ Церазонта, Понтїйскаго

города вишни. Крыжаки, по возвращеніи изъ похода въ Святыя мѣста, привезли сливъ изъ Дамаска. Кофе получаемъ мы изъ Щастливой Аравіи. Европа одолжена размноженіемъ сего дерева стараніемъ Голландцовъ, которые изъ Моки вывезли его въ Батавію, а изъ Батавіи въ Амстердамъ. Изъ Японіи и изъ Китая они же привезли намъ чай. Ипекакуана, или рвотной корень, вывезенъ изъ Америки, около половины послѣдняго столѣтія. Гишпанцы вывезли къ намъ изъ Перу въ 1740 году Хину, сіе Божественное лѣкарство, которое есть ни что иное, какъ корка не большаго деревца, растущаго въ Америкѣ. Изъ сей же части земли, идутъ къ намъ деревья, потребныя для крашенія. Во Францію стараніемъ Г. Колберта вывезено однимъ Турнефортомъ изъ Восточной Индіи, по приказанію Людовика XIV болѣе тысячи трехъ сотъ растѣній.

Самое лучшее открытіе въ земледѣліи есть *искусство прививанія*. Начало сего искусства навѣрно не извѣстно; но кажется, что разсужденію, а не случаю обязаны мы столь прекраснымъ открытіемъ. — Какой нибудь Физической умъ, видя текущей изъ дерева сокъ, по

отрубленіи у него вѣтьви, захотѣлъ, можетъ быть, приставить опять ту же вѣтьвь къ тому мѣсту, отъ коего она была отнята. Сей перьвый опытъ ему удался, и онъ началъ приставлять такимъ образомъ вѣтьви отъ разныхъ деревъ. Вотъ все, что мы можемъ сказать о столь древнемъ художествѣ.

Снабдивъ себя нужнымъ, люди стали разводить и располагать сады. Человѣку сродно любить соразмѣрность; и какъ скоро онъ нашелъ необходимо нужное и доставляющее ему спокойствіе; то немедлѣнно стремится къ пріятному. И такъ начали сажать деревья и растѣнія, по порядку и симетрически, не для того только, что сіе глазамъ пріятно, но равномѣрно и для того, чтобъ пища была равно раздѣлена.

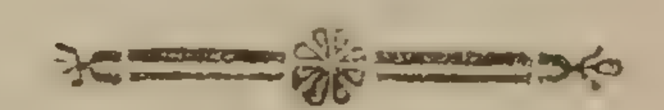
Сіе искусство раздѣляется на двѣ части. Перьвая состоитъ въ правильномъ обдѣлываніи земли подъ садъ, какъ то, циркулемъ, оваломъ или треугольникомъ и проч. смотря по мѣстоположенію, или раздѣливъ оное на уступы въ видѣ амфитеатра, или на разные изъ сихъ видовъ, естьли неравность мѣста не позволяетъ сдѣлать оной садъ единообраз-

нымъ. Вторая часть научаетъ, какъ распредѣлять растѣнія по разрядамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга пространными Алеями, и составляющимъ особыя куртины, такимъ образомъ, чтобъ можно было подходить къ каждой куртинѣ и къ каждому растѣнію, не вредя близъ растущему.

Древнѣйшіе, по сему вкусу расположенные, сады суть Вавилонскіе или Семирамидины. Они составляли весьма пространный и возвышенный четвероугольникъ, поддерживаемый сводами. Сей четвероугольникъ возвышался съ четырехъ сторонъ ярусами, и на каждомъ ярусѣ была насыпана земля, на которую всходили по тремъ лѣстницамъ, имѣвшимъ по десяти футовъ ширины. Воду посредствомъ насосовъ втягивали на самый вышній изъ сихъ садовъ, изъ коего она текла во всѣ прочіе по каналамъ.

Сады младшаго Кира, такъ же были весьма въ древности славны.

(Продолженіе впредь.)

НѢЧТО О ЗЕМНОМЪ ШАРѢ.

Не возможно сомнѣваться, разсматривая со здравымъ разсужденіемъ шаръ нашъ, чтобъ не произошло множества физическихъ перемѣнъ, всеобщихъ и частныхъ, на поверьхности онаго, какъ отъ естественнаго движенія водъ морскихъ, такъ и отъ дѣйствія дождей, текущихъ водъ, вѣтровъ, подземныхъ огней, землетрясеній, наводненій и проч. и чтобъ слѣдовательно, море не могло заступить мѣсто земли, а особливо въ первыя времена по мірозданіи, когда земляное вещество было мягче, нежели нынѣ. Однако же должно признаться, что мы весьма не совершенно можемъ судить о порядкѣ шествія сихъ естественныхъ перемѣнъ; что еще меньше можемъ судить о слѣдствіи таковыхъ перемѣнъ; что недостатокъ историческихъ памятниковъ лишаетъ насъ свѣдѣнія о множествѣ произшествіи; намъ не достаетъ опытности и времени, и мы не разсуждаемъ того, что естьли намъ не достаетъ времени, то не недостаетъ онаго природѣ. Мы хотимъ относить къ минутѣ нашего существованія прошедшіе и будущіе вѣки, забывъ то, что сія минута, то есть

жизнь человѣческая, продолженная сколько можно болѣе, посредствомъ Исторіи, есть ни что иное, какъ точка въ вѣчности.

Ось шара есть мысленная линѣя, проходящая сквозь оной. Земля вертясь на сей линѣи, приводитъ и опускаетъ по перемѣнно всѣ свои точки предъ солнцемъ. Поелику мы не видимъ движенія земли, и какъ до полудни она приближаетъ насъ къ солнцу, и по томъ удаляетъ; то мы по сему и воображаемъ, что то не земля наша, а солнце со всемъ небомъ вертится.

Земля протѣкаетъ кругъ или овалъ въ годъ около солнца, дѣлая всякія 24 часа обращеніе въ кругъ своей оси, подобно, какъ какой либо катящійся шаръ, кромѣ обтекаемаго имъ пространства, вертится и около самаго себя, подымая и опуская по перемѣнно всѣ свои точки.

Дни и ночи были бы всегда равны, естьли бы земля не наклоняла свою ось, но всегда бы Екваторомъ своимъ стояла къ солнцу. Таково необходимо долженствовало быть положеніе оси ея до потопа, естьли то правда, что въ то время была всеобщая и вѣчная весна, какъ то можно о семъ заключить:

1 е, по долговременной жизни первыхъ человѣковъ, 2 е, по преданію, оставшемуся въ древнихъ писаніяхъ, 3 е, по новости радуги послѣ потопа, изъ чего можно заключить, что прежде не было ни дождя, ни другихъ воздушныхъ явленій, а обильная роса, единообразная умеренность воздуха, и безпрестанное равноденствіе. Но Богъ восхотѣлъ удалить землю на 23 градуса, и наступилъ иной порядокъ вещей, открылись новыя небеса и новая земля. Сія догадка ни мало не противна истинному благочестію, которое приписываетъ Богу все въ мірѣ произходящее.

О КАМНЯХЪ.

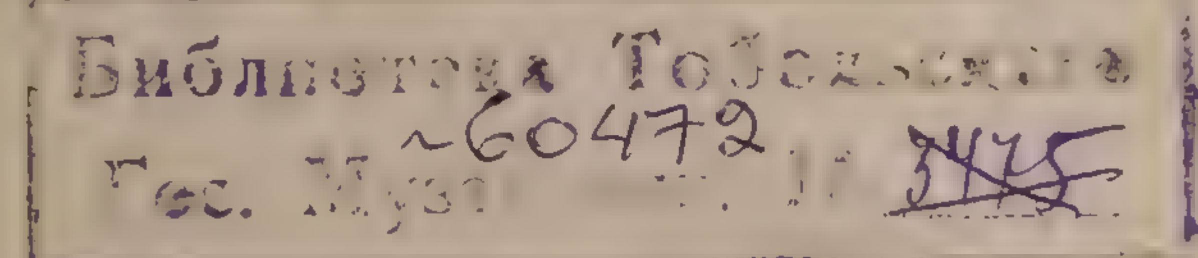
Въ ущелинахъ и въ ложбинахъ каменныхъ горъ, кои должно почитать водохранилищами и истоками перпендикулярныхъ разсѣлинъ, различное направленіе водъ, кои влекутъ съ собою каменотворное вещество, придаетъ произходящему изъ того срастѣнію каменныхъ частицъ, различные виды, кои обыкновенно представляютъ опрокинутые концы, висящіе въ пустотѣ горы у свода

ся, или пустыя цилиндры и весьма бѣлыя, составленныя слоями, имѣющими почти одинъ цѣнтръ съ осью цилиндра, и сіи окаменелости иногда идутъ до самаго низу, и составляютъ въ сихъ подземныхъ мѣстахъ столбы и многія другія фигуры, столь же странныя, какъ и имена, которыя угодно было Естествоиспытателямъ дать имъ, какъ Сталактиты, Стелегмиты, Остеоколлы и проч.

На конецъ, когда сіи сросшіяся соки выходятъ непосредственно изъ весьма твердаго вещества, какъ на примѣръ изъ Мармора и иныхъ крѣпкихъ камней, то каменотворное вещество, влекомое водою, будучи столь однородно, сколько можно, и вода распустивъ, такъ сказать, составительныя онаго частицы, составляетъ, соединяся, видъ правильный, какъ то столбы, оканчевающіеся треугольною верьхушкою. Сіи столбы прозрачны и составлены изъ косвеныхъ слоевъ: сіе называется Шпаръ или Шпальтъ. Обыкновенно сіе вещество бываетъ прозрачно и безцвѣтно; оно иногда имѣетъ и цвѣтъ, естьли тотъ твердый камень или Марморъ, изъ коего оно произходитъ, содержитъ въ себѣ металлическія части. Сей Шпаръ

столь же крѣпокъ, какъ и камень; распускается такъ, какъ онъ кислыми спиртами пережигается отъ равнаго степени жару; и такъ не можно сомнѣваться, чтобъ то былъ не настоящій камень, но камень, содѣлавшійся однороднымъ, то есть, не имѣющимъ въ себѣ постороннихъ частицъ; можно, почти, сказать, что ето камень чистѣйшій и стихійный, камень, которой въ собственномъ своемъ видѣ.

Большая часть Натуралистовъ почитаютъ однако же сію матерію за вещество особое и существующее, не зависимо отъ камня: по ихъ мнѣнію каменотворный сокъ связуетъ не только части обыкновеннаго камня, но даже и голыша или кремня; сей сокъ, говорятъ они, умножаетъ плотность камней многократными вцѣживаніями, онъ содѣлываетъ ихъ ежедневно болѣе каменистыми, и на конецъ превращаетъ въ совершенный кремень; когда же сей сокъ установился въ Шпаррѣ; то получаетъ, посредствомъ многократныхъ же вцѣживаній, подобные соки, но гораздо чистѣйшіе, кои усугубляютъ его плотность и твердость; такимъ образомъ

Библиотека Тобольскаго
Гос. Муз.
~60472
3475

сія матерія, будучи прежде Шпарромъ, Стекломъ, по томъ Хрусталемъ, становится на конецъ Алмазомъ; такъ, что, по ихъ мнѣнію, всѣ камни стремятся содѣлаться кремиями, и всѣ прозрачныя матеріи Алмазами.

Но естьли сіе такъ; то отъ чего видимъ мы въ цѣлыхъ пространныхъ провинціяхъ, что сей хрусталотворный сокъ производитъ одинъ простой камень, а въ другихъ провинціяхъ одни кремни? Не скажутъ ли на сіе, что сіи двѣ земли древнѣе одна другой, что сей сокъ не имѣлъ времени столь долго дѣйствовать въ одной, сколько въ другой? Но сіе не вѣроятно. — Сверьхъ того, откуда происходитъ сей сокъ? Когда онъ производитъ камни и кремни; то что же самаго его производитъ? Весьма легко можно видѣть, что онъ не зависимо отъ сихъ матерій существуетъ, кои однѣ могутъ дать водѣ, ихъ проницающей, сіе окаменительное свойство, всегда относительно къ ихъ естеству и родовому свойству, такъ, что въ камияхъ онѣ производятъ Шпарръ, а въ кремияхъ Хрусталь, и сей сокъ столько же имѣетъ разныхъ родовъ, сколько находится различныхъ

веществъ, кои могутъ его произвести, и изъ которыхъ онъ можетъ исходить. Опытъ совершенно согласуется съ предлагаемымъ здѣсь мною; ибо всегда находится, что водяные истоки тѣхъ каменоломней, въ коихъ содержатся только простые камни, производятъ мягкія и пережигаемыя окаменѣнія, каковы суть и сами сіи камни; на противъ же того воды, выходящія изъ каменныхъ и кремнистыхъ горъ, составляютъ окаменелости твердыя и въ стекло претворяющіяся, и кои имѣютъ всѣ другіе свойства кремней, такъ какъ первыя имѣютъ свойства камня; воды же, напитавшія ложища свои веществами минеральными и металлическими, производятъ Калчаданы, Маркаситы и металлическія зерны.

Мы сказали, что всѣ матеріи можно раздѣлить на два большія разряда по двумъ всеобщимъ свойствамъ; однѣ изъ нихъ суть тѣ, кои претворяются въ стекло, а другіе пережигаемые; глина и кремень, мергель и камень могутъ быть почитаемы двумя крайностями каждаго изъ сихъ двухъ классовъ, коихъ средины наполняются почти безчисленною разнообразностію смѣшанныхъ

тѣлъ, кои всегда имѣютъ за основанїе какую либо изъ сихъ матерїй. Матерїи перьваго класса не могутъ ни когда прїобрѣсти свойства матерїй другаго класса; камень сколь бы онъ древенъ не былъ, будетъ всегда столько же отдаленъ отъ кремня, сколько горшечная глина удалена отъ мергеля; никакая извѣстная дѣиствующая причина не способна извести ихъ изъ круга, въ коемъ заключены ихъ свойства.

Главнѣйшїе изъ драгоцѣнныхъ камней послѣ Алмаза суть слѣдующїе:

Яхонтъ Спинеллъ. (*) Ежели сей камень имѣетъ хорошїй густокрасный цвѣтъ, и когда вѣсъ его превышаетъ 20 кратъ, то его называютъ тогда *Карбункулъ.*

Аметистъ; имѣетъ цвѣтъ красно-фїолетовый.

Гїацинтъ; иногда бываетъ красный, какъ Богемскїй Гренатъ, а иногда померанцовый, или красножелтый.

(*) Сїе имя, такъ какъ и множество другихъ принадлежатъ безъ сомнѣнїя къ нарѣчїю тѣхъ Азїатскихъ провинцїй, въ которыхъ сїи камни находятся.

Гренатъ; есть родъ Яхонта.

Бериллъ; имѣетъ цвѣтъ морской воды.

Сафиръ; небеснаго цвѣта.

Топазъ или *Хризолитъ*, цвѣту золотаго.

Опалъ; вмѣщаетъ въ себя достоинства всѣхъ другихъ камней; ибо въ немъ соединены всѣ цвѣты.

Хрусталь есть обыкновеннѣйшій изъ прозрачныхъ камней. Въ Алансонѣ и въ Медокѣ находятъ такіе Хрустали, кои подходятъ къ Алмазу.

Изъ темныхъ или только полупрозрачныхъ камней, драгоцѣннѣйшій есть *Сардониксъ* или *Корналинъ*, цвѣта мяснаго, или блѣднокраснаго, а иногда подходящаго къ померанцовому.

Ониксъ; цвѣтомъ сѣроватъ, или пестрый, черное съ бѣлымъ.

Бирюза; синеватая и зеленая.

Лаписъ Лазули; небеснаго цвѣта съ золотыми мушками.

Авантюринъ; цвѣта кофейнаго съ такими же мушками.

Кошачій Глазъ есть родъ опала.

Есть другой родъ Кошечьяго глаза, которой не прозраченъ.

Между камнями непрозрачными находятся такіе, кои составлены изъ

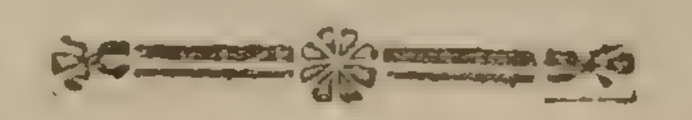
продолговатыхъ жилочекъ, похожихъ на пеньковую или льняную пряжу. Таковы, на примѣръ, такъ называемые *перяные квасцы*.

Таковы суть также разные роды *Аміанту*, отъ коего отдѣляютъ искусно нитки, и дѣлаютъ изъ оныхъ *Асбестъ*, то есть несгараемую холстину.

Пемза; довольно похожа на Аміянтъ, весьма изсушенный.

Знатнѣйшій изъ всѣхъ простыхъ камней есть *Марморъ*, коего весьма много родовъ, какъ то: бѣлый, черный, *черный Ефіопскій*, или *Базелтъ*; *черный Лидійскій* марморъ, на коемъ золотари пробуютъ металлы; *марморъ зеленый*; *Гранитъ*, которой весьма крѣпокъ и усѣянъ зелеными и бѣлыми пятнами; *Порфиръ*, весьма отличается какъ крѣпостію своею, такъ и прекраснымъ алымъ цвѣтомъ, и своими бѣлыми мушками, и струистые Марморы всѣхъ цвѣтовъ.

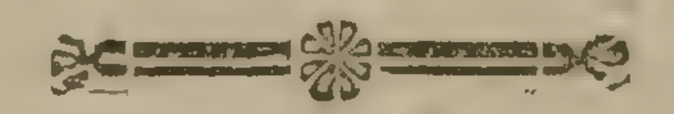
Алебастръ какъ бѣлый, такъ и струистый, есть родъ мармора, которой отличается отъ онаго только тѣмъ, что онъ мягче.

ПРОСТЫЙ И ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ *находить меридіанъ, или полуденную линѣю, какого либо мѣста.*

Около 10 го Іюня, или Декабря, то есть во время долгоденствія, или долгонощія, опиши на камнѣ, или другой какой весьма горизонтальной поверьхности, многія круги, которые бы имѣли одинъ центръ; на семъ центрѣ поставь сколько можно перпендикулярно, иголку или штиль. (Смотри приложенный при семъ чертежь.) По томъ отъ девяти часовъ и до одиннатцати назначай на каждомъ кругѣ точку, гдѣ кончится тѣнь штиля; сдѣлай то же отъ втораго и до четвертаго часа по полудни; раздѣли пространство между сими точками на всякомъ кругѣ по поламъ; сіе произведетъ порядокъ точекъ, чрезъ которыя проведи линѣю, и сія линѣя будетъ искомый меридіанъ. Естьли сіе сдѣлать около равноденствія; то должно исправить нѣкоторую погрѣшность; иначе же меридіанъ можетъ быть третіею частію минуты западнѣе въ Мартѣ, или восточнѣе въ Сентябрѣ. Сія погрѣшность произходитъ отъ того, что во время сего дѣйствія, естьли оное продолжится 6 часовъ, солнце ощу-

тительно перемѣняетъ разстоянїе свое отъ Екватора; оно приближается къ нашему Зениту въ Мартѣ, а въ Сентябрѣ отъ онаго удаляется: въ сихъ двухъ временахъ года оно не на одинакой высотѣ горизонта въ часы, равно отдаленные отъ полудня. Для избѣжанїя сего неудобства, вѣрнѣйшее средство состоитъ въ томъ, чтобъ начертить полуденную линѣю, двѣ недѣли послѣ или прежде долгоденствїя, или долгощїя.

ПОЛДЕНЬ

ВОСТОКЪ

ЗАПАДЪ

МЕРИДІАНЪ

О СЕЛИТРѢ.

Селитра по Латинѣ называется: *Нитрумъ*, *Натронъ*, *Анатрумъ*, *Афронитумъ*, *Галинатронъ*, *Галонитрумъ*, *Саллетра*: по Нѣмецки *Саллетеръ*: по Шведски *Калкъ-Салтъ*, или *Саллетеръ-Іордъ*: по Аглински *Салтпетеръ*.

Многіе писатели полагаютъ Селитру въ число ископаемыхъ солей; но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ можно сказать, что она не изъ внутренности земли добывается, но съ внѣшности ея: она родится почти на самой поверьхности ея; внутри же ни когда: когда же находятъ ея непосредственно на поверьхности; то сіе отъ того произходитъ, что дождевая вода ея нанесла. Но Селитра обыкновенно не болѣе, какъ на два фута въ землю проходитъ: сіе доказываетъ, что воздухъ весьма много способствуетъ къ ея рожденію, и чемъ болѣе земля губчата, тѣмъ болѣе произведетъ она Селитры.

Селитра есть кислая соль, отъ части постоянная и отъ части лѣтучая. Приведенная въ хрустали, принимаетъ она видъ шестиугольной призмы, съ

небольшею верьхушкою, обращетною къ одной сторонѣ призмы, съ которою она составляетъ тупой уголъ. На вкусъ она кисла, холодна и горька. Въ водѣ удобно распускается, на огнѣ сгараетъ, оставивъ въ пережигательномъ сосудѣ нѣсколько Алкалической земли: соединенной съ Алкаліемъ (*) она варится; смѣшанная же съ горючими веществами, дѣлаетъ вспышку. Для распущенія ея потребно въ шесть разъ и одну треть воды противъ ея вѣсу.

Нынѣшняя Селитра весьма различествуетъ съ Натрономъ, Анатрумомъ, или Галинатрономъ древнихъ: сія была ни что иное, какъ Минеральная и Алкалическая соль, или соль Алкалическая землянистая, и по видимому нынѣшній Тинкаль, изъ коего дѣлаютъ Буру.

Г. д' Аржанвиль въ своей Ориктологіи раздѣляетъ согласно съ Линнеемъ Селитру на природную и художественную. Природная, по его утвержденію, содержитъ въ себѣ много Флогисту, (**) и извлекается изъ пещеръ; она прили-

(*) Щелочное вещество.

(**) Флогистъ горючее существо.

паетъ къ перегородкамъ каменныхъ горъ. Она родится такъ же, по сказанію сего же Автора, при озерахъ. Онъ раздѣляетъ ее на четыре рода: 1я Селитра степная. 2я Селитра при источникахъ находящаяся, или колодезная, каковъ на примѣръ Аглинскій Епсонъ, Сейдлицъ Богемскій, и Шведскій Амонъ. 3я Селитра шпатовая, которая имѣетъ четверосторонные хрустали. 4я Селитра марморная, известковаго свойства, находящаяся въ горахъ известковыхъ камней.

Не давно еще узнали съ нѣкоторою точностію начала и необходимыя части, изъ коихъ Селитра составлена. Нынѣ за подлинно извѣстно, что въ составленіе ея входятъ три рода началъ.

1е. Въ ней находится натуральная соль, которая съ воздухомъ проникаетъ въ землю. Присудствіе сей соли доказывается неоспоримо вкусомъ, отдѣленіемъ кислаго спирта, перегоненіемъ, запахомъ Селитрянаго спирта, кипѣніемъ ея съ солями и Алкалическими землями, и всѣми свойствами Селитры. Соль сія безъ сомнѣнія имѣетъ Витріолическое (купоросное) свойство. Напитанный ею воздухъ внѣдриваетъ ея въ землю.

2е. Селитра содержитъ еще въ себѣ уриноватую соль, произходящую отъ согнитія растѣній и животныхъ частей. Доказываютъ, что сія соль учавствуетъ въ составленіи Селитры, тѣмъ ежедневнымъ опытомъ, которой намъ показываетъ, что Селитра родится по большей части тамъ, гдѣ было много уриноватыхъ испарении, и гдѣ произходило согнитіе животныхъ и прозябаемыхъ частей; запахъ Селитры, сверьхъ того, оное доказываетъ. Соль соединясь съ кислотою, проницаетъ оную, ослабляетъ, и раждаетъ среднюю соль, которая собственно есть купоросная кислота. Соединеніе ихъ дѣлается столь тѣсно, что не возможно уже ихъ раздѣлить. Уриноватая соль есть та же, что нѣкоторые писатели называютъ горючею, или Флогистическою: но сей Флогистъ, или сія горючесть, кажется больше дѣйствіемъ или свойствомъ уриноватой соли, нежели составительнымъ началомъ Селитры.

3е. Кромѣ сего находится въ Селитрѣ лѣтучая соль, сопротивляющаяся огню, какова, на примѣръ, находится въ золѣ, въ известкѣ каменныхъ стенъ и проч. Сіи Алкалическія части обна-

руживаются въ Селитрѣ чрезъ самое ея произхожденіе; ибо для произведенія оной должно, чтобъ была въ *Маткѣ* зола, известь, или другое какое тѣло, содержащее въ себѣ много Алкалической соли, или чтобъ оное было къ ней примѣшано, во время доставанія ея изъ *Матки*. Безъ сего прибавленія она никогда не можетъ быть хрусталлизированна. Сіе доказывается еще тѣмъ, что когда Селитру жгутъ, то она оставляетъ всегда добрую часть сей Алкалической соли. Другое еще самое неоспоримое доказательство присудственности сего Алкалія, есть возрожденіе Селитры. Когда прибавишь къ Селитряному спирту какого либо Алкалія, и оставишь его хрусталлизироваться; то найдешь новую Селитру. Сіе-то у Химиковъ называется *Нитрумъ регенератумъ*, или возрожденная Селитра.

Валлеріусъ, въ сочиненіи своемъ о Селитрѣ, полагаетъ только два начала въ Селитрѣ, а имянно: вещество жирное и Алкалическое. Въ Минераллогіи своей онъ, покрайней мѣрѣ, полагаетъ четыре начала, въ толковании же своемъ о Селитрѣ, соглашается онъ совершенно съ нами, разумѣя подъ именемъ жирныхъ

частей, о коихъ онъ говоритъ, уриноватую соль, которая тѣсно соединяется съ купоросною кислотою, мною упомянутою. Изъ сего явствуетъ, и опытъ оное подтверждаетъ, что имѣющія Селитряные заводы напрасно избѣгали тучныхъ земель. Весьма ясно, что безъ сихъ масляныхъ частицъ, кои въ особливости находятся въ животныхъ частяхъ, не можетъ произойти ни какого согнитія; а безъ сего согнитія уриноватая соль не можетъ обнаружиться ни смѣшаться съ кислотою воздуха. Къ симъ тремъ началамъ присоединено нѣсколько воды и земли; чемъ болѣе воды, тѣмъ хуже Селитра: естьли же много земли; то она весьма не чиста.

Господа Питшъ и Юсти полагаютъ въ Селитрѣ тѣ же первоначальныя части, и доказываютъ то весьма ясно многими Химическими доводами.

Естьли сіи три начала встрѣтятся случайно въ землѣ; то раждаютъ вскорѣ соединяся самородную Селитру, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, смотря по плотности земли, и по тому сколько она защищена отъ солнца и дождя: соединивъ художественно сіи три

начала, можно произвести такъ же Селитру искуственную.

Хотя многіе способы, производить Селитру, известны и употребляются; но они не всѣ равно выгодны. Главная тайна состоитъ въ томъ, чтобъ ея разводить за дешевую цѣну и въ весьма малое время. Для сего должно знать настоящую пропорцію сихъ трехъ началъ. Количество купоросной кислоты, относительно къ уриноватой соли, весьма трудно ограничить. Весьма малое количество сей уриноватой соли можетъ присоединиться къ купоросной кислотѣ, или лучше сказать, сія послѣдняя заемлетъ отъ первой столько, сколько потребно для ея напитанія, количество же уриноватой соли можно положить въ пропорціи одного къ двацати. Что касается до Алкалической соли; то Химическіе опыты доказываютъ, что въ разсужденіи кислоты она содержится какъ 1 къ $5\frac{1}{2}$: такимъ образомъ воздушная кислота составляетъ большую часть Селитры. Однако же кажется, что количество купоросной кислоты зависитъ отъ количества уриноватой соли: сіе, мнѣ кажется, даже очевидно; по тому, что сіи два начала столь тѣсно соединяются, что не возможно ихъ раздѣлить:

такимЪ образомЪ, смотря по приступленію, болѣе или менѣе свободному, воздуха, и по количеству уриноватой соли, земля болѣе напитается сею кислотою, и слѣдовательно произведетЪ болѣе или менѣе Селитры. ПитшЪ думаетЪ, что кислота прежде соединяется сЪ известковою землею, а что соль уриноватая весьма медленно сЪ нею соединяется. Но опытЪ довольно ясно доказываетЪ тому противное. И такЪ кислота есть главный составЪ, а воздухЪ главное орудіе вЪ произведеніи Селитры. ВЪ Англіи умѣютЪ дѣлать, по средствомЪ искусства, сію кислоту: ее пріуготовляютЪ сЪ сѣрою. Она должна быть столь же дѣйствительна, какЪ и купоросное масло; а цѣна ея тамЪ по четыре копѣйки фунтЪ.

Почти всѣ писатели полагаютЪ вЪ Селитрѣ четвертое начало, а имянно, горючесть или ФлогистЪ, по мнѣнію Лемери; но ВольфЪ и Юсти отвергаетЪ сіе горючее начало, и сей послѣдній доказываетЪ оное тѣмЪ, что самая уриноватая соль, коей приписывается сей ФлогистЪ, столь же мало, по сказанію его, горюча, какЪ СалміакЪ. Видно, однако же, что вЪ Селитрѣ есть ФлогистЪ: ибо она горитЪ на простыхЪ

угольяхъ. Правда, что сей Флогистъ весьма въ маломъ количествѣ, и дабы содѣлать его горючимъ, то должно присоединять къ тому другія горючія тѣла, дабы придать ему дѣйствительности: Питтъ то весьма хорошо доказываетъ. И такъ Флогистъ есть ни что оное, (какъ то мы уже сказали) какъ одно изъ свойствъ уриноватой соли, а не составительная часть самой Селитры.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, весьма гремѣла тайна, составлять хорошую Селитру изъ обыкновенной соли, и какъ тогда говорили, изъ одного фунта фунтъ. Нынѣ же сіе довольно извѣстно, что изъ фунта простой соли, которая содержитъ уже въ себѣ Алкалическія частицы, смѣшанной по поламъ съ купоросомъ и съ уриноватою солью, можно сдѣлать фунтъ же Селитры; и сіе можно дѣлать различнымъ образомъ: но какъ сей составъ стоитъ столько же, сколько и сама Селитра; то тайна сія потеряла свою славу.

Можно учинить то же дѣйствіе, распустивъ въ уринѣ, виннаго камня, бросивъ туды простой соли, и давъ ей въ ономъ сгнить, и смѣшавъ, на конецъ,

сїе съ доброю землею, въ которой оставить оное нѣсколько мѣсяцовъ. Сїи различные способы доказываютъ, по крайней мѣрѣ, что истинныя начала Селитры суть тѣ, кои мы выше сего показали.

Способы, производить Селитру, по разнымъ мѣстамъ различны; но обыкновеннѣйшїй и лучшїй есть тотъ, чтобъ садить ея въ землю, которая ее истинная матка. Для сего должно избирать землю Алкалическую и вязкую. Когда смѣшенїе матерїй учинилось по предложеннымъ мною правиламъ; и естьли оныя защищены отъ солнца и дождя, и естьли, на конецъ, воздухъ можетъ въ нихъ свободно обращаться; естьли такъ же будутъ ихъ содержать въ потребной сырости и время отъ времени помѣшивать; то симъ средствомъ соберется несравненно болѣе Селитры. Сїя метода тѣмъ еще выгоднѣе прочихъ, что требуетъ гораздо менѣе издержекъ и работы.

Иногда дѣлаютъ погреба вымощенные пережженными черепицами и приготовленными съ уриною; сверьхъ ихъ кладутъ селитреной земли, и поливаютъ часто уриною: дѣлаютъ такъ же и другїе погреба изъ составленїя двухъ

частей золы и одной части извести, которыя также поливаютъ уриною; симъ тѣстомъ обмазываютъ стѣны на аршинъ толщины, часто смачиваютъ ихъ уриною и сушатъ огнемъ, и сїе попеременно до тѣхъ поръ дѣлаютъ, пока довольное количество Селитры на нихъ покажется; но ни кто еще отъ сего способа не разбогатѣлъ.

Дѣлаютъ также небольшїе стѣнки составленныя, или только обмазанныя составомъ изъ земли, золы, извести и соломы. Въ Пруссїи такимъ образомъ поступаютъ. Сїя метода не убыточна и довольно прибыльна, естьли помянутыя матерїялы можно достать за дешевую цѣну.

Разсмотрѣвъ произхожденїе Селитры, посмотримъ теперь какъ оную добываютъ. Сїи куски или глыбы Селитряной земли, кладутъ въ большїя чаны съ двойнымъ дномъ: верьхнее дно просверлено на множество не большихъ скважинъ, дабы вода, которую въ оныя льютъ, и которая должна превышать землю на толщину ладони, могла стечь. По томъ спустивъ сей щолокъ, к которой по крайней мѣрѣ долженъ пробыть двенатцать часовъ на сей землѣ, можно

для удобренія онаго налить въ другой, въ трети, и даже въ четвертый чанъ съ новою землею, смотря по тому, сколь крѣпокъ будетъ щолокъ. Чрезъ сіе сберегутся дрова. Должно, однако же, наблюдать, чтобы не съ лишкомъ много оной обременить Селитрою. Ибо шесть съ половиною фунтовъ щолоку не могутъ содержать въ себѣ болѣе фунта Селитры. Лишнѣе же упадетъ на землю или останется въ послѣднемъ чану. Въ сіи чаны, изъ коихъ извлеченъ первый и крѣпчайшій щолокъ, наливается опять вода, поступая такимъ же образомъ. Сей вторый щолокъ будетъ слабѣе перьваго, и естьли онъ найдется довольно крѣпкимъ для варенія; то его можно употребить вмѣсто простой воды, для наливанія въ новой чанъ, наполненной новою же землею.

Дѣлая сей щолокъ, должно примѣчать, довольно ли земля наполнена Алкалическими частицами: естьли не довольно, какъ то обыкновенно бываетъ съ землями, вынутыми изъ подъ конюшенъ; то надлежитъ на дно чановъ положить золы и живой извести, для снабженія оно потребнымъ Алкаліемъ, и безъ коего соль ни когда не хруста-

лизируется. Сто фунтовъ сего щолока, сдѣланнаго такъ, какъ я теперь объявилъ, должны содержать 16 фунтовъ Селитры. Его вливаютъ по томъ въ котелъ, и варятъ безпрестанно двои, трои, или и четверы сутки, смотря по крѣпости его, по томъ вливаютъ въ двудонный чанъ, коего промежутокъ наполненъ жнивомъ. Въ сей же чанъ бросаютъ также золу и гашеную известь, для очищенія щолока, что еще болѣе снабжаетъ его Алкаліемъ; соль отъ того лучше садится и хрустали ея бываютъ больше. По учиненіи сего, сей очищенный щолокъ кладется въ котелъ, и варится до настоящей густоты; по томъ кладутъ его въ другой широкодонный чанъ, и покрывъ оставляютъ такъ на полчаса; дабы остальная нечистота и соль погрузилася въ низъ: послѣ сего его изъ чана вынимаютъ и раскладываютъ въ чистую не большую посуду, и ставятъ въ холодное мѣсто, дабы соль хрусталилизировалася: сія соль будетъ, такъ называемая, неочищенная Селитра.

Для ощищенія ея кладутъ опять въ котелъ съ примѣшеніемъ въ шесть разъ и одну треть воды противъ ея вѣсу. Когда она распустится; то къ

ней прибавляютъ не много квасцовъ, или уксусу, что заставляетъ нечистоту подыматься въ видѣ пѣны, которую должно сымать: квасцы выгоднѣе для количества Селитры, а уксусъ для качества. Можно съ пользою употреблять ихъ обоихъ; во первыхъ уксусъ, когда Селитра начинаетъ пѣниться, а по томъ квасцы, когда пѣна начнетъ чернѣть. Когда же сей растворъ начнетъ кипѣть; то его снимаютъ съ огня, разливаютъ въ сосуды и ставятъ въ холодное мѣсто. Тамъ-то дѣлаются изъ сего чистѣйшіе Хрустали, или очищенная Селитра.

Выше сего я только, что напомянулъ о построеніи стѣнъ для Селитры; теперь же предложу о томъ подробнѣе, слѣдуя правиламъ Господина Питша.

Г. Іоганъ Готфридъ Питшъ, представилъ въ 1749 году Королевской Берлинской Академіи наукъ записки, о разведеніи Селитры и о ея свойствѣ. Онъ думаетъ, что она составлена изъ купоросной кислоты, находящейся въ воздухѣ и изъ лѣтучей уриноватой и горючей соли. Онъ сіе доказываетъ различными Химическими опытами.

Онъ требуетъ, для разведенія Селитры, землю известковую, Алкалическую и вязкую, которая бы при томъ была и ноздревата; дабы кислота и Флогистъ Селитряныя могли удобнѣе въ оную внѣдриться и остаться въ ней. Такова во первыхъ земля, находящаяся на нѣсколько дюймовъ подъ дерномъ тѣхъ луговъ, гдѣ пасутся стада, или и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ скотъ держится. 2я черная земля, по близости городовъ деревень и прочихъ селеній, и которая не была пахана. 3 и наилучшая есть земля погребная, конюшенная, гуменная, естьли только она не песчана и не камениста; равномѣрно хороша для сего и та земля, которая была долго подъ навозомъ, или подъ нужниками.

Сей известковой земли берется пять мѣръ, и одна мѣра золы не щелоченной. Естьли кто имѣетъ купоросныя земли; то можно убавить количество золы, количество же Селитры отъ того прибавится. Изъ сей матеріи дѣлаютъ тѣсто, или родъ Цименту, смачивая ея навознымъ сокомъ, или дождевою водою, которая въ деревняхъ накопляется во кругъ навозныхъ кучь. На сіи шесть мѣръ земли и золы при-

бавляется посредственная связка ячменной соломы. Всѣ сіи матеріи должно, какъ можно лучше, смѣшать, какъ то поступаютъ въ смѣшеніи извести и песку съ водою, для дѣланія Циментy.

Изъ сей-то грязи или смѣси воздвигаютъ стѣны для Селитры. Длина ихъ обыкновенно бываетъ отъ 15 до 20 футовъ, вышина отъ 6 до 7 футовъ, а толщина въ низу 3 фута, а въ верьху 2. Двѣ доски служатъ съ начала какъ бы футляромъ, для положенія основанія. На каждомъ футѣ разстоянія втыкаются въ сію грязь деревянныя палки, имѣющія два дюйма въ отрубѣ; когда же стѣна нѣсколько просохнетъ; то ихъ выдергиваютъ, и на томъ мѣстѣ остаются круглыя диры, кои способствуютъ теченію и обращенію воздуха. Въ сихъ-то дирахъ примѣчается во первыхъ Селитра, и онѣ даже совершенно наполняются оною. Солома, служившая къ укрѣпленію и связанію сей грязи, вскорѣ согниваетъ. Отъ сего стѣна становится ноздреватою и воздухъ въ ней свободнѣйшее имѣетъ теченіе.

Сія стѣна должна оканчиваться въ верьху скатомъ и должна быть покрыта соломенною крышкою, которая бы имѣла съ обѣихъ сторонъ навѣсы для за-

щищенія боковъ стѣны отъ дождя и снѣгу, которые безъ того смоютъ Селитру.

Сіи стѣны должно строить въ самыхъ сырыхъ мѣстахъ, сколько возможно больше защищенныхъ отъ солнца и отъ дождевыхъ вѣтровъ. Сырость сопровождается Селитряными испареніями. Солнце же, высуша чрезмѣрно стѣны, воспрепятствуетъ рожденію Селитры, а дождь смоетъ нарождающіеся ея цвѣты.

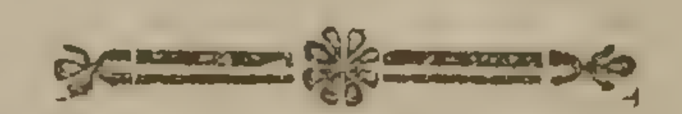
Голубиной и куриной калъ, весьма, такъ же, полезенъ для сихъ стѣнъ, не для примѣшиванія къ составу ихъ, но для клажи внизу оныхъ. Изъ сего калу испаряются щелочные и лѣтучіе спирты, которые такъ же притягиваютъ Селитряныя частицы изъ окружнаго воздуха. Сей калъ, претворившійся по томъ въ землю, можно въ слѣдующій годъ примѣшивать въ тѣсто, для сооруженія другихъ такихъ же стѣнъ.

Осень есть наилучшее время для построенія такихъ стѣнъ; по прошествіи же года должно ихъ разрушить для извлеченія изъ нихъ Селитры такимъ образомъ, какъ выше указано, поступать съ Селитряными землями.

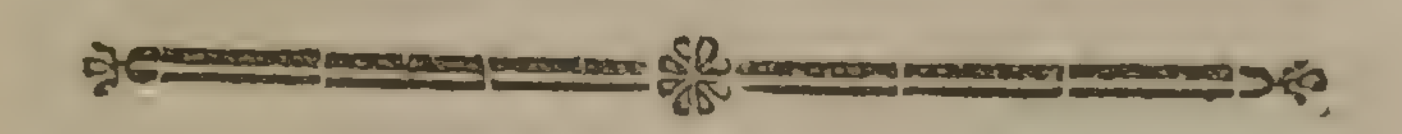
Естьли въ составленіи сихъ стѣнъ будетъ недостаточно щелочной соли; то вмѣсто Селитры произойдетъ средняя соль, одного свойства съ слабительною Аглинскою солью.

Количество Селитры, добываемой изъ сихъ стѣнъ, зависитъ: 1е. Отъ доброты матеріяловъ, употребляемыхъ на сооруженіе оныхъ. 2е. Отъ мѣста, болѣе или менѣе къ тому удобнаго. 3е. Отъ погодъ, болѣе или менѣе благосклонныхъ, въ теченіе года бывшихъ. Туманы наипаче способствуютъ къ составленію Селитры.

Солома, служившая крышею въ продолженіи года, можетъ быть употреблена въ составъ стѣны на слѣдующій годъ. Земляныя же матеріи, оставшіяся по извлеченіи изъ оныхъ Селитры, можно положить въ такое мѣсто, гдѣ бы дождь не могъ ихъ промочить, но гдѣбы свободно проходилъ воздухъ, и по прошествіи года употребить ихъ для составленія стѣны съ новою щелочною землею и золою. Можно также удобрять оною обезсоченныя поля, на коихъ ростетъ мохъ, вспахавъ ихъ хорошенько.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ЛѢКАРСТВО

отъ угрызенія бѣшеной собаки.

Какъ скоро кого укуситъ бѣшеная собака; то должно сдѣлать родъ тѣста изъ одной или двухъ столовыхъ ложекъ соли, смоченной водою такъ, чтобъ соль оною совершенно напиталась. Симъ должно терѣть рану по три или по четыре раза въ день, въ продолженіе десяти дней. Сего же тѣста положивъ на тряпку, должно прикладывать къ укушенному мѣсту. Сіе лѣкарство весьма дѣйствительно, и симъ же способомъ можно лѣчить собакъ и прочихъ укушенныхъ животныхъ.

ДРУГОЕ ЛѢКАРСТВО.

Одинъ бѣдный человѣкъ изъ города Удины въ Фріулѣ, бывъ укушенъ бѣшеною собакою, вмѣсто того, чтобъ принять приготовленное для него лѣкарство, выпилъ ошибкою такое же количество крѣпкаго уксусу, и совершенно исцѣлился. Когда слухъ о семъ разнесся; то одинъ Падуанской Врачь пріѣхалъ въ Удину, дабы удостовѣриться въ истиннѣ сего произшествія, которое нашлось справедливымъ, и онъ испыталъ сіе лѣкарство много разъ съ равнымъ успѣхомъ: онъ даетъ своимъ больнымъ въ день по фунту уксусу въ три пріема, а имянно: по утру, въ полдень, и въ вечеру. Употребляя сіе лѣкарство, должно однако же соразмѣрять количество онаго съ сложеніемъ больнаго.

СПОСОБЪ ВОЗВРАЩАТЬ ЖИЗНЬ УТОПШИМЪ,

Испытанный съ успѣхомъ надъ однимъ человѣкомъ, которой пробылъ въ водѣ три четверти часа; употребленный однимъ Бретанскимъ Врачемъ Г. Сокеномъ.

Вынувъ изъ воды утопшаго, Г. Сокень велѣлъ ему тереть лицо, грудь и животъ жизненнымъ Гофмановымъ Бальзамомъ. Его одѣли весьма теплыми простынями, которыя перемѣняли время отъ времяни, и терли его сильно по всему тѣлу. По томъ пустилъ онъ ему изъ руки кровь; послѣ велѣлъ дуть ему въ лицо табачнаго дыму, отъ коего онъ два, или три раза чихнулъ, и выблевалъ нѣсколько кровавой пѣны, коею легкое его было наполнено. Тяжелое его дыханіе, подало причину Г. Сокеню думать, что легкое его было завалено водою, которую онъ, утопая, принужденъ былъ глотать: для сего далъ онъ ему четыре или пять грановъ Еметику (рвотнаго) въ стаканѣ теплой воды. Отъ сего рвотнаго выблевалъ онъ болѣе двухъ бутылокъ воды. Отъ усилія же, при рвотѣ имъ дѣлаемаго, вышло у него изо рта болѣе стакана пѣны, смѣшанной съ малымъ количествомъ крови. Сіе послѣднее изверженіе весьма его облегчило; онъ жаловался, однако же, что чувствуетъ великую стужу: но 50 каплей Гофманова жизненнаго Бальзама, кот рыя принялъ онъ въ похлебкѣ, довершили его подкрѣпить. Въ вечеру Г. Сокень нашелъ у него весьма красное

лице, и скорый пульсъ и дыханіе: сіи припадки, слѣдствіе его прежняго положенія, были уничтожены двумя кровопусканіями; употребленіе же Гофманова Бальзама, которой онъ продолжалъ принимать, способствуя дыханію, совершенно излѣчило его отъ нѣкоторой слабости желудка, и отъ болѣзненнаго вдохновенія, которыя чрезъ три дни совсѣмъ миновалися.

Вмѣсто сего изящнаго способа лѣченія, можно, смотря по обстоятельствамъ, употребить теплую золу, какъ то весьма успѣшно учинилъ Г. Докторъ дю Мулень. Сей искусный Медикъ испыталъ сіе лѣкарство надъ одною утопшею дѣвкою, которая весьма долгое время была въ водѣ; ибо она была безъ движенія, вся похолодѣла, глаза были зажмурены, ротъ разинутъ, цвѣтъ имѣла мертвый, лицо надутое, все тѣло распухло и пульсъ не бился. Врачь потребовалъ золы, которая бы не была еще употреблена на щолокъ. Сію золу велѣлъ онъ положить въ котлы, и поставить на огонь: когда она довольно нагрѣлася; то онъ насыпалъ оной на постѣлю на четыре пальца толщины. По томъ раздѣвъ до нага утопшую, велѣлъ положить ея на сію золу,

и такимъ же количествомъ золы ея осыпалъ; на голову велѣлъ онъ ей надѣть колпакъ, наполненный золою, а на шею повязалъ ей такой же чулокъ; ея одѣли простынею и сверьху одѣяломъ. Чрезъ полчаса послѣ сего пульсъ сдѣлался ощутительнымъ. Голосъ появился, и послѣ нѣкоторыхъ смѣшенныхъ звуковъ, присудствующїе услышали сїи слова: *я замерзла, я замерзла*; онъ далъ больной ложку водки съ сахаромъ, и оставилъ ея покрытою золою около осьми часовъ; по прошествїи сего времени она совершенно выздоровела, и ей осталась одна только усталость, которая чрезъ три дни миновалася; вода вся вытекла чрезъ урину, и съ такимъ изобилїемъ, что вся та комната, гдѣ она лежала, оною наводнилася. Въ продолжительныхъ морскихъ путешествїяхъ, за неимѣнїемъ золы, можно съ успѣхомъ употреблять въ такихъ случаяхъ табашной дымъ, впуская оной во внутренность. Въ пустыхъ степяхъ можно употреблять вмѣсто золы песокъ; такъ же теплые овечьи шкуры, весьма дѣйствительны.

ЛѢКАРСТВО
отъ чахотки и отъ внутреннихъ ранъ.

Положи вмѣстѣ въ Реторту фунтъ земляной смолы. (битуменъ) полфунта пережженой соли и полтора фунта чистаго песку: все сїе перегоня въ сильномъ огнѣ. Сперва выйдетъ не много воды, которую должно выливать, отнимая на минуту прїемной сосудъ. Черное же масло, которое вскорѣ потечетъ за помянутою водою, есть самое сїе лѣкарство. Его продолжаютъ гнать столь долго, сколь оно будетъ черно, или темносиняго цвѣта. Сего масла должно давать больному отъ десяти до пятнатцати капель два раза въ день, по утру на тощакъ, и въ вечеру ложася спать.

ЛѢКАРСТВО
отъ каменной болѣзни.

Возьми 8 унцїй Греческаго мыла, унцїю гашеной извести, истолченной въ порошокъ, золотникъ соли виннаго камня, или перечищеннаго Поташу. Наскобли мыла и смѣшаи его съ известью и съ

помянутою солью: по томъ сбѣй все сіе съ небольшимъ количествомъ *гумми адоаганта*, распущеннаго въ водѣ, дабы сдѣлать изъ того родъ тѣста, коего должно принимать по двѣ или по три унціи въ день, накатавъ изъ него небольшихъ пилюль; что должно продолжать мѣсяцъ или шесть недѣль. Однако же, ежели отъ употребленія сего лѣкарства больной почувствуетъ себя надмѣру разгоряченнымъ; то должно перестать и двѣ недѣли не ѣсть ни чего, кромѣ молочнаго; послѣ чего опять должно приняться за вышеписанное лѣкарство, которое въ Англіи въ великой славѣ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ БОРОДАВОКЪ.

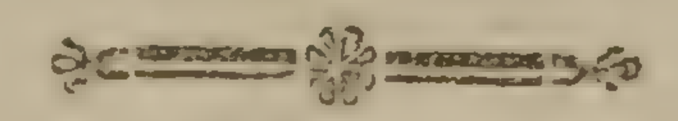
Возьми отломокъ Аспидной доски, пережги его хорошенько въ огнѣ, и по томъ истолки его въ порошокъ; сей порошокъ смочи крѣпкимъ уксусомъ такъ, чтобъ изъ того сдѣлался родъ киселя; симъ составомъ три бородавки по нѣскольку разъ въ день, и продолжай то нѣсколько времени: ни одна бородавка не устоитъ противъ сего лѣкарства.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ЖАБЫ,

то есть отъ великаго воспаленія въ горлѣ, которое даже мѣшаетъ глотать пищу, по причинѣ паденія язычка.

Ежели сія болѣзнь велика, и сопряжена съ горячкою; то въ такомъ случаѣ должно прибѣгнуть къ кровопусканію; но ежели она еще не весьма усилилась; то употребляй слѣдующее:

Возьми чернильнаго орѣшка, квасцовъ, перцу, каждаго по скрупулу, истолки все сіе въ порошокъ, и примѣшай къ тому не много яичнаго бѣлка; по томъ, навязавъ на палочку чистую тряпку, обмакни въ сей составъ и потрогивай оною язычекъ: сіе повтори раза три въ день, и болѣзнь вскорѣ минуется.

ЛѢКАРСТВО

отъ кроваваго поносу.

Свари похлебку изъ бѣлой пищей бумаги, (изорвавъ оную въ лоскутки,) съ молокомъ и не большимъ количествомъ леденцу: три или четыре такія

похлебки излѣчаютъ самый жесточайшій кровавой поносъ. Сіе утверждаетъ одинъ искусный Врачь; находившійся тритцать лѣтъ при войскахъ.

ЛѢКАРСТВО ОТЪ ВЕСНУШЕКЪ.

Возьми нѣсколько длинныхъ костей изъ бараньихъ ногъ, положи ихъ въ огонь, жги до тѣхъ поръ, пока онѣ удобно могутъ превратиться въ порошокъ; сей порошокъ всыпь въ бутылку, налѣй на оной бѣлаго винограднаго вина, и дай сутки простоять; по томъ слѣй и обтирай онымъ лицо. На четыре бараньихъ ноги потребно стаканъ или большая рюмка вина.

СПОСОБЪ,

чтобъ у дѣтей зубы выходили безъ боли и безъ всякой отъ того, для нихъ, опасности.

Когда младенцы крикомъ своимъ даютъ знать, чувствуемую ими болѣзнь въ

деснахъ отъ прорѣзывающихся зубовъ; то должно имъ почасту натирать десны самою лучшею патокою: отъ сего десны столько размягчатся, что зубы безъ всякой боли выдутъ, и слѣдовательно младенецъ чрезъ сіе предохранится отъ всѣхъ тѣхъ припадковъ, которые въ такомъ случаѣ, часто похищаютъ сихъ нѣжныхъ предметовъ надѣжды родителей.

СПОСОБЪ
унять въ одну минуту самую жесточайшую зубную боль.

Должно взять ложку истолченаго въ порошокъ перцу и двѣ ложки тертаго сахару, и развести сіе съ небольшимъ количествомъ водки. Сію смѣсь должно положить на желѣзную раскаленную лопатку, и помѣшивать ножемъ или чемъ другимъ, пока поджарится. По томъ высыпь сіе на бумагу, и когда простынетъ, то возьми количествомъ съ пшеничное зерно, и приложи къ деснѣ больнаго зуба; то въ туже минуту почувствуешь облегченіе. Сіе должно повторять всякой разъ, какъ почувствуешь опять боль.

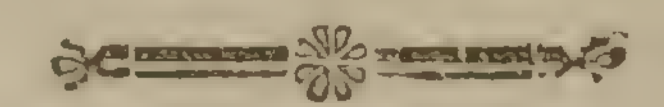
ЛѢКАРСТВО
отъ плоскихъ глистовъ.

Сіи глисты, коихъ пребываніе въ тѣлѣ человѣческомъ столь опасно, противятся большей части лѣкарствъ, кои истребляютъ всѣхъ прочихъ глистовъ. Вотъ однако же лѣкарство, котораго дѣйствіе по многимъ опытамъ несомнѣнно. Растѣніе *Портулакъ*, коего вездѣ найти можно, есть совершенный ядъ для сихъ глистовъ. Его можно ѣсть въ саладѣ, зеленый или сухій, также сырой и вареной: дѣйствіе его будетъ одинаково. За неимѣніемъ самаго растѣнія, на примѣръ зимою, можно употреблять сѣмяна онаго, сваривъ ихъ хорошенько въ водѣ; разность же вся состоитъ только въ томъ, что ихъ надлежитъ употреблять долѣе. Въ прочемъ весьма легко можно сохранить въ зиму сіе растѣніе, какъ поступаютъ съ прочими травами, или высушивъ его, или положа въ воду, налить сверьху слой масла.

ПОМАДА,
сводящая съ лица морщины.

Возьми соку изъ луковицъ бѣлыхъ Лилей и лучшаго меду, каждаго по унціи; яраго растопленнаго воску унцію; смѣшай все сіе хорошенько вмѣстѣ, и сдѣлай изъ того помаду: оною должно каждой вечеръ, ложась спать, натирать лицо, и не прежде, какъ по утру стирать ея полотенцомъ.

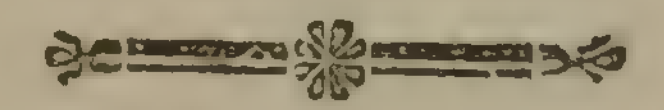

ДРУГАЯ ПОМАДА
для сего же дѣйствія.

Возьми шесть свѣжихъ яицъ, и свари ихъ въ густую, по томъ вынь изъ нихъ желтки, и на мѣсто ихъ положи Мирры и сахару леденцу по равной части: сложи вмѣстѣ яица, какъ будто бы они были цѣлы, и поставь ихъ къ огню. Изъ нихъ выйдетъ сокъ, которой смѣшай съ унціею свинаго жиру: симъ составомъ должно по утрамъ натирать лицо, дать засохнуть, и по томъ стереть.

ЛѢКАРСТВО
отъ падучей болѣзни.

Плоды и цвѣты померанцовые, принимаемые внутрь, суть весьма дѣиствительны отъ падучей болѣзни, и совершенно излѣчили многихъ, подверженныхъ сей болѣзни такъ, что не осталось оной ни малаго слѣду.

РАЗНЫЕ СЕКРЕТЫ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЕСЯ.

СПОСОБЪ
истреблять муравьевъ, кои причиняютъ великой вредъ фруктовымъ деревьямъ.

Для привлеченія муравьевъ подъ дерево, должно положить подъ оной листъ бумаги, и на оной положить нѣсколько сахару или меду. Муравьи всѣ тутъ соберутся: тогда сдѣлай около ихъ кругъ мѣломъ, то они ни какъ не осмѣлятся перейти чрезъ сію преграду, и тогда легко можно ихъ передавить.

СПОСОБЪ
сохранять виноградъ.

Должно имѣть боченокъ или бочку, въ которую бы, чрезъ уторы, не входило ни мало воздуха. Припаси пшеничныхъ отрубей, весьма сухихъ, или простянной золы. Насыпь оной на дно бочки, довольно толстой слой, на которой и клади виноградныя кисти, но только по одаль одна отъ другой, и отнюдь, чтобъ онѣ не лежали другъ на дружкѣ. На сіи кисти насыпь опять золы или отрубей, по томъ опять слой винограда и слой отрубей, и такъ продолжай, пока боченокъ будетъ полонъ, но съ тою, однако же, предосторожностію, чтобъ на самый верьхъ пришлось положить доброй слой золы или отрубей. По томъ заткни боченокъ, чтобъ воздухъ ни какъ не могъ въ него проходить. Въ семъ состоитъ главнѣйшее дѣло; послѣ сего можно быть увѣрену, что чрезъ годъ и болѣе, когда откупоришь боченокъ, то виноградъ будетъ также свѣжь, каковъ былъ въ то время, какъ его клали въ боченокъ.

Но дабы возвратилъ онъ всю свою свѣжесть; то должно, вынувъ кисти

изъ бочки, отрѣзать у нихъ не много стебли, и поставить бѣлой виноградъ въ бѣлое вино, а красной въ красное такъ, какъ цвѣты ставятъ въ воду. Когда онѣ постоятъ нѣсколько такимъ образомъ; то винный спиртъ пройдетъ по стеблямъ въ ягоды, и возвратитъ онымъ всю ихъ прежнюю доброту.

РЕЦЕПТЪ,

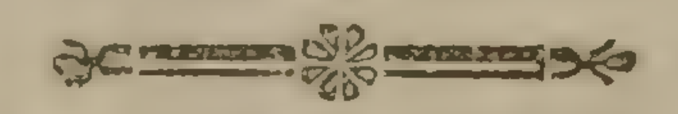
какъ составлять хорошїе чернилы.

Влѣй въ стекляной штофъ галенокъ хорошаго бѣлаго винограднаго вина, полфунта крупно истолченныхъ чернильныхъ орѣшковъ, 4 унцїи пережженнаго и въ порошокъ истолченнаго купоросу, и полъунцїи *Гумми Арабикумъ.* Сїя смола не даетъ черниламъ желтѣть и проходить сквозь бумагу.

Положивъ все сїе въ штофъ, заткни оной пробкою, и болтай его нѣсколько минутъ, чтобъ хорошенько смѣшалося. Сїе должно повторять дни три или четыре; послѣ чего можно употреблять сїи чернилы, или еще и прежде, естьли нужда того потребуетъ.

Дабы сохранить на долго сіи чернилы; то всякой разъ, когда отольешь изъ нихъ въ пузырекъ, дополнить вынутое бѣлымъ виномъ и сболтать хорошенько штофъ. Когда же въ продолженіе времени чернилы отъ сего ослабѣютъ; то каждой разъ, дополнивъ ихъ виномъ, должно ставить часа на два на солнце, и по томъ и болѣе, смотря по надобности. Когда же чрезъ нѣсколько лѣтъ сей составъ потеряетъ свою силу; то не надлежитъ уже доливать виномъ, а употреблять такъ, пока всѣ изойдутъ,

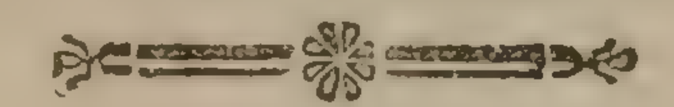
Главное должно наблюдать при составленіи сихъ чернилъ, чтобъ орѣшки были черны, крѣпки, тяжелы и лосклы; но тѣхъ отнюдъ не употреблять, которые бѣлесоваты, мягки и легки, по тому, что такіе ни куды не годятся.

СПОСОБЪ
составлять прекрасную голубую краску.

Нарви большее количество цвѣтовъ, называемыхъ Васильками, которые рос-

тутъ во ржи. Въ сихъ цвѣткахъ внѣшніе листы блѣднѣе, а средніе имѣютъ цвѣтъ гораздо темнѣе. Можно употреблять тѣ и другіе; но внутренніе листы даютъ лучшую краску: и такъ должно ихъ отдѣлять отъ прочихъ листовъ въ самой тотъ день, или по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ того, какъ ихъ сорвутъ. Когда таковыхъ листковъ нащиплешь довольное количество, то должно изъ нихъ выжать столько соку, сколько возможно, и прибавить къ тому не много квасцовъ: изъ сего произойдетъ самая яркая и прозрачная голубая краска, не уступающая ни въ чемъ *Ультра-марину*.

РЕЦЕПТЪ,
какъ составлять самой лучшій Китайской лакъ.

Возьми бутылку изъ бѣлаго стекла, которая бы была весьма прозрачна, чиста и суха. Влѣй въ нея фунтъ самаго чистаго виннаго спирта, или Французской водки, называемой *Коньякъ*. Наполни симъ бутулку на двѣ трети, то есть, чтобъ третья часть оной была

пуста. Положи въ сей спиртъ двѣ унціи (16 золотниковъ,) самой лучшей камеди, въ мельчайшій порошокъ истолченной, и такое же количество Сандараку (можжевельной смолы,) въ такой же порошокъ истолченной. По томъ заткни хорошенько бутылку, и поставь на солнце. Необходимо надобно, чтобъ сей составъ стоялъ въ такой теплотѣ, какова солнечная, и чтобъ былъ всегда по крайней мѣрѣ тепелъ. по тому, что отъ большаго жару бутылка можетъ лопнуть: должно ея время отъ времени побалтывать. Когда положенныя смолы не будутъ болѣе дѣлать осадки; то сіе есть знакъ, что оныя совершенно распустилися: тогда возьми бутылку, и поставь ее въ сухое мѣсто въ тѣнь на нѣсколько дней, и когда увидишь, что твой составъ раздѣлился на двое, то есть, что верьхняя половина онаго будетъ совершенной чистоты и прозрачности, а нижняя нѣсколько мутновата; то возьми другую бутылку изъ толстаго стекла, вымой ее хорошенько и высуши, чтобъ въ ней ни малѣйшей нечистоты и сырости не осталось, а всего вѣрнѣе взять для сего новую бутылку, ни когда еще не употребленную. Сливай въ нее по легоньку, наклоняя

всю чистую часть, которая и есть самый сей лакъ: но слѣй только самое чистѣйшее, ежели желаешь, чтобъ лакъ твой былъ совершенно хорошъ; по томъ заткни плотнѣе бутылку, и немедлѣнно на оставшуюся гущу налѣй двѣ унціи спирту. Заткни бутылку, поставь ее на солнце и поступай, какъ выше сказано. Изъ сего получишь такой же доброты лакъ. Сіе можно и въ третій разъ учинить, наливъ на гущу унцію спирту, и процѣдивъ весь составъ; получишь лакъ, хотя не столь хорошій, какъ первый и вторый, но гораздо превосходнѣйшій обыкновенно употребляемыхъ на панели и прочія тому подобныя домашнія украшенія. Сіе дѣйствіе можно повторять столько разъ, сколько кому угодно, и до тѣхъ поръ, пока получишь довольное количество лаку, для покрытія онымъ опредѣленныхъ на то вещей; можно такъ же сдѣлать онаго вдругъ многія бутылки, или по пропорціи наполнить симъ составомъ большую бутыль, на примѣръ полуведерную или болѣе, по желанію, но всегда наблюдая, чтобъ третья часть бутыли была пуста, дабы она не трѣснула во время распусканія смолы отъ солнечной теплоты. Общее же при семъ

правило есть то, чтобъ бутыли, содержащія въ себѣ сей составъ, равно и тѣ, въ которыхъ налитъ лакъ, для употребленія, были всегда хорошо заткнуты: ибо выдохшійся лакъ густѣетъ, тускнетъ, и теряетъ свою доброту даже и въ самое то время, какъ оной употребляютъ; то должно его весьма по немногу вливать въ чашку и немедленно онымъ покрывать.

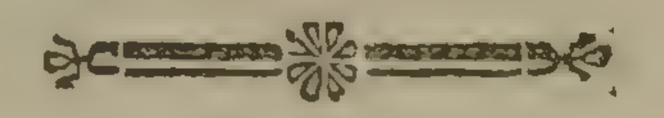
За неимѣніемъ солнца на примѣръ въ пасмурную погоду, можно дѣлать сей настой въ теплой пічи, когда изъ оной вынутъ хлѣбъ, и чтобъ оная совершенно была пуста; но только, чтобъ теплота была умѣренная. Однако же ставить на солнце гораздо выгоднѣе, по причинѣ равенства теплоты.

Кто желаетъ покрывать симъ лакомъ какую либо вещь; то должно избрать, для сего дѣйствія, весьма чистую комнату, въ которую бы ударяло солнце; должно такъ же, чтобъ лакъ былъ тепелъ, и чтобъ дерево, или иное какое вещество, онымъ покрываемое, имѣло равную степень теплоты, и чтобъ холодной воздухъ и пыль не могли пройти въ то мѣсто, гдѣ производится

сія работа. Причина тому есть та, что ежели покрывать холоднымъ лакомъ, или по холодному веществу, или попадетъ въ него пыль; то онъ сдѣлается тускл, начнетъ лупиться, какъ скоро употребленъ будетъ, и что отъ частаго обмакиванія кисти въ холодной лакъ, оный становится мутнымъ, налипнетъ кусками на кисть, и потеряетъ всю свою красоту, которая состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ блестящъ, гладокъ, и чтобъ не трѣскался и не лупился. Недостатокъ теплоты и малѣйшая нечистота причиняютъ ему вредъ. Не должно такъ же много онаго брать на кисть, для того, чтобъ онъ не имѣлъ времени простыть, и чтобъ покрываемая вещь была красивѣе. Для сего-то должно держать въ великой чистотѣ ту вещь, которую покрывать хочешь.

Величина кистей должна соразмѣряться величинѣ покрываемыхъ лакомъ вещей. Для гладкой вещи потребна большая кисть; а для тѣхъ, на коихъ есть рѣзьба, надобны кисти поменьше; дабы оныя могли доставать во всѣ впадины и дорожки.

Не должно давать кистямъ засохнуть, не обтеревъ ихъ хорошенько тонкою и чистою тряпкою; дабы употреблять въ другой разъ. Ежели же случится, что лакъ на кистѣ засохнетъ; то должно ихъ положить помокнуть въ винной спиртъ, и по томъ уже обтерѣть.

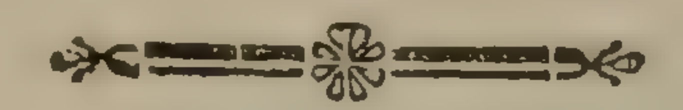

СПОСОБЪ

поправлять испорченную рыбу, такъ чтобъ она ни малѣйшаго рыбнаго и дурнаго запаху не имѣла.

Ежели случится такая рыба; то положи ее въ кострюлю, въ которой бы она свободно могла помѣститься; налѣй на нея теплой воды столько, чтобъ рыба въ оной погрузилася; брось туды двѣ горсти соли, и поставь кострюлю на небольшой огонь; не снимай до тѣхъ поръ, пока вода нечнетъ закипать; тогда почувствуешь изходящей изъ нея дурной запахъ. По томъ вынеси кострюлю на дворъ; дабы вся вонь вышла. Послѣ сего вылѣй сїю вонючую воду;

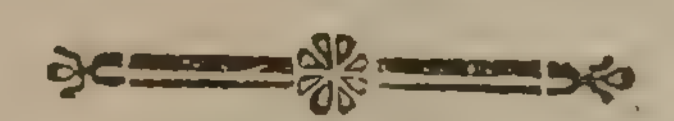
наполни кострюлю свѣжею водою, и чрезъ четверть часа, сливай и наполняй свѣжею; что должно учинить, по крайней мѣрѣ, три, или четыре раза. Въ послѣднїй разъ должно положить рыбу въ воду со льдомъ, естьли оной есть, и давъ ей нѣсколько въ оной полежать, употребляй рыбу для варенїя такъ, какъ водится.

СПОСОБЪ,

чтобъ старая золотая цѣпочка приняла прежнїй свой блескъ, и сдѣлалася бы такъ, какъ новая.

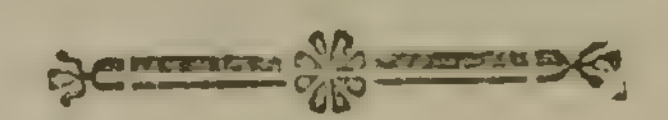
Возьми урины, и распусти въ ней нѣсколько нашатырю, и въ сей составъ положа золотую цѣпочку, дай хорошенько вскипѣть: послѣ сего она приметъ яркой и блестящїй цвѣтъ.

СПОСОБЪ

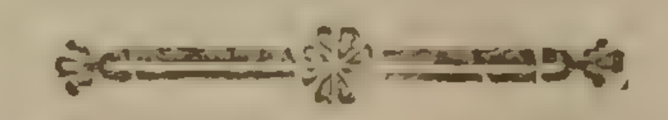
чистить золото и серебро, какъ то, шитье, парчу, табакерки и проч.

Для сего должно обмочить мягкую щотку въ теплый винный спиртъ, и оною тереть ту вещь, которой желаешь возвратить весь прежній ея блескъ.

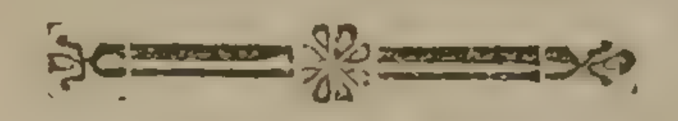
СПОСОБЪ
клеить фарфоровую посуду.

Возьми чесношную головку, чисто облупленную, и раздави ея хорошенько, чтобъ изъ того сделался родъ смолы. Симъ натри разбитые края фарфоровыхъ черепковъ, сложи ихъ плотнее вместе такъ, какъ имъ быть надобно, и потомъ свяжи ниткою. Когда все сіе учинишь; то положи ту вещь въ довольное количество молока, и дай несколько времени кипеть. После сего действія, фарфоръ совершенно склеится, и столь же будетъ годенъ къ употребленію, какъ и прежде; чесношнаго же духу ни мало въ немъ не останется.

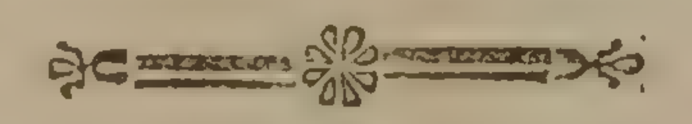
СПОСОБЪ
ловить птицъ руками.

Возьми какихъ хочешь хлѣбныхъ зеренъ, и дай имъ постоять въ крѣпкомъ винномъ спиртѣ, или намочи ихъ составомъ изъ бѣлой чемерицы съ бычачьею желчью. Птицы, наѣвшись сихъ зеренъ, ошалѣютъ, и ихъ тогда можно брать руками. Симъ способомъ можно ловить куропатокъ, и даже дикихъ гусей и утокъ и проч.

СПОСОБЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ
предохранять лошадей отъ оводовъ и всякаго рода насѣкомыхъ.

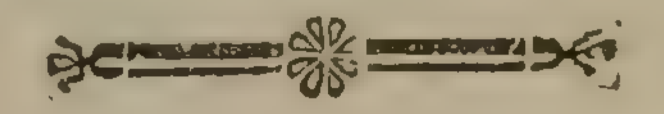
Сей способъ состоитъ только въ томъ, чтобъ всякое утро терѣть лошадей орѣховыми листьями.

СПОСОБЪ

узнавать естьли вода въ винномъ спиртѣ.

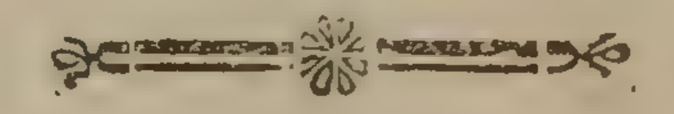
Обмакни тряпку въ сей спиртъ, и потомъ зажги ее; естьли оная тряпка загорится; то сіе значитъ, что воды въ спиртѣ нѣтъ ни мало.

СПОСОБЪ

предохранять отъ ржавчины огнестрѣльныя оружія, и прочіе желѣзные и стальные инструменты.

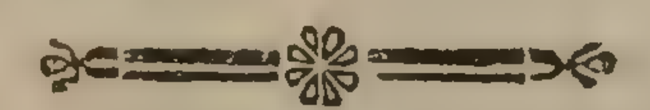
Возьми рыбу Угря, средственной величины, положи его на желѣзную сковороду и жарь: когда онъ совершенно поспѣетъ; то выжми изъ него жиръ, налѣй въ пузырекъ и поставь на солнцѣ, чтобъ устоялся. Желѣзное оружіе, како то, сабли, шпаги, ружья, также всякая желѣзная посуда, натертыя симъ масломъ, ни когда не заржавѣютъ.

СПОСОБЪ
выводить изъ платья всякаго рода пятна.

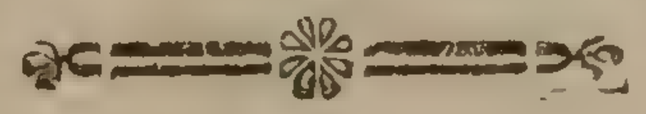
Влѣй въ бутыль два фунта ключевой воды самой чистой, положи туды съ Грецкой орѣхъ величиною золы, изъ пережженныхъ винныхъ дрожжей, съ обыкновенной орѣхъ поташу, и два свѣжихъ лимона, изрѣзанныхъ ломтиками. Дай сутки стоять, и по томъ процѣди сей составъ, и храни въ крѣпко закупоренной бутылкѣ.

Сею водою должно намочить, и потерѣть пятно, какого бы оно роду не было, и тотчасъ смыть свѣжею простою водою.

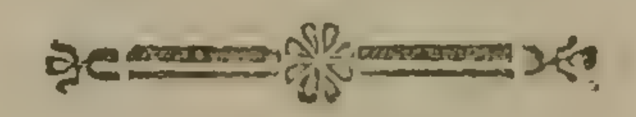
СПОСОБЪ
предохранять овѣцъ отъ угрызенія волковъ.

Должно взять калу сихъ лютыхъ животныхъ, и настоявъ оной въ водѣ, одинъ разъ въ годъ натерѣть оною у овѣцъ спину, бока и подъ горломъ.

ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ
дѣлать розовую воду.

Для сего не надобно ни куба и ни чего тому подобнаго. Возьми только большую глиняную чашу, или другую какую посуду, налѣй въ нее чистой воды, и положи розовыхъ листовъ, сколько разсудишь; по томъ влѣй туды двѣ или три капли купоросняго спирта: отъ сего вода получитъ духъ, и даже цвѣтъ, розовые.

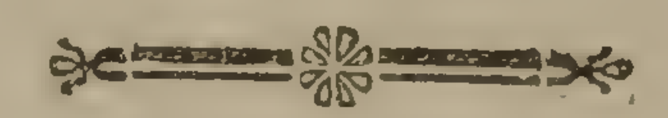
МИНДАЛЬНОЕ ТѢСТО,
для дѣланія оршада.

Возьми фунтъ сладкаго миндалю, и очисти оной, размочивъ не много въ горячей водѣ; по томъ истолки его хорошенько, вливая въ оной нѣсколько разъ по немногу воды; дабы миндаль во время толченія не превратился въ масло.

Когда хорошо истолчешь; то прибавь къ тому полфунта толченаго же сахару; изъ сего сдѣлается тѣсто, которое употребляй, когда разсудишь.

Сіе тѣсто годъ цѣлой не испортится.

Когда же захочешь оное употреблять; то должно взять величиною съ куриное яицо, и развести по пропорціи въ водѣ, которую процѣди по томъ сквозь салфетку.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ОЧИЩАТЬ САХАРЪ, ДЛЯ ВАРЕНІЯ ЗАѢДОКЪ.

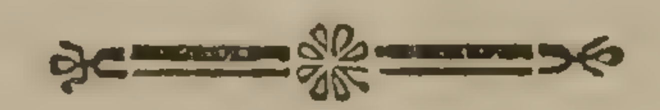
Возьми яичной бѣлокъ и сбѣй его съ такимъ количествомъ воды, чтобъ оно было соразмѣрно количеству сахара, которой ты варить намѣренъ. По томъ, положа сахаръ, дай кипѣть, подбавляя время отъ времени холодной воды, до тѣхъ поръ, пока сахаръ сдѣлается чистъ, и пѣна съ него вся будетъ снята; тогда сними его съ огня, и пропустя сквозь чистую салфетку, или сквозь сито, употребляй, куды разсудишь.

СПОСОБЪ ОЧИЩАТЬ МЕДЪ,
для варенія заѣдокъ.

Положи медъ въ кострюльку, и поставь на огонь; когда онъ кипитъ, то должно съ него рачительно снимать пѣну: въ семъ состоитъ главная его доброта, чтобъ пѣна была снимаема. А дабы узнать, довольно ли онъ уварился; то должно опустить въ него свѣжее куриное яицо: естьли оно потонетъ, то медъ еще не поспѣлъ; а естьли плавать будетъ на верьху, то сіе значитъ, что онъ готовъ, и можно его тогда употреблять, для варенія всякаго рода закусокъ.

Должно примѣтить, что медъ весьма легко пригараетъ, и что его должно варить на тихомъ огнѣ, и часто помѣшивать деревянною лопаткою, или ложкою.

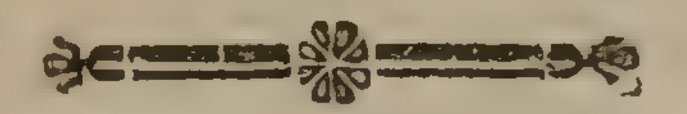

СИРОПЪ ИЗЪ КРАСНОЙ КАПУСТЫ,
укрѣпляющій грудь.

Возьми и вымой большой качанъ красной капусты, положи его въ кострюлю,

налѣй воды и вари три или четыре часа до тѣхъ поръ, пока съ полбутылки воды останется. По томъ выложи капусту на сито, и старайся выдавить изъ нее весь сокъ, которому, давъ не много постоять, процѣди его. Послѣ сего возьми фунтъ лучшей патоки, влѣй ея въ кострюлю съ стаканомъ воды, и дай покипѣть, снимая по часту пѣну. Когда медъ сдѣлается весьма чистъ; то влѣй въ него капустной сокъ, и дай вмѣстѣ кипѣть до тѣхъ поръ, какъ взявъ онаго не много на палецъ, и приложивъ къ другому, когда разнимешь пальцы, то онъ потянется ниткою, которая не скоро перервется: тогда сиропъ будетъ готовъ.

Сіе должно наблюдать при вареніи всѣхъ прочихъ сахарныхъ и медовыхъ сироповъ.

СПОСОБЪ ДѢЛАТЬ ТЮФЯКИ, которые бы не осѣдали въ срединѣ отъ тягости тѣла.

Для сего должно поступить слѣдующимъ образомъ: вмѣсто того, чтобъ сшить тюфякъ по обыкновенію, должно его сдѣлать двойнымъ, то есть въ двое длиннѣе обыкновеннаго; по томъ должно сложить концы, и сшить холстину вмѣстѣ; но чтобъ въ сшивкѣ шерсть была также простегана, какъ и въ прочихъ мѣстахъ безъ малѣйшей разницы. Такимъ образомъ сей тюфякъ будетъ имѣть видъ муфты, и станетъ перекатываться безконечно, будучи всегда сложенъ въ двое: положи его такимъ образомъ на постѣлю, и отъ него будетъ то же дѣйствіе, что отъ двухъ тюфяковъ, одинъ на другой положенныхъ. Въ него пойдетъ столько же холста и шерсти, сколько на два раздѣленные.

Естьли кто привыкъ спать на одномъ тюфякѣ; то его должно сдѣлать въ половину тонѣе, и только холстины пойдетъ больше. Выгода отъ сего изобрѣтенія состоитъ въ томъ, что всякой разъ перемравляя постѣлю, мож-

но весьма способно перекатить сей тюфякъ такъ, что то мѣсто онаго, которое было подъ спиною, будетъ въ ногахъ или въ головахъ, въ верьху, по томъ въ исподѣ; и такъ всѣ части онаго попеременно будутъ находиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ сильнѣе давленіе. Можно также иногда выворачивать сей тюфякъ на подобіе чулка такъ, чтобъ верьхняя сторона онаго оборотилась въ низъ, а нижняя въ верьхъ; и такимъ образомъ можно его провѣтривать. Тюфякъ, сдѣланный по сему образцу, гораздо долѣе обыкновеннаго прослужитъ, и сверьхъ того на немъ спать гораздо покойнѣе.

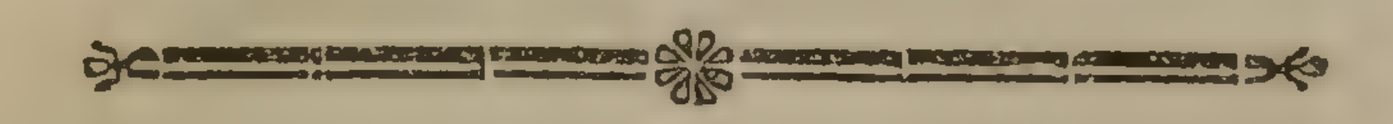

Хотя въ объявленіи о сей книгѣ и было обѣщано помѣщать въ сію статью наставленія, какъ приготовлять всякаго рода кушанья; но поелику на нашемъ языкѣ находятся особливыя и полныя о томъ книги: то Издатель и разсудилъ, по совѣту нѣкоторыхъ особъ, оное

отмѣнить, и надѣется, что Господа, благоволившїе подписаться на его книгу, не вознегодуютъ, что онъ сїе маловажное улущенїе, замѣстилъ полезнѣйшими предметами.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ.

ПИСЬМО КЪ АГЛИНСКОМУ ЗРИТЕЛЮ, о свойствахъ нѣкоторыхъ людей которые хвалятся своими недостатками, или не смѣютъ признаваться въ добрыхъ своихъ качествахъ.

Г. Зритель!

Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожуся въ деревнѣ; то употребляю все время на чтенiе или на размышленiе о читанномъ. Ваши листы, получаемые мною ежедневно, дѣлаютъ столь сильное впечатлѣнiе надъ моимъ умомъ, что мысли мои смѣшиваются съ вашими. Есть предметъ, о коемъ вы еще не разсуждали, и которой, однако же, достоинъ вашего пера: я разумѣю подъ симъ то удовольствiе, каковое нѣкоторые люди

находятъ хвастать своими собственными недостатками. Одинъ знаменитый писатель думаетъ, что сія слабость, или страсть, противоположна зависти; но я осмѣливаюсь думать, что чуть ли не отъ зависти она и произходитъ. Ничего нѣтъ столь обыкновеннаго, какъ слышать, какимъ образомъ люди сего свойства говорятъ о себѣ, какъ они возвышаютъ свои достоинства, унижая оныя, хвалятся тѣмъ, что бы долженствовало относиться къ ихъ стыду, и обвиняютъ себя въ нѣкоторыхъ маловажныхъ неосмотрительностяхъ; дабы чрезъ то заставить о себѣ думать, что они одарены превосходнымъ разумомъ и сверъхъестественными дарованіями. Они не къ стати хвастаютъ тѣмъ, что не умѣютъ танцовать, биться на шпагахъ, и ѣздить верьхомъ; оказываютъ несправедливое презрѣніе къ путешествіямъ и къ новымъ языкамъ, говоря, что такими пустяками они не утруждаютъ своихъ головъ. Сія сатирическая ихъ, самимъ себѣ, похвала, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ нѣсколько вашего разсмотрѣнія.

Одинъ изъ сихъ первостатейныхъ умниковъ, мой знакомецъ, думаетъ, что

ему непремѣнно должно забыть часъ, или день назначеннаго съ вами свиданія, и даже иногда и то, что вы ему объ етомъ говорили. Однако же, естьли вы его послѣ увидите; то онъ начнетъ извиняться, и скажетъ, что надѣется получить отъ васъ прощеніе, по тому, что у него нѣтъ ни капли памяти. Не давно одинъ изъ такоьыхъ всталъ съ поспѣшностію съ стула, и сказалъ съ нѣкоторымъ смятеніемъ: *ахти! вѣть я теперь только вспомнилъ, что мнѣ должно итти къ одному человѣку за весьма важнымъ дѣломъ; но севодни или завтра, по чести, я етова не помню;* однако же не смотря на то, онъ столь хорошо о томъ помнилъ, что пришелъ къ тому человѣку въ назначенный часъ. Но вотъ, что всего досаднѣе: сіи безпамятные тѣмъ непростительнѣе, такъ притворяются, что имѣютъ весьма острую память, и часто по неосторожности оную открываютъ. Я знаю изъ нихъ двухъ или трехъ, которые прочитываютъ наизусть большую часть новыхъ нашихъ театральныхъ сочиненій.

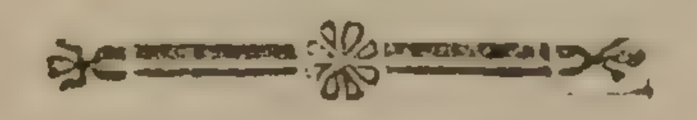
Нѣсколько дней тому назадъ, бывъ приглашенъ на обѣдъ къ одному изъ моихъ пріятелей, попросилъ я одного изъ

гостей, которой почитается весьма искусным разрѣзывателем, чтоб он потрудился отрѣзать мнѣ кусок жаркова, против его стоящаго; но он, как будто бы сіе затмѣвало прочія его дарованія, пришел от того в стыд, и стал мнѣ божиться, что он от роду своего не умѣл разрѣзывать; хотя и можно было его уличить, что он разнимает всякія возможныя мяса с удивительным искусством. Не заключите из сего, чтоб я требовал от человѣка благороднаго, богатаго и хорошо воспитаннаго, чтоб он старался пріобрѣсти дарованія простаго ремесленника, или чтоб тщился достигнуть совершенства в мѣлких ручных дѣйствіях: нѣт, моя цѣль отнюдь не та; но я хотѣл бы, чтоб люди не стыдилися ни чего такого, что само в себѣ похвально. Мы видим людей, простирающих сіе дурное свойство до того, что желают показать великость ума своего небрежeніем своим и отвратительною неопрятностію.

Я не могу утерпѣть, чтоб не упомянуть здѣсь еще о порокѣ, совершенно различествующем с прежним,

ио произтекающемъ изъ одного источника; я хочу сказать о пороке нѣкоторыхъ весьма посредственныхъ людей, кои равняютъ себя съ самыми великими умами въ свѣтѣ, гордяся нѣкоторыми маловажными выгодами, коихъ сіи последніе не имѣютъ. Я видѣлъ одного молодаго человѣка, довольно въ прочемъ неглупаго, которой превозносился тѣмъ, что не знаетъ Греческаго, Еврейскаго и другихъ Восточныхъ языковъ; и утверждалъ даже, что такое знаніе дѣлаетъ больше вреда, нежели чести; хотя внутренно и весьма ему прискорбно было, что онъ ихъ не знаетъ. Каждой разъ встрѣтившись съ сими господчиками, кои охуждаютъ то, чего не знаютъ, угрожаю я принести вамъ на нихъ жалобу, будучи увѣренъ, что вы не потерпите того, чтобъ ненаказанно презирали они то, чего не знаютъ.

Я есмь и проч.

РАЗСУЖДЕНІЕ О ВЛЮБЛЕННЫХЪ, кои требуютъ совѣтовъ, не имѣя ни малаго намѣренія оным слѣдовать.

Давно уже примѣчено, что любимцы и наперстники Вельможъ, подавая имъ совѣты, стараются не о настоящей ихъ пользѣ, но только о томъ, чтобъ принаровиться къ ихъ нраву и страстямъ. Сей политикѣ долженъ слѣдовать всякой тотъ, у коего влюбленный человѣкъ требуетъ совѣта; естьли онъ не хочетъ потерять его дружбы. Есть тому множество весьма странныхъ примѣровъ. Иппархъ былъ готовъ жениться на одной распутной женщинѣ; но поелику онъ не хотѣлъ ни чего сдѣлать безъ совѣта друга своего Филандра; то спросилъ онъ его о томъ мнѣнія. Филандръ откровенно ему сказалъ свои мысли, и описалъ его любовницу столь живыми красками, что на другой день по утру Иппархъ вызвалъ его на поединокъ и заколол. Селія поступила осторожнѣе въ подобномъ сему случаѣ; она усильно просила Леониллу сказать ей искренно, что она думаетъ о нѣко-

торомъ молодомъ человѣкѣ, которой искалъ ея руки. Сїя добрая пріятельница, желая оказать ей услугу, сказала ей безъ обиняковъ, что она почитаетъ его за самаго недостойнаго негодяя..... Селїя, заключивъ изъ сего начала о дурныхъ ея о немъ мысляхъ, прервала ея рѣчь, и просила молчать, по тому, что уже она двѣ недѣли, какъ съ нимъ тайно обвѣнчалася.

Естьли разсмотрѣть внимателно сокровенныя пружины и причины, побуждающїя людей просить въ сихъ случаяхъ совѣтовъ, коимъ они не хотятъ слѣдовать; то найдешь, естьли я необманываюсь, что главное произходитъ отъ того, что они не имѣютъ силы скрывать тайны, которая имъ толико удовольствїя приноситъ. Молодаа дѣвушка горитъ отъ нетерпѣнїя сказать своей наперстницѣ, что она надѣется скоро вытти за мужь; и дабы имѣть удовольствїе поговорить о своемъ любовникѣ, спрашиваетъ ея съ важнымъ видомъ, что она ей совѣтуетъ дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ.

Я не долженъ забыть здѣсь объ одной повадкѣ, свойственной тщеслав-

нѣйшимъ нашего пола людямъ, кои часто требуютъ у пріятеля совѣта, касателно какой нибудь богатой дѣвушки, на которой они намѣрены жениться, хотя и нѣтъ совсѣмъ ни какого вида, чтобъ они въ намѣреніи своемъ получили успѣхъ. Не давно одинъ изъ моихъ пріятелей, человѣкъ лѣтъ около шестидесяти, отвѣлъ меня къ сторонѣ, и спросилъ самымъ важнымъ видомъ, совѣтую ли я ему жениться на дѣвицѣ С.... которая (мимоходомъ сказать) одна изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Столицѣ. Услышавъ такой вопросъ, я чуть было не захохоталъ; однако же укрѣпясь, посмотрѣлъ на него пристально съ видомъ великаго удивленія; но онъ немедленно началъ мнѣ вычислять всѣ богатства своей мнимой невѣсты, и примолвилъ, что онъ на такое важное дѣло не рѣшится безъ моего одобренія. На конецъ видя, что онъ ожидаетъ моего отвѣта, принужденъ я былъ ему сказать, что естьли онъ получитъ согласіе дѣвицы, то за моимъ дѣло не станетъ. Ето, по крайней мѣрѣ, десятая женидьба, о которой мой пріятель просилъ совѣта у своихъ знакомыхъ, а невѣстамъ своимъ о томъ и рта не раскрывалъ.

ВЪ такое разсужденiе завело меня слѣдующее письмо, полученное мною отЪ одной дѣвушки, которая, какЪ кажется, не безЪ дарованiй, и какЪ видно изЪ письма ея, готова просить совѣта. Но дабы не лишиться ея милостей, ни того высокаго мнѣнiя, которое она имѣетЪ о моемЪ благоразумiи, я предложу здѣсь ея письмо, не давЪ на оное ни какова отвѣта.

„ *Государь мой!*

„ Я предложу вамЪ вЪ короткихЪ „ словахЪ, о чемЪ идетЪ дѣло. Г. Ми„ ловзорЪ, есть самый пригожiй и стат„ ный дворянинЪ во всемЪ здѣшнемЪ горо„ дѣ. ОнЪ очень великЪ ростомЪ, однако „ же не чрезмѣрно. ТанцуетЪ, какЪ АнгелЪ. „ РотЪ у него, не знаю какЪ-то, такЪ „ хорошо устроенЪ, что я подобнаго во „ всю мою жизнь не видывала. ОнЪ всег„ да смѣется, по тому, что уменЪ до „ крайности. О! Ежели бы видѣли вы, „ какЪ онЪ хорошо всегда обутЪ, ка„ кiя у него прiятныя затѣи! Я увѣ„ рена, что естьли бы вы его увидѣ„ ли; то бы конечно стали уважать. „ СверьхЪ того онЪ имѣетЪ великiя

„ сведѣнія, и говоритъ по Французски
„ такъ скоро, какъ по Русски. Желала
„ бы я, чтобъ вы посмотрѣли, какъ
„ онъ танцуетъ. Въ прочемъ, бѣдный Г.
„ Миловзоръ необлагодѣтельствовалъ да-
„ рами счастія; но онъ ли тому при-
„ чиною, и можетъ ли сему пособить?
„ Со всемъ тѣмъ, родители мои столь
„ неблагоразумны, что безпрестанно твер-
„ дятъ мнѣ о его бѣдности, и хотятъ
„ отвратить меня отъ него, по тому,
„ что онъ небогатъ. Но онъ обладаетъ
„ тѣмъ, что гораздо превосходнѣе бо-
„ гатствъ; поелику онъ имѣетъ доброе
„ сердце и разумъ: онъ скроменъ, уч-
„ тивъ, великъ ростомъ, хорошо вос-
„ питанъ, красавецъ, и сверьхъ того я
„ ему весьма обязана за всѣ тѣ вѣжли-
„ вости, которыя онъ оказалъ мнѣ съ
„ самой перьвой минуты, какъ я его
„ увидѣла. Я было и позабыла вамъ
„ сказать, что у него черные глаза, и
„ что они мнѣ иногда кажутся покры-
„ ты слезами, когда онъ ихъ обраща-
„ етъ на меня. Мои родители прости-
„ раютъ свое неблагоразуміе до того,
„ что желаютъ даже, чтобъ я была
„ противъ его неучтива; но я имѣю
„ хорошее приданое, которое они у ме-
„ ня отнять не могутъ; мнѣ 29 го числа

„ будущаго Августа минетъ 14 лѣтъ, „ и я хочу, какъ можно скорѣе, вступить въ свѣтъ, и въ ономъ основаться; а мысли Г. Миловзора съ моими въ етомъ согласны. Одно только несчастіе мое, что всѣ тѣ, у которыхъ я здѣсь требую совѣтовъ, суть смертельные враги сему бѣдному человѣку; но будучи увѣрена, что вы благоразумны и разсудительны, прибѣгла я къ вамъ, и ежели вы мнѣ дадите какое доброе наставленіе, то я не премину оному послѣдовать. Я желаю отъ всего сердца, чтобъ вы посмотрѣли, какъ онъ танцуетъ, и пребываю . . . и проч.

Б. Д.

„ Онъ великій почитатель вашихъ достоинствъ. „

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О ЧЕЛОВѢКѢ.

Великій человѣкъ, есть ощутительное подобіе невидимаго Божества; его на-

зываютъ полубогомъ, по тому, что онъ занимаетъ средину между Богомъ и человѣкомъ.

Могущество человѣческое столь ограничено, что не въ его власти отказать своимъ дѣтямъ въ наслѣдство, и въ залогъ своей нѣжности, любовь свою къ добродѣтели, храбрость, дарованія и свѣдѣнія; онъ не можетъ ни чего имъ оставить, кромѣ чуждаго и льстиваго стяжанія, которое развращаетъ сердце, питаетъ праздность и нѣгу, возжигаетъ страсти, и внушаетъ гордость и тщеславіе. Пагубное наслѣдство!

Люди всего боятся, какъ смертные: и желаютъ всего, какъ будто бы они были безсмертны.

Кажется, что вся природа играетъ человѣкомъ; свѣтъ его обманываетъ, жизнь отъ него ускользаетъ, счастіе надъ нимъ насмѣхается, время улѣтаетъ, смерть его постигаетъ, земля приводитъ въ пепелъ, а забвеніе уничтожаетъ.

О СВѢТѢ.

Свѣтъ есть большой театръ, на коемъ люди играютъ комедію; слѣпые случаи сочиняютъ оную; фортуна раздаетъ роли; градоначальники управляютъ машинами: богатые занимаютъ ложи, а партеръ остается для бѣдныхъ; дурачество составляетъ музыку, а время опускаетъ занавѣсъ. Комедія начинается слезами. Первое дѣйствіе представляетъ въ ней химерическія предпріятія людей; несмысленные хлопаютъ въ ладоши; а мудрые освистываютъ піесу. Тамъ видны великаны, кои во мгновеніе ока становятся карлами, и карлы возрастающіе непримѣтнымъ образомъ. Видны тутъ такъ же люди, принимающіе всевозможныя мѣры и предосторожности; дабы сбиться съ прямаго пути, ведущаго къ ихъ цѣли, и видны вѣтренники, достигающіе безъ всякой предосторожности и мѣръ до самаго верьху мірскихъ блаженствъ.

О СПОКОЙСТВІИ.

Ябѣдники, любовники, плуты, рѣвнивцы, честолюбцы и игроки не знаютъ спокойствія.

Нѣтъ спокойствія пріятнѣе того, которое покупается трудами.

О ГЛУПЦАХЪ.

Человѣкъ умный и просвѣщенный, умѣетъ употреблять въ пользу обхожденіе съ дураками; онъ разсматриваетъ ихъ такъ, какъ дурную картину, и находя въ нихъ недостатки, старается употребить ихъ къ своему собственному исправленію; ибо, почти, столько же необходимо видѣть то, чего должно избѣгать, какъ знать то, что должно дѣлать.

Дѣти сказываютъ то, что они дѣлаютъ, старики то, что они дѣлали, а дураки то, что хотятъ дѣлать.

О ЗАВИСИМОСТИ.

Большой зависитъ отъ малаго, малой отъ большаго; Господинъ отъ слуги, слуга отъ Господина; жена отъ мужа, но чаще мужъ отъ жены; скупой отъ своихъ денегъ; гордецъ отъ своей глупости; ремесленникъ отъ сво-

его ремесла; распутной человѣкъ отъ порока; честной человѣкъ отъ общественнаго уваженія, а общественное уваженіе, отъ его поведенія. Такимъ образомъ наша добрая слава, жизнь и имѣніе зависятъ отъ другихъ и отъ нашихъ склонностей.

О НАДГРОБНЫХЪ НАДПИСЯХЪ.

Надгробная надпись болѣе означаетъ гордость живущихъ, нежели добродѣтели умершаго. Ложь сопровождаетъ человѣка даже во гробъ, и торжествуетъ еще надъ его пепломъ: похвала умершему, начертаваемая на камнѣ, есть часто одно начертаніе, показывающее, каковымъ бы ему быть долженствовало.

О СКУКѢ.

Дуракъ и умный человѣкъ ни когда не скучаютъ. Дуракъ отъ того, что онъ ни чемъ не занимается; умной же человѣкъ отъ того, что всегда находитъ случай пріятно заняться.

Скука вошла въ свѣтъ съ лѣностью; она весьма много участвуетъ въ изысканіи утѣхъ, игръ и сообществъ. Любящій же трудъ довольствуется самимъ собою.

Ни когда не позволено скучать; потому, что скука есть дѣйствіе тунеядства, противнаго Богу, которой опредѣлилъ человѣка къ трудамъ. Скука есть зло, неизвѣстное мудрымъ, и отъ коего всякой имѣетъ лѣкарство въ своихъ рукахъ.

О ВРАГАХЪ.

Истинные враги наши, суть съ нами. Искоренимъ изъ сердецъ нашихъ тщеславіе, скупость и зависть; чрезъ сіе возстановимъ порядокъ и согласіе въ обществѣ, и всѣ люди будутъ тогда друзья.

О ПРИТВОРСТВѢ.

Между притворнымъ и правдивымъ человѣкомъ, разность состоитъ въ томъ,

что въ притворномъ умѣ управляетъ сердцемъ, а въ правдивомъ сердце умомъ.

О УМѢ.

Умъ съ тѣмъ данъ человѣку, чтобъ онъ сообщалъ его другимъ. Умъ человѣческій, усредоточенный въ самомъ себѣ, подобенъ хорошей шпагѣ, которая ни когда не вынимается изъ ноженъ.

Естьли называютъ умными людьми такихъ, которые умѣютъ говорить только о нарядахъ, о украшеніяхъ, о екипажахъ, по той причинѣ, что они отягчены золотомъ, алмазами и прочими драгоцѣнностями; то какъ же не назвать умными алмазчиковъ, золотарей и каретниковъ, которые сими, умъ раждающими вещами торгуютъ?

О ПРИМѢРАХЪ.

Примѣры суть наши компасы и путеводители. Соревнованіе поощряетъ насъ къ добродѣтелямъ, а дурные примѣры даютъ свободу природной нашей

къ злу наклонности, обуздываемой съ начала стыдомъ. Естьли отецъ игрокъ; то сынъ его, почти, въ колыбели забавляется уже картами; такимъ-то образомъ дурные домашніе примѣры насъ развращаютъ; по тому, что подающихъ оные мы должны почитать.

Не разсужденіе, говоритъ Сенека, но примѣръ управляетъ нашими дѣяніями: мы идемъ, подобно безсловеснымъ животнымъ, путемъ, проложеннымъ нашими предшественниками, не разсматривая, тотъ ли сей путь, по которому намъ шествовать должно.

О КРАЙНОСТИ ВО ВСЕМЪ.

Нынѣ все, почти, доведено до крайности; умѣренность же наблюдается только въ любви къ ближнему и къ истиннѣ.

Переводъ начала 4го разговора Волтерова о человѣкѣ, котораго заглавіе
О УМѢРЕННОСТИ ВО ВСЕМЪ.

Глупцу желать всего, то есть его удѣлъ;
Но мудръ кто, знаетъ тотъ посредство и предѣлъ:
Забавы, прихоти и трудъ онъ умѣряетъ,
Полѣту цѣль, рубежь желаньямъ полагаетъ.
Ктобъ все имѣлъ, все зналъ, такова въ смертныхъ нѣтъ.
Любовь къ познанію есть вождь твой съ дѣтскихъ лѣтъ;
Природы книгу чтя, стремишся къ проницанью,
Не мнѣнія другихъ, но нужнаго къ познанью;
Свѣтильникъ умъ тебѣ; послѣдуя ему,
Ступай; но знай предѣлъ ты бѣгу своему.
При безконечности сей бѣгъ да прекратится:
Начало бездны тутъ; ей должно лишь дивиться.

Ив: Бахт:

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ.

Добродѣтельная душа находитъ верьховное свое удовольствіе во вспоможеніи нещастнымъ; благородное ея честолюбіе влечетъ ее къ содѣланію себѣ толикаго числа подданныхъ, колико есть людей, гонимыхъ нещастіемъ: симъ то сближается она наиболѣе съ Богомъ, которой лучи солнца своего на всѣхъ простираетъ.

Благотворительный человѣкъ подобенъ солнцу, которое не торгуетъ своимъ свѣтомъ, которое изливаетъ оной безъ тщеславія и безъ скупости, и которое, на конецъ, не требовало еще ни чего отъ звѣздъ и отъ земли, съ тѣхъ поръ, какъ оно ихъ освѣщаетъ.

О СОВѢСТИ.

Сей строгій гласъ, гремящій во глубинѣ души твоей, о человѣкъ, не есть мечта. Не мни, чтобъ природа установила въ груди нашей прорицалище лжи, и вѣрь, что предчувствуемое тобою самому себѣ обвиненіе, отмѣнено не будетъ. — Исполнитель воли Судіи

Вѣчнаго! О совѣсть! Ты представляешь его въ человѣкѣ, ты занимаешь въ немъ его мѣсто; и Богъ вселенныя подтвердитъ, о смертный! определенiе сего Бога, живущаго въ душѣ твоей.

О СОВѢТАХЪ.

Тѣ, кои подаютъ совѣты, не сопровождая ихъ собственными примѣрами, подобны столбамъ, кои показываютъ дорогу, не двигаяся сами съ мѣста.

Изъ всѣхъ услугъ, оказываемыхъ ближнему, ни одну мы столь охотно не исполняемъ, какъ подавать совѣты; ибо сiя услуга ни чего не стоитъ, и что она льститъ нашему самолюбiю.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ ОДНОГО НѢМЕЦКАГО ПЕРІОДИЧЕСКАГО СОЧИНЕНІЯ.

Государи мои!

Будьте толико благосклонны, прочтите терпѣливо, что я вамъ пишу, и не забудьте по томъ снабдить меня своимъ совѣтомъ!

Я произхожу въ прямой линіи отъ *смѣющагося Демокрита*; весь родъ нашъ можетъ похвалиться во всякомъ колѣнѣ изряднымъ пересмѣшникомъ. А по сему, что природа не совѣтовалася со мною, дворянина ли, купца, или инаго какого честнаго человѣка изъ меня содѣлать; то я и невиновенъ въ томъ, что произхожу отъ поколенія смѣющагося Демокрита, и что природа наградила меня даромъ, противъ воли моей, осмѣивать гордецовъ. Сколь часто я проклиналъ сію склонность; однако все не помогло, и сбылася со мною пословица: *яблочко катится не далеко отъ своего дерева.*

Недавно ходилъ я по городу прогуливаться съ твердымъ намѣренiемъ, чтобъ на все, что мнѣ не встрѣтится, смотрѣть равнодушно; однако, сколько ни силился, не могъ стерпѣть, чтобъ не пересмѣять встрѣтившуюся со мною, позлащенную человѣческую фигуру, которая была гораздо глупѣе, нежели ея портной; а сiе чуть было не стоило мнѣ полдюжины зубовъ. За недѣлю предъ симъ, одинъ мнимой мудрецъ угрожалъ мнѣ ученостiю своею вымыть мою голову, ежели я не перестану пересмѣхать его Критическо-Историческо-Филологическое сочиненiе. Я еще и нынѣ ношу пластырь на лѣвомъ глазу, отъ удара одного глупаго *Рифмача*, за то, что я назвалъ стихи его *Рифмаческою биркою*. Вотъ какъ вездѣ меня подчиваютъ! Но я не могу отстать отъ того, хотябъ то жизни мнѣ стоило. Ибо какъ скоро встрѣтится со мною, гдѣ бы то ни случилося, какой невѣжа или гордецъ; то не льзя стерпѣть, чтобъ не пересмѣять его. Герой мой, о коемъ я теперь говорить намѣренъ, и коему я опасаюся сказать въ глаза, что онъ глупецъ, заставилъ меня подать объ немъ письменно нѣкоторое начертанiе; по чему и прошу васъ, Го-

сударн мои, напечатать оное, помѣстивъ въ листы ваши, кои цѣлїю имѣютъ исправлять человѣческїе нравы. Вотъ оно; извольте его похулить или похвалить: для меня все равно.

За день предъ симъ, случилося мнѣ быть въ одномъ великомъ собранїи, изъ коего, яко богатаго источника, составляются малыя общества, и по всему городу въѣздъ свой имѣютъ въ разныхъ домахъ. Господинъ Массдоръ, пребогатой Іахао, или образъ человѣческїй, случился быть тутъ же; и какъ я примѣтилъ, что на лицѣ его изъявлялося великое безпокойствїе, можетъ быть для того, что я его зналъ, и не назовуся ли я самъ къ нему, въ домѣ его посѣтить. Одна уже мысль, что я его посѣщу, какъ примѣтить можно было, приводила его въ содроганїе. Сїе толико страшное воображенїе тревожило его до тѣхъ поръ, что, на конецъ не стерпѣвъ, подошелъ ко мнѣ, и проворчалъ нѣчто сквозь зубы; изъ чего я довольно заключить могъ, что я ему сдѣлаю великое удовольствїе; ежели ни когда его не посѣщу. Новость мыслей сихъ привела меня вдругъ въ такое удивленїе, что я больше не сдѣ-

лалъ ни чего, какъ только принялъ на себя Демократической видъ. Но какъ я не оставляю не чего безъ изслѣдованія; то обратилъ на Господина Массдора все свое вниманіе, чтобъ узнать причину спѣси его. И такъ, скоро примѣтилъ, что Господинъ Массдоръ часто вынималъ изъ кармана бумажку, и прочитывалъ прилѣжно оную. Однако, къ счастію моему, оплошавъ, обронилъ изъ кармана ту бумажку, которую я тотчасъ неприметнымъ образомъ поднялъ, и вышедши въ другую комнату, прочиталъ въ ней весь секретъ Господина Массдора въ слѣдующемъ содержаніи:

Нынѣшній курсъ разума.

600 рублей, ни капли разума.
800 — въ банкѣ, худой разумъ.
1000 — ходячей монеты, непримѣтной разумъ.
2000 — золотомъ, не совсемъ безъ разума.
3000 — серебромъ, нѣсколько по лучше
6000 — Изрядной разумъ.
12000 — Тонкой разумъ.
30000 — Великой разумъ.
50000 — Проницательной разумъ.
100000 — Ангельской разумъ.
300000 — Божественной разумъ.

На другой сторонѣ той бумажки; были написаны слѣдующія замѣчанія.

Я Массдоръ, не имѣю обхожденія ни съ кѣмъ, которой бы, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ тонкаго разума; развѣ таковый недостатокъ прикрытъ будетъ бриліянтовою табакеркою и часами.

Изрядной разумъ — Прочь съ нимъ!
Не совсемъ безъ разума — *Фи діантръ*!
Серебромъ нѣсколько по лучше — Однако ни чего для меня!

Первыя же три статьи были перечеркнуты; а вмѣсто того на полѣ было написано:

Сіи глупцы ни малой искры разума не имѣютъ!

Но я изъ малаго отмщенія Господину Массдору, подъ его критикою на полѣ, вмѣсто тѣхъ трехъ статей, подписалъ слѣдующія слова:

Я зналъ сына одного богатаго купца, которой былъ не умнѣе своей лошади; но онъ имѣлъ наслѣдственнаго капитала 30000 рублей: по чему и увѣряетъ меня мой кореспондентъ, что сей молодецъ, въ цѣлой *Канлогалиніи* разумнѣйшій изо всѣхъ.

А какъ я не примѣчаю за собою ни какого очевиднаго порока, кромѣ того, что имущество мое, взявъ вообще, не составляетъ болѣе 1000 рублей; то легко понять можно, для чего Господинъ Массдоръ не хочетъ имѣть со мною обхожденія. — Но поелику я слышалъ, Государи мои, что вы имѣете забавнаго Сатира, умѣющаго искусно осмѣиватъ такихъ нелюдимыхъ гордецовъ; то и прошу васъ настроить его, чтобъ онъ постарался исправить пороки ихъ.

1е. Что весьма глупо есть размѣрять и основывать обхожденіе съ людьми по интересамъ.

2е. Что бриліянтовая табакерка, часы и богатая одежда по часту не иное что суть, какъ богатой конской уборъ.

3е. Что чрезвычайно смѣшно убѣгать, хотя небогатыхъ, но умныхъ людей, и погрѣшать противъ правилъ благопристойности, единственно изъ богатой гордости.

4е. Что Господинъ Массдоръ, по причинѣ сихъ пороковъ, принадлежитъ къ числу нелюдимыхъ гордецовъ.

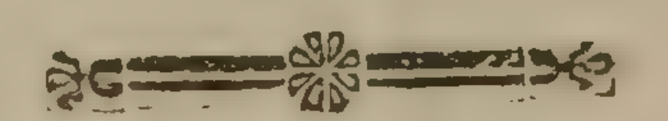
Я же самъ собою разрѣшать сїи задачи не намѣренъ; дабы не быть вдругъ жалобщикомъ и судьею во оныхъ: по чему и предаю ихъ на разсужденїе ваше, и уповаю, что вы безъ разрѣшенїя ихъ не оставите.

Государи мои!

Вашъ смиреннѣйшїй слуга:

Демокритъ Демокритовъ.

П. П. Прошу васъ такъ же, Государи мои, увѣдомить меня, правильно ли я поступилъ, что противъ Господина Массдора нѣсколько и самъ возгордился, и отъ низкихъ поклоновъ моихъ полъаршина убавилъ.

РАЗСУЖДЕНIЕ О ИСТИННЫХЪ СПОСОБАХЪ

предохранять себя отъ скуки, и дѣлать должное употребленiе изъ нашей жизни.

Мы всѣ жалуемся, говоритъ Сенека, на быстрое теченiе времени; однако же со всѣмъ тѣмъ не знаемъ, какъ расположить большею частiю онаго. Жизнь наша, прибавляетъ онъ, проходитъ или въ совершенномъ бездѣйствiи, или въ дѣланiи совсемъ противнаго тому, что должно: мы безпрестанно жалуемся на краткость нашего вѣка, а поступаемъ такъ, какъ будто бы онъ ни когда не кончится. Сей знаменитый Философъ описалъ, совсею свойственною ему выразительностiю мыслей, тѣ противорѣчiя, въ которыя люди, въ разсужденiи сего впадаютъ.

Я часто разсуждалъ о противорѣчiяхъ человѣческаго ума въ одномъ предметѣ, не весьма отъ сего удаленномъ. Хотя мы вообще и досадуемъ на краткость жизни; но желаемъ наискорѣе видѣть окончанiе ея перiодовъ. Будучи въ незрѣлыхъ нашихъ лѣтахъ, желаемъ мы нетерпѣливо достигнуть совершеннаго возраста, по томъ пронырствовать

въ дѣлахъ, накопить богатства, войти въ большіе чины, и наконецъ наслаждаться спокойствіемъ. Такимъ образомъ, хотя и всякой человѣкъ признается, что жизнь сама по себѣ кратка, но различные ея періоды кажутся намъ продолжительными и скучными. Ростовщикъ весьма былъ бы радъ, чтобъ все время, долженствующее протечь между настоящею минутою и наступленіемъ срока его долговъ, было уничтожено. Политикъ съ охотою бы отдалъ три года своей жизни, естьли бы онъ могъ привести дѣла и обстоятельства въ то положеніе, въ которомъ воображаетъ онъ ихъ по истеченіи сего времени. Любовникъ съ радостію изключилъ бы изъ своего существованія всѣ тѣ минуты, кои должны пройти до самаго часа, назначеннаго съ любовницею свиданія. Съ какою бы скоротечностію время ни проходило; но мы бы радовалися почти во всѣхъ состояніяхъ жизни, естьли бы оно еще быстрѣе летѣло. Каждой день встрѣчаются такіе часы, въ которые мы не знаемъ что дѣлать, и желаемъ даже иногда, чтобъ протекли цѣлые годы. Мы взираемъ на будущность, какъ на страну, наполненную обширными степями, которыя бы намъ

хотѣлось миновать съ поспѣшностію, дабы поскорѣе достигнуть до того постояннаго положенія и до тѣхъ мнимыхъ точекъ спокойствія, которыя по оной разсѣяны.

Естьли раздѣлить жизнь большей части людей на дватцать частей; то найдется, что девятнатцать сихъ частей суть, какъ бы, пространныя пустоты, въ коихъ они ни дѣлами, ни веселіемъ не занимаются. Я въ сіе число не кладу тѣхъ, кои живутъ въ безпрестанной дѣятельности, но только тѣхъ, кои даютъ себѣ роздыхъ; и ласкаю себя оказать имъ полезную услугу, предложивъ способы, наполнять сіи пустыя мѣста ихъ жизни, столь много имъ скучающія.

Первый изъ сихъ способовъ есть упражненіе въ добродѣтели, взявъ сіе слово въ общемъ его смыслѣ. Единыя, къ обществу относящіяся, добродѣтели удобны занять трудолюбивѣйшихъ людей, и снабдить ихъ дѣломъ столько, сколько онаго находится и въ самой дѣятельнѣйшей жизни. Не проходитъ, почти, дня, въ которой бы не можно было исполнять тѣхъ должностей, кои обя-

зывают нас наставлять невѣждъ, помогать бѣднымъ, и утѣшать печальныхъ. Часто мы имѣемъ случаи отдавать справедливость достойному человѣку, умягчать завистливыхъ, утишать гнѣвныхъ, и выводить изъ заблужденія предъубѣжденныхъ. Всѣ сіи должности суть столь сообразны съ естествомъ человѣческимъ, что должны приносить великое удовольствіе тѣмъ людямъ, кои умѣютъ выполнять оныя съ надлежащею скромностію.

Есть еще другой родъ добродѣтели, удобный наполнить пустоту нашего времени, когда мы находимся въ уединеніи, далеко отъ шума и хлопотъ, сопряженныхъ съ дѣлами: я подъ симъ разумѣю ту добродѣтель, которая всякую разумную тварь влечетъ къ сообщенію съ Виновникомъ ея бытія. Человѣкъ, мнящій быть безпрестанно въ присудствіи Бога, наслаждается безпрерывнымъ удовольствіемъ; веселый правъ ни когда его не оставляетъ, и онъ восхищается тою мыслію, что находится съ лучшимъ и любезнѣйшимъ своимъ другомъ. Время ни когда ему продолжительно не кажется, и не возможно, чтобъ онъ былъ когда одинъ.

въ тѣ часы, когда прочіе люди наимѣнѣе дѣйствуютъ, умъ его наиболѣе бываетъ занятъ: едва оставитъ онъ бѣседу съ людьми, какъ сердце его трепещетъ уже отъ радости, усердіе воспламеняется, упованіе усугубляется; онъ торжествуетъ, чувствуя, что Богъ осѣняетъ его отъ всюду своимъ покровомъ, и онъ изливаетъ всѣ свои горести въ нѣдра сего нѣжнаго Отца вселенныя.

Упражненіе въ добродѣтели не ограничивается сею жизнію; оно несетъ свои вліянія за предѣлы гроба, и душа во всю вѣчность будетъ чувствовать слѣдствія добрыхъ своихъ или злыхъ склонностей, на землѣ пріобрѣтенныхъ: сіе намъ представляетъ весьма сильную причину, для побужденія насъ къ сей должности.

Положимъ на примѣръ, что нѣкто имѣетъ небольшое имѣніе, и представляется ему случай употребить все оное въ свою пользу; что скажемъ мы о немъ, когда онъ отдѣливъ девятнатцать частей, употребитъ только дватцатую, и ту себѣ во вредъ. Но поелику умъ не можетъ безпрестанно упраж-

няться въ добродѣтели, ни продолжать безпрерывно духъ набожности; то онъ имѣетъ нужду въ отдохновеніи, и въ увеселеніи способомъ ему приличнымъ.

И такъ второй способъ, которой бы я желалъ ввести въ употребленіе, для избѣжанія скуки, состоитъ въ томъ, чтобъ заниматься иногда нѣкоторыми полезными и невинными утѣхами. Я признаюсь, что, мнѣ кажется, недостойно разумной твари находить удовольствіе въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ, коихъ все добро состоитъ въ томъ, что нѣтъ въ нихъ худа. Но я не знаю, можно ли сіе сказать о какой бы то ни было картошной игрѣ; мнѣ кажется весьма странно, видѣть умныхъ людей, просиживающихъ по цѣлымъ суткамъ за столомъ, перебирая, тасуя и здавая карты, не говоря ни чего другаго, кромѣ малаго числа словъ, къ игрѣ относящихся, и не имѣя въ сіе время другихъ понятій, кромѣ произходящихъ отъ черныхъ и красныхъ пятенъ, различнымъ образомъ на картахъ помѣщенныхъ. Такой человѣкъ, жалующійся на краткость жизни, не достоинъ ли смѣха?

Театръ могъ бы быть неизчерпаемымъ источникомъ благороднѣйшихъ и полезнѣйшихъ утѣхъ; естьли бы удержанъ онъ былъ въ должныхъ предѣлахъ.

Но умъ ни когда столь пріятнаго отдохновенія не вкушаетъ, какъ бѣседуя съ вѣрнымъ другомъ. Нѣтъ въ жизни ни какого счастія, подобнаго тому, которымъ мы наслаждаемся, имѣя друга добродѣтельнаго и скромнаго. Бѣседа его просвѣщаетъ и облегчаетъ разумъ, раждаетъ новыя мысли, поощряетъ къ добродѣтели, побуждаетъ къ добрымъ намѣреніямъ, утишаетъ страсти, и часы такого отдохновенія приносятъ намъ величайшую пользу.

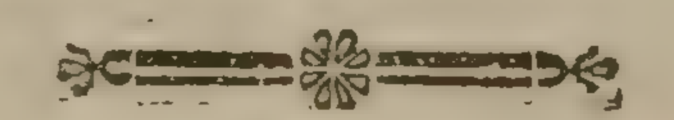
Кромѣ сей тѣсной связи съ однимъ человѣкомъ, должно искать обращенія и съ тѣми людьми, которые могутъ насъ или наставить, или полезно увеселить: сіи два качества, почти всегда бываютъ не разлучны.

Много есть и другихъ полезныхъ увеселеній, кои бы должно еще и размножать, естьли то возможно;

дабы лучше прибѣгать къ онымъ въ случаѣ нужды, нежели предавать умъ свой праздности, или первой страсти, которую случай во ономъ возбуждаетъ.

Человѣкъ, имѣющій склонность къ Музыкѣ, къ Живописи или къ Архитектурѣ, кажется, имѣетъ со всемъ иной смыслъ, когда сравнишь его съ людьми, не имѣющими сихъ дарованій. Искусство садоводства и земледѣлія, когда оными богатые люди только отъ скуки забавляются, служатъ великою помощію въ деревенской жизни, и весьма полезны упражняющимся въ оныхъ.

На конецъ изъ всѣхъ отдохновеній и увеселеній въ жизни, нѣтъ ни одного столь достойнаго выполнять часы нашихъ досуговъ, какъ чтеніе хорошихъ книгъ.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ АГЛИНСКАГО ЗРИТЕЛЯ,

о свойствѣ друга моего Господина Гонейкомба, и разсужденіе о разныхъ родахъ педантовъ, встрѣчающихся въ свѣтѣ.

Другъ мой, Господинъ Гонейкомбъ, имѣетъ о себѣ весьма высокое мнѣніе, по тому, что онъ себя почитаетъ великимъ знатокомъ въ людяхъ, и что за сіе познаніе заплатилъ онъ въ молодости своей нѣкоторыми небольшими несчастіями. Онъ думаетъ, что всѣ злоключенія, случившіяся съ нимъ, отъ женскаго пола, и всѣ драки его съ мущинами, составляютъ добрую часть его воспитанія; онъ крѣпко увѣренъ, что не былъ бы тѣмъ, что онъ есть, естьли бы онъ не выбилъ нѣсколько сотъ оконъ, не прибилъ бы человѣкъ дватцать частныхъ Приставовъ, не давалъ бы въ глухую полночь серенады, для нарушенія покоя честныхъ людей, и не обдиралъ бы непотребныхъ женщинъ, будучи молодымъ человѣкомъ. Искать такихъ приключеній есть то,

что онъ называетъ, познавать родъ человѣческій; а познаніе Лондона, которое онъ чрезъ то пріобрѣлъ, называетъ онъ познаніемъ свѣта. Онъ чистосердечно признается, что проводилъ половину своей жизни съ нестерпимою головною болью, которая его каждое утро мучила за то, что онъ ночью съ лишкомъ прилѣжно старался такимъ образомъ познавать людей; а нынѣ онъ, претерпѣвая нѣкоторыя временныя болѣзни, утѣшается тѣмъ, что безъ того бы онъ ни когда не вѣдалъ обстоятельно любовныхъ дѣлъ и прочихъ столько же важныхъ произшествій нынѣшняго вѣка. Сіе-то онъ почитаетъ истинною наукою, приличною дворянину, а всѣ прочія отдаетъ онъ философамъ, или тѣмъ, кои, какъ онъ говоритъ, остервенилися на книги.

Онъ въ многочисленной бесѣдѣ находитъ иногда случай блистать своимъ знаніемъ, но съ тою предосторожностію, что не выходитъ изъ своей сферы, и его невѣжество, кажется, отъ сего притворнымъ. Но когда намъ случится его подстерѣчь, и онъ оплошаетъ; тогда мы его не щадимъ; и естьли онъ хвастаетъ передъ нами знаніемъ

своимъ города; то мы умѣемъ отомщать ему за то знанiемъ книгъ.

На прошедшей недѣлѣ, показалъ онъ намъ два письма, писанныя имъ въ молодости къ одной весьма непостоянной госпожѣ. Насмѣшки, въ ономъ содержащiяся, были довольно замысловаты, для человѣка, которой не зналъ ничего, кромѣ Лондона; но по несчастiю, нашли мы множество словъ, неправильно написанныхъ. Другъ нашъ Гонейкомбъ съ начала обратилъ было сiе въ шутку, и первый началъ тому смѣяться; но когда мы къ нему хорошенько приступили; то онъ намъ съ жаромъ сказалъ, что педантство въ правописанiи всегда ему было противно, что онъ пишетъ по дворянски, а не по ученому. По томъ началъ онъ бранить педантовъ, гордость ихъ, невѣжество и малоумiе, и столь разгорячился, что я, возвратясь домой, не могъ утерпѣть, чтобъ не изложить на бумагу родившихся въ умѣ моемъ отъ того мыслей, которыя вкратцѣ здѣсь сообщаю:

Человѣкъ, которой посѣщалъ одни только библiотеки, и не умѣющiй ни о чемъ инсмъ говорить, не весьма прi-

ятенъ въ обществѣ, и есть то, что мы называемъ педантомъ. Но мнѣ кажется, чтобъ должно дать болѣе пространства смыслу сего слова, и называть онымъ всѣхъ тѣхъ, которые вышедъ изъ границъ своего ремесла, или рода жизни, ни чего болѣе не разумѣютъ, и ни о чемъ разсуждать не могутъ.

Какого, на примѣръ, педанта можно сравнять съ человѣкомъ, которой ни чего не знаетъ, кромѣ города, гдѣ онъ живетъ? Отними у него театръ, отними списокъ славныхъ въ городѣ красавицъ, и повѣствованіе о нѣкоторыхъ модныхъ болѣзняхъ, которыя онъ претерпѣлъ; то онъ сдѣлается совершенно нѣмымъ.

Что скажемъ мы о Военномъ педантѣ, которой круглой годъ ни о чемъ болѣе не говоритъ, какъ о лагеряхъ, объ осадахъ, о сраженіяхъ? Все, что онъ не скажетъ, пахнетъ порохомъ; отними же у него Артиллерію; то зажмешь ему ротъ. Можно къ сему причесть Юридическаго педанта, которой говоритъ только о тяжебныхъ дѣлахъ, привязывается ко всякой бездѣлицѣ и къ обыкновеннѣйшимъ дѣяні-

ямъ, не соглашается въ самой неоспоримой истиннѣ, безъ великаго спора, и непризнается и въ томъ, что дважды два, дѣлаютъ четыре, пока не докажутъ ему того дюжиною доводовъ и аргументовъ.

Политической педантъ зарытъ по уши въ новостяхъ и въ политикѣ. Естьли случится при немъ упомянуть имя Польскаго, или Гишпанскаго Короля; то онъ заведетъ о нихъ безконечной разговоръ; но сбѣй его съ газетовъ; то онъ и не знаетъ, что онъ и гдѣ онъ. Однимъ словомъ сказать, человѣкъ безъ примѣси придворный, или военный, или штатскій, или политикъ, есть педантъ смѣшной и несносной.

Изъ всѣхъ педантовъ, о коихъ я упомянулъ, сноснѣе тотъ, которой прилѣпился къ книгамъ. По крайней мѣрѣ, онъ обогатилъ свой умъ, и наполнилъ голову множествомъ понятій, хотя, правду сказать, запутанныхъ: но здравомыслящій человѣкъ бѣседуя съ нимъ, можетъ отъ него занять и употребить въ свою пользу множество прекрасныхъ вещей, которыя первому

обладателю оныхъ не приносятъ ни малой пользы. Между учеными людьми, самые смѣходостойные педанты суть тѣ, кои, имѣя весьма мало здраваго смысла, читали множество книгъ безъ вкуса и безъ выбора.

Естьли съ одной стороны, знанія, путешествія и всѣ способы, употребляемые для нашего просвѣщенія, служатъ къ усовершенствованію правильнаго ума; то съ другой стороны, можно сказать, что дурака дѣлаютъ они въ тысячу разъ несноснѣе, снабжая его матеріею къ безпрестанному вранью.

ДОБРОДѢТЕЛЬ ДѢЛАЕТЪ ЧЕЛОВѢКА ПРЯМО ВЕЛИКИМЪ,

письмо къ Аглинскому Зрителю.

Господинъ Зритель!

Вы замѣтили въ нѣкоторыхъ изъ вашихъ листовъ, что истинная величность не обитаетъ посредѣ пышности

и шума; гдѣ большая часть людей оную ищутъ. Вы присовокупляете къ тому, что добродѣтель, скрывающаяся во мракѣ неизвѣстности, часто превосходитъ все то, что въ свѣтѣ почитается величайшимъ и безподобнымъ.

Когда мы читаемъ исторїю тѣхъ людей, кои носили почтенныя титла Цареи, Министровъ, Полководцевъ, они кажутся намъ сложившими съ себя всѣ тѣ наружныя украшенїя, кои ослѣпляли ихъ современниковъ; и мы находимъ ихъ великими, или малыми, достойными, или недостойными нашего почтенїя, по мѣрѣ великости ихъ добродѣтелей, или пороковъ. Благоразумныя правила, благородныя чувствїя, и безкорыстное поведенїе мудраго, довольствующагося посредственнымъ достаткомъ, и удѣляющаго еще часть онаго, на удовлетворенїе склонности своей къ благотворительности, возвышаютъ его въ нашемъ почтенїи надъ сильнѣйшими земными владыками; когда мы посмотримъ на него и на нихъ сквозь отдаленїя многихъ вѣковъ. Естьли бы записки человѣка, проводившаго жизнь свою во мракѣ неизвѣстности, но образомъ, достойнымъ его разума, и сооб-

разующимся съ правилами добродѣтели, были намъ показаны; то мы бы ничего не нашли въ немъ, чтобъ препятствовало поставить его на ряду съ славнѣйшими людьми. Слѣдующая выписка, изъ бумагъ одного честнаго сельскаго дворянина, объясняетъ болѣе мое предложенїе. Можетъ быть, читатели ваши, увидя сїи добродѣтельныя дѣянїя, въ тайнѣ и безъ свидѣтелей учиненныя, возъимѣютъ объ немъ лучшее мнѣнїе, нежели о тѣхъ, кои обратили на себя удивленїе и вниманїе народа.

Записка.

,, Когда мнѣ было 22 года; то я ,, почувствовалъ сильнѣйшую страсть ,, къ женѣ моего родственника *Карла*; ,, можетъ быть, чтобъ я, по нещастїю, ,, имѣлъ успѣхъ въ моей любви; естьли бы, нарочно для того, не уѣхалъ ,, я въ чужїе краи.

,, Вскорѣ по возвращенїи моемъ въ ,, Англїю, видѣлся я съ дядею моимъ ,, Д..., которой хотѣлъ отдать мнѣ все ,, свое имѣнїе; но я отъ того отказался, ,, и упросилъ его, чтобъ онъ не лишалъ ,, наслѣдства сына своего Едуарда.

„ Должно мнѣ помнить, чтобъ ни „ когда не сказывать о семъ обстоя- „ тельствѣ брату моему Едуарду; да- „ бы онъ не получилъ дурныхъ мыслей „ о покойномъ своемъ отцѣ; хотя онъ „ всегда худо обо мнѣ въ семъ случаѣ „ отзывается.

„ Дабы предупредить позорную тяж- „ бу, между племянникомъ моимъ Н.... „ и его матерью, я далъ ей изъ подъ „ руки изъ собственныхъ моихъ денегъ „ ту сумму, которая была причиною „ ихъ спора.

„ Я далъ выгодное мѣсто одному „ молодому человѣку, по тому, что „ онъ сынъ честнаго моего учителя, „ умершаго лѣтъ съ 20 тому назадъ.

„ Дано 20 фунтовъ стерлинговъ „ бѣдной госпожѣ М...., вдовѣ друга „ моего Г.

„ Должно убавить отъ моего сто- „ ла одно блюдо, до тѣхъ поръ, пока „ я чрезъ то выручу сіи деньги.

„ Не забыть починить мой домъ, „ и окончать сады; дабы употребить

„на сїю работу за хорошую плату бѣд„ныхъ крестьянъ по окончанїи жатвы.

„Приказано Ивану выпустить „ночью овецъ добраго моего сосѣда „П..., которыя содержалися въ за„перти за то, что ѣли мое сѣно; „прочимъ же моимъ слугамъ того не „сказывать.

„Уговорилъ Г. Т...., чтобъ онъ „не просилъ въ судѣ на крестьянина, „которой застрѣлилъ въ его дачахъ „куропатку, и отдалъ бы ему его ружье.

„Заплачено Аптекарю, за излѣ„ченїе одной старухи, которая по„читала себя колдуньею.

„Отдалъ мою любимую собаку „въ полную волю нищему, за то, что „она его укусила.

„Должно сослать Петра со дво„ра, за то, что онъ застрѣлилъ изъ „пистолѣта дикую козу, которая „ѣла у него съ руки жолуди.

„Когда мой сосѣдъ Иванъ, кото„рой часто мнѣ сперва вредилъ, по-

„ дастъ завтра ко мнѣ о дѣлѣ своемъ „ прошенїе; то мнѣ должно помнить, „ что я уже его простилъ.

„ Не ѣздить въ каретѣ и продать „ лошадей, чтобъ быть въ состоянїи „ помогать бѣднымъ, по причинѣ не у- „ рожая хлѣба въ нынѣшнемъ году.

„ Уступилъ мужикамъ моимъ, въ „ семъ же году, пятую часть положен- „ наго на нихъ оброка.

„ Севодни, какъ я прогуливался, „ то пришла мнѣ въ голову мысль, „ которая наполнила сердце мое радос- „ тїю, и я ласкаю себя, что она бу- „ детъ имѣть щастливое влїянїе на „ остальную часть моего вѣка.

„ Должно приказать на единѣ мо- „ ему сыну, чтобъ онъ, по смерти мо- „ ей, не сооружалъ мнѣ ни какого па- „ мятника; но въ духовной своей я не „ долженъ говорить о томъ ни слова. „

ПРИМѢРЫ ДОБРОДѢТЕЛЕЙ

СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Синориксъ и Синатъ, по сказанію Плутарха, были двое изъ знатнѣйшихъ Вельможей Галатійскихъ. Камма, жена послѣдняго, была столько же добродѣтельна, сколько и прекрасна. Синориксъ въ нея влюбился. Онъ зналъ строгость ея поведенія, и слѣдовательно, не могъ ласкаться успѣхомъ въ своей страсти. Онъ прибѣгаетъ къ злодѣянію, и умерщвляетъ Сината. Нѣсколько времени по томъ, сталъ онъ чрезъ родственниковъ своихъ требовать ея въ супружество. Сія нещастная вдова не отвергнула со всемъ его предложенія, но слабо оному противилася; на конецъ согласилася, и день былъ назначенъ для совершенія брака. Камма идетъ во храмъ Діаны, коея она была жрицею. Тогда подступивъ къ жертвеннику, и вливъ на оной по обыкновенію нѣкоего приготовленнаго ею напитка, она напилася онаго, и подала остальное Синориксу. Едва проглотилъ онъ его; какъ Камма, обратясь къ кумир"

Діаны, сказала: ,, буди свидѣтельницею, ,, о Богиня! что я пережила мужа моего, единственно для того, чтобЪ ,, за него отмстить. А ты, СинориксЪ, ,, злобнѣйшій изЪ смертныхЪ, скажи ,, друзьямЪ твоимЪ, чтобЪ они готовили тебѣ гробЪ вмѣсто брачнаго ,, ложа! ,, — СинориксЪ умерЪ вЪ тотЪ же день, а Камма на завтрѣе.

Японская Исторія представляетЪ намЪ примѣрЪ геройства, отЪ супружеской любви происходящаго. ИмператорЪ той страны повелѣлЪ тайно умертвить одного изЪ своихЪ придворныхЪ, у коего была жена отмѣнной красоты. ЧрезЪ нѣсколько дней послѣ сего, сей Государь приказалЪ привести кЪ себѣ сію женщину, и принуждалЪ ее остаться жить сЪ нимЪ вЪ его дворцѣ. Я должна радоваться и почитать себя счастливою, отвѣчала она ему, что мой ПовелительпочелЪ меня достойною своей дружбы; я милость сію пріемлю сЪ должнымЪ почтеніемЪ; но смѣю просить тебя, Государь, чтобЪ ты далЪ мнѣ тритцать дней сроку, для оплакиванія моего мужа. Позволь, сверьхЪ того, примол-

вила она, чтобъ по окончанїи сего времени, я могла позвать всѣхъ его родственниковъ, и угостила бы ихъ въ одной изъ башенъ твоего дворца. Императоръ согласился на ея прозьбу. День пиршества наступилъ, и угощенїе было великолѣпно. Императоръ захотѣлъ тутъ же присудствовать, и напился пьянъ, почти, до безпамятства. Вдова воспользовалася сею минутою, и показывая, будьто желаетъ прохладиться, вышла на балконъ и съ разбѣгу бросилася въ низъ.

ВЕЛИКОДУШIЕ.

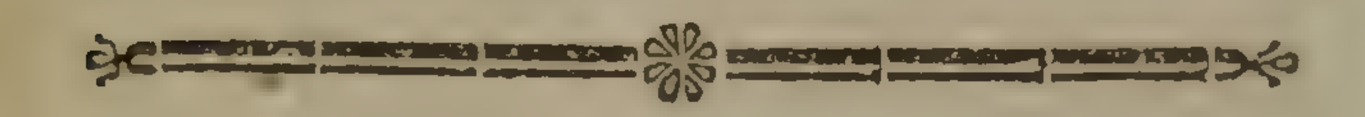
Малекъ, Визирь Калифа Мостадїя, одержалъ знаменитую надъ Греками побѣду, и взялъ Императора ихъ въ плѣнъ. Призвавъ сего Государя въ свою ставку, спросилъ онъ у него: какъ думаешь поступлю я съ тобою? — Естьли ты ведешь войну какъ Царь, отвѣчалъ ему Императоръ, то отпустишь меня; а естьли такъ, какъ купецъ, то продашь меня; естьли же такъ, какъ мясникъ, то умертвишь меня. Малекъ отпустилъ его, не требуя выкупа.

ЧЕСТЬ.

Фельдмаршалъ Вобанъ послалъ одного храбраго солдата, осмотрѣть нѣкоторой важной постъ; солдатъ пробылъ тамъ весьма долго, не смотря на сильный непріятельскій огонь, и былъ даже раненъ очень больно пулею: на конецъ, возвратясь отъ туда, далъ онъ весьма обстоятельной отчетъ въ порученномъ ему дѣлѣ, и учинилъ то съ удивительнымъ спокойствіемъ, хотя кровь изъ раны его текла изобильно. Г. Вобанъ хотѣлъ ему подарить луйдоръ.— Нѣтъ, милостивый Государь, отвѣчалъ солдатъ, я ни чего не возьму: симъ бы я испортилъ мое дѣяніе.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

О
АЛКОРАНѢ.

Алкоранъ есть книга Магометанскаго закона, или мнимыхъ откровеній и ученія лжепророка Магомета.

Слово Алкоранъ есть Арабское, и буквально значитъ, *книгу* или *собраніе*; но первый переводъ есть лучшій: Магометъ восхотѣлъ, чтобъ Алкоранъ его называли *превосходною книгою*, подражая Жидамъ и Христіянамъ, которые ветхій и новый завѣтъ имянуютъ *писаніемъ*.

Общее мнѣніе, принятое между нами, о произхожденіи Алкорана, есть то, что Магометъ сочинилъ его съ помощію Батиласа, еретика Якобитскаго, Сергія Несторіянскаго монаха, и нѣсколькихъ Жидовъ. Г. д' Ербелотъ въ

своей восточной Библіотекѣ предлагаетъ свою догадку, что по осужденіи Несторовой и Еутихѣевой ереси Вселенскими Соборами многіе Епископы, Священники, Монахи, и прочіе, удалясь въ Аравійскія и Египетскія степи, снабдили сего обманщика многими обезображенными мѣстами Священнаго писанія, и несвязными догматами, которые еще болѣе повредились, прошедъ чрезъ его воспаленное воображеніе; сіе легко можно узнать по догматамъ сихъ древнихъ еретиковъ, разоросаннымъ въ Алкоранѣ. Жиды, разсѣянные въ Аравіи, не мало къ тому способствовали; для того-то они и хвалятся, что 12 человѣкъ, изъ ихъ ученыхъ, сочинили оной. Хотя не льзя ни чемъ утвердить последняго изъ сихъ мнѣнія; но оно кажется вѣроятнѣе перьваго: ибо, поелику выдавъ Алкоранъ, должно было обмануть цѣлой народъ, то, храненіе тайны и молчаніе, какъ грубы Арабы ни были; не вѣрнѣйшія ли были средства къ утвержденію обмана? Не должно ли было опасаться, что во множествѣ сыщутся такіе просвѣщенные умы, которые не сочтутъ за откровеніе такое писаніе, въ коемъ толико рукъ учавствовали?

Магометане вѣрятъ, яко члену вѣры, что ихъ пророкъ, о коемъ сказываютъ они, что онъ былъ человѣкъ простой и безграмотной, ни чего своего не включилъ въ сію книгу, что онъ получилъ ея отъ Бога, чрезъ Ангела Гавріила, написанную на пергаминѣ, сдѣланномъ изъ кожи того овна, коего Авраамъ принесъ на жертву вмѣсто сына своего Исаака, и что оная ему дана была не вдругъ, но стихъ по стиху, въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ въ теченіе 23 лѣтъ. Симъ-то прерываніемъ они стараются оправдать запутанность, царствующую въ сей книгѣ; сію запутанность столь невозможно изъяснить, что самые ученѣйшіе изъ нихъ тщетно въ томъ трудились: ибо Магометъ, или его списатель, собралъ какъ ни попало сіи мнимыя откровенія, то не можно было послѣ отыскать въ какомъ порядкѣ отправлялись они съ неба.

Сіи 23 года, въ теченіи коихъ Ангелъ приносилъ Алкоранъ Магомету, суть, какъ всякой можетъ видѣть, великое прибѣжище для его послѣдователей: симъ покрываютъ они безчисленное множество ощутительныхъ про-

тиворѣчій, въ законѣ ихъ находящихся. Они ихъ съ благочестіемъ слагаютъ на Бога, и говорятъ, что въ сіе продолжительное время онъ поправилъ и передѣлалъ многія догматы и предписанія, которыя прежде низпослалъ своему пророку.

Все ученіе Магометанскаго закона можно отнести къ пунктамъ Историческимъ и Догматическимъ: первые, съ нѣкоторыми слѣдами истинны, смѣшаны со множествомъ басней и нелѣпостей. На примѣръ, въ одномъ мѣстѣ находятъ, что по наказанію перьваго потомства Адамова, коего называютъ они старѣйшимъ изъ пророковъ, Ной исправилъ потерянное перьвыми; что Авраамъ слѣдовалъ за симъ вторымъ; Іосифъ за третьимъ; что Моисей былъ произведенъ на свѣтъ и сохраненъ чудомъ; что на конецъ С. Іоаннъ пришелъ проповѣдывать (благовѣстить) Евангеліе; что Іисусъ Христосъ, зачатый безъ сѣмяни во чревѣ Дѣвы, изъятый отъ искушенія діавола, сотворенный Божіимъ духновеніемъ, и оживотворенный его духомъ, приходилъ установить оной, а Магометъ подтвердилъ. Приписывая сіи похвалы Спасителю міра, коего сія

книга называетъ *Словомъ*, *Добродѣтелїю*, *Душею и Силою Бога*, непризнаетъ однако же предвѣчнаго его рожденія и Божества, и примѣшиваетъ глупыя басни къ святымъ истиннамъ нашего закона, и ни чего нѣтъ столь обыкновеннаго, какъ возлѣ разумной рѣчи находить страннѣйшія брѣдни.

Что касается до догмата; то, поелику ожиданіе наказанія и награжденія въ будущей жизни, суть весьма удобны къ обузданію и къ поощренію людей; то Магометъ, имѣя дѣло съ народомъ весьма склоннымъ къ чувственнымъ утѣхамъ, разсудилъ за благо ограничить вѣчное блаженство безпредѣльною удобностію удовлетворять желаніямъ ихъ, касательно сего; а наказанія, въ особливости, лишеніемъ сихъ утѣхъ, но съ прибавленіемъ при томъ нѣкоторыхъ жестокихъ и ужасныхъ истязаній, не столько по продолжительности, какъ по строгости ихъ.

Въ слѣдствіе сего онъ учитъ въ Алкоранѣ, что находится семь раевъ: а книга, именуемая Азардъ, говоритъ, что Магометъ всѣ оные видѣлъ, объѣзжая оные верьхомъ на Алборакѣ, жи-

зоткомъ, занимающимъ средину между осломъ и лошакомъ; что первой рай сдѣланъ изъ чистаго серебра, второй изъ золота, третій изъ драгоцѣнныхъ камней, въ коемъ находится Ангелъ, отъ одной руки коего до другой разстоянія 70 тысячь дней ѣзды; у сего Ангела въ рукѣ книга, которую онъ безпрестанно читаетъ; четвертой рай изъ изумрудовъ, пятой хрустальной, шестой огненнаго цвѣта, а седьмой есть весьма прекраснѣйшій садъ, орошаемый молошными, медовыми и винными источниками и рѣками, деревья въ ономъ всегда зелены, коихъ плоды превращаются въ дѣвицъ столь пригожихъ и сладчайшихъ, что естьли бы которая изъ нихъ плюнула въ море, то бы оное навсегда потеряло всю горькость своихъ водъ. Онъ говоритъ еще, что сей рай стрегомъ Ангелами, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ коровью голову съ рогами, на коихъ находится по сороку тысячь узловъ, разстоянія же отъ одного узла до другаго сорокъ дней ѣзды. Другіе Ангелы имѣютъ по 70 тысячь ртовъ, каждой ротъ по 70 тысячь языковъ, каждой языкъ хвалитъ Бога въ день по 70 тысячь разъ на 70 тысячахъ различныхъ нарѣчій. Предъ престоломъ

Божïимъ стоятъ 14 зажженныхъ свѣчь, отъ конца коихъ до другаго находится по 50 дней пути разстоянiя. Всѣ чертоги сихъ мнимыхъ небесъ будутъ украшены всемъ, что можно вообразить изящнѣйшаго; правовѣрные будутъ тамъ угощаемы рѣдчайшими и нѣжнѣйшими кушанями, и женятся на Гурiяхъ, или младыхъ дѣвушкахъ, которыя не смотря на безпрестанное сообщенïе ихъ съ Музульманами, пребудутъ всегда дѣвами; изъ сего видно, что Магометъ полагаетъ все блаженство своихъ предъизбранныхъ въ плотской роскоши.

Адъ его состоитъ въ мученïяхъ, кои нѣкогда чрезъ милосердïе Магометово прекратятся: онъ омоетъ беззаконниковъ въ нѣкоемъ источникѣ, посадитъ ихъ за столъ, гдѣ и предложитъ имъ въ снѣдь остатки пиршества, уготованнаго имъ для праведныхъ. Онъ полагаетъ такъ же адъ при смерти, и родъ чистилища, то есть нѣкоторую муку во гробѣ и въ нѣдрахъ земли, тѣламъ тѣхъ, кои не въ точности выполняли его законъ.

Два главные пункта, на коихъ Алкоранъ основанъ, довольно доказываютъ

лживость онаго; первой есть предопределение, состоящее въ вѣрованіи тому, что все, что ни случилось, столь непоколебимо утверждено предвѣчнымъ совѣтомъ, что ни что не можетъ возпрепятствовать событію онаго: извѣстно всѣмъ, сколь Музульмане ослеплены симъ мнѣніемъ. Второй пунктъ есть тотъ, что законъ Магометанской долженъ быть установленъ безъ чудесъ, безъ споровъ, и безъ противорѣчія; такъ, что всѣ тѣ, кои отъ него отвращаются, должны быть осуждены на смерть, и что Музульмане, убивающіе сихъ невѣрныхъ, удостоиваются рая; по сему Исторія повѣствуетъ, что оной законъ болѣе силою оружія и принужденіемъ утвердился, нежели удостовѣреніемъ.

Не худо замѣтить, что Алкоранъ во все то время, пока Магометъ былъ живъ, хранился только на однихъ отдѣленныхъ листахъ; и что Абубекръ, его преемникъ, первой собралъ сіи листки въ книгу, кою и отдалъ на сохраненіе Гапшѣ, или Аишѣ, вдовѣ Магометовой, яко подлинникъ, къ коему бы можно было прибѣгнуть, въ случаѣ какого либо спора; и какъ уже было

великое множество списковъ съ Алкорана, разсѣянныхъ въ Асіи; то Отоманъ, преемникъ Абубекровъ, велѣлъ написать большое число оныхъ сходственно съ подлинникомъ, находящимся у Аиши, а прочіе всѣ уничтожилъ. Нѣкоторые авторы полагаютъ, что Мотавіа, Калифъ Вавилонской, приказалъ собрать разные списки съ Алкорана, препоручилъ шести искуснѣйшимъ ученымъ, собрать все то, что было сдѣлано основателемъ секты, а прочее все велѣлъ бросить въ рѣку. Но не смотря на стараніе сихъ ученыхъ, дабы установить одно и то же основаніе ихъ ученію, содѣлались они начальниками четырехъ различныхъ сектъ. Первая и самая суевѣрнѣйшая есть *Меликова*, коей слѣдуютъ Мавры и Арабы. Вторая *Именіянская*, преданная Аліемъ, и слѣдуемая Персіянами. Турки приняли *Омарову*, которая изъ всѣхъ есть свободнѣйшая; *Одманова* же, почитаемая изъ всѣхъ простѣйшею, принята Татарами, хотя всѣ сіи секты совокупно почитаютъ Магомета за величайшаго изъ всѣхъ пророка.

Главнѣйшія разности, находящіяся въ спискахъ, учиненныхъ съ Абубекрова,

состоятъ въ строчныхъ знакахъ, кои во время Магометово неупотреблялися, но толкователями были прибавлены, для опредѣленія настоящаго смысла, и сіе по примѣру Массаретовъ, кои такія же точки поставили въ Еврейскомъ подлинникѣ *Св: писанія*.

Весь Алкоранъ раздѣленъ на *Суры*, или главы, суры же раздѣлены на небольшіе стишки, безъ всякой связи и продолженія, походящіе болѣе на прозу, нежели на стихи. Раздѣленіе Алкорана на суры или главы учинено въ новѣйшія времена, числомъ ихъ 60. Многія изъ сихъ главъ имѣютъ весьма смѣшныя заглавія, какъ то, о *коровѣ*, о *муравьяхъ*, о *мухахъ* и проч; но отнюдъ не упоминаютъ о томъ, что заглавіе обѣщаетъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Абу-Іосифъ, Музульманскій законникъ, жившій въ началѣ девятаго столѣтія.

I. Сей былъ человѣкъ тонкій и замысловатый; проворство его пріобрѣло ему великое богатство: вотъ примѣръ его искусства. Гарунъ-Ал-Рашидъ, пятый Калифъ изъ дома Абасcидовъ, влюбяся въ одну изъ невольницъ брата своего Ибрагима, захотѣлъ ее у него купить, и давалъ ему за то тритцать тысячь золотыхъ монетъ. Но Ибрагимъ поклялся не отдавать и не продавать ее ни кому. Но поелику Калифъ усильно его о томъ просилъ, и хотѣлъ имѣть сію невольницу, за какую бы то цѣну ни было; то Ибрагимъ просилъ совѣта, что ему въ такомъ случаѣ дѣлать. Сей ученый сказалъ ему: естьли ты хочешь избѣжать лжеклятвія; то продай и отдай по поламъ свою невольницу Калифу. Ибрагимъ былъ весьма доволенъ симъ вы-

мысломъ, и немедлѣнно отослалъ свою невольницу къ брату, которой однако же прислалъ ему всю обѣщанную за нея сумму; но Ибрагимъ, былъ столько радъ, избавяся отъ такихъ хлопотъ, что подарилъ сіи деньги Абу-Іосифу. Гарунъ, получа въ свою власть желаемую имъ дѣвицу, хотѣлъ съ нею ночевать ту же самую ночь; но законъ противился его желанію: ибо, по Мусульманскому обыкновенію, братъ не можетъ спать съ наложницею братнею, естьли она прежде не переночевала съ кѣмъ ни будь другимъ. Абу-Іосифъ, вопрошенный Калифомъ о семъ затрудненіи, присовѣтывалъ ему женить на сей женщинѣ одного изъ своихъ невольниковъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ съ нею развелся немедлѣнно, и возвратилъ бы ее ему. Бракъ сей совершился; но невольникъ, влюбяся страстно въ свою жену, не хотѣлъ и слышать о разводѣ, и не отдавалъ ее, не смотря на предлагаемыя ему десять тысячь золотыхъ. Тогда-то Абу-Іосифъ имѣлъ нужду употребить всю тонкость ума своего; дабы удовлетворить въ одно время своей совѣсти, и желаніямъ своего Государя. но онъ и изъ сихъ хлопотъ умѣлъ вывернуться, присовѣто-

вавъ ему отдать сего невольника, которой все еще ему принадлежалъ, той женщинѣ, на которой онъ женился: ибо симъ средствомъ союзъ брачный разрушится, по тому, что по закону Мусульманскому, женщина не можетъ быть женою своего невольника. По исполнении сего послѣдовалъ разводъ, и женщина перешла въ Калифовы руки. Сей Государь столько былъ доволенъ Абу-Іосифомъ за поданные ему совѣты, что отдалъ ему тѣ десять тысячь динаріевъ, которыя были назначены невольнику; но симъ еще не кончился его прибытокъ: ибо Калифъ подарилъ сей женщинѣ, въ которую онъ былъ страстно влюбленъ, сто тысячь золотыхъ, онажъ въ знакъ своей благодарности за то, что онъ избавилъ ея изъ рукъ невольника, и доставилъ столь великому Государю, подарила ему десять тысячь динаріевъ: такимъ образомъ сей искусной законникъ выигралъ въ одну ночь пятьдесятъ тысячь золотыхъ монетъ.

2. Сей же разумный мужъ отозвался однажды невѣденіемъ на одинъ заданный ему вопросъ, и какъ его стали укорять, что онъ получая изъ Го-

сударственной казны столь великое жалованье, не исполняетъ своей должности, по тому, что не даетъ отвѣтовъ на задаваемые ему вопросы; то онъ на сіе весьма пріятно отвѣчалъ слѣдующее: ,,я получаю изъ казны по ,,мѣрѣ моего знанія; а естьли бы я ,,получалъ по мѣрѣ моего невѣжества; ,,то бы всѣ Калифовы богатства не ,,могли мнѣ за то заплатить.

Абуриганъ, Астрономъ Музульманской, въ одиннатцатомъ столѣтіи.

Султанъ Махмутъ изъ Династіи, или поколенія Газневидовъ, вздумалъ однажды испытать его знаніе, и далъ ему ауедіенцію въ большой залѣ своего дворца, въ которой было четверо дверей, и велѣлъ ему угадать, въ которыя двери онъ изъ сего мѣста выдетъ. Абуриганъ попросилъ тотъ часъ бумаги и черниалъ, и написавъ записочку, въ которой содержался его отвѣтъ, спряталъ ее подъ Султанову подушку. По учинении сего, Султанъ приказалъ разломать часть стѣны въ той комнатѣ, и въ оную вышелъ; вынувъ же изъ подъ

подушки Абуриганову записку нашли въ ней, что Султанъ долженъ вытти изъ залы чрезъ проломъ. Махмутъ приказалъ немедлѣнно выбросить его въ окно такъ, какъ чародѣя; но онъ велѣлъ приготовить подъ окномъ скатъ, по которому и скатился безъ всякаго вреда; по томъ кликнувъ его къ себѣ, сказалъ ему: ,, я увѣренъ, что ты ,, сего дня не предвидѣлъ сего произшествія. ,, Абуриганъ, пославъ одного изъ Султанскихъ служителей за своими поденными записками, показалъ Султану, что сїе самое произшествїе было въ оныхъ назначено.

Ахемъ. (Цари Ахемскїе.)

Сїи Государи суть сластолюбивѣйшїе во всей Азіи: въ ихъ сералѣ бываетъ болѣе восьми сотъ женщинъ. Однѣ изъ нихъ безотлучно бываютъ при Царѣ, для прохлажденія его большими веерами, или для развеселенія своими рѣчами, пѣснями, и для удовлетворенія ихъ желаній; другія стоятъ на страже по перемѣнно день и ночь во внутренности дворца, иныя находятся въ

поварнѣ, или буфетахъ, и дѣлаютъ все то, что непосредственно принадлежитъ до особы Царской.

Одному изъ Царей Ахемскихъ превозносили прелѣсти нѣкоторой молодой невольницы, которая жила уже нѣсколько лѣтъ у одного изъ его придворныхъ; Царь захотѣлъ ея видѣть, и нашедъ ее въ самомъ дѣлѣ весьма пригожею, смертелно въ нее влюбился, и требовалъ, чтобъ ея Господинъ подарилъ ему ее: придворный изъ почтенія уступилъ ему оную; но вмѣсто благодарности велѣлъ онъ его чрезъ нѣсколько дней посадить на колъ, за то, что онъ имѣлъ въ ней предъ нимъ первенство; по томъ, когда послѣдовало за страстію его отвращеніе; то онъ велѣлъ умертвить и невольницу въ наказаніе за надвластіе, взятое ею надъ его сердцемъ.

Ахемцы.

I. Ни что не можетъ сравниться съ почтеніемъ, воздаваемымъ симъ народомъ правосудію: преступникъ, пойманный на мѣстѣ злодѣянія женщиною,

или малымъ ребенкомъ, не смѣетъ спастися бѣгствомъ; онъ даетъ вести себя съ удивительнымъ повиновенiемъ къ Судьѣ, которой его немедлѣнно осуждаетъ. Обыкновеннѣйшiя наказанiя той страны за преступленiя, состоятъ въ битьѣ палками, или въ отнятiи нѣкоторыхъ членовъ, какъ то, рукъ, ногъ, носа, ушей и тайныхъ частей. По совершенiи казни, всякой идетъ спокойно домой, такъ что не льзя узнать виноватаго съ обвинителями; то есть, что не слышно съ одной стороны ни малѣйшей жалобы, а съ другой ни мамалаго выговора, и даже не остается ни малаго безчестiя наказанному. Всякой человѣкъ подверженъ погрѣшностямъ, говорятъ Ахемцы; а наказанiе заглаждаетъ преступленiе. Но что всего страннѣе, что такiя казни рѣдко бываютъ смертельны, хотя ни чемъ не лѣчатъ наказанныхъ, какъ только, унявъ кровь, перевязываютъ рану.

2. Весьма примѣчанiя достойное обстоятельство въ такихъ наказанiяхъ, есть то, что между преступникомъ и палачемъ дѣлается нѣкоторой родъ условiя. Палачь спрашиваетъ у виновныхъ, сколько они ему дадутъ за то,

чтобъ онъ сократилъ время ихъ страданія, и однимъ бы махомъ отрубилъ имъ носъ, или ухо, и естьли они приговорены къ смерти; то чтобъ однимъ разомъ дать имъ смертный ударъ. Поторговавшись нѣсколько времени, договоръ заключается въ присутствіи зрителей, и деньги немедлѣнно отдаются. Тотъ, кто не согласится на сіе, долженъ опасаться, чтобъ съ ухомъ не потерять щеки, или что ему носъ отрубятъ столь высоко, что мозгъ будетъ видѣнъ. Повѣствуютъ, что одинъ Ахемецъ полюбопытствовалъ посмотрѣть чрезъ заборъ на жену своего сосѣда въ то время, какъ она купалася; сія женщина, примѣтя то, пожаловалася мужу. Сей схватилъ виноватаго, и повелъ въ судъ, гдѣ и положено было дать ему за то тритцать ударовъ палкою. По обыкновенію, началось условіе, для облегченія наказанія. Палачь потребовалъ гораздо болѣе того, что преступникъ ему предлагалъ; и какъ сей послѣдній колебался, то онъ далъ ему столь сильной ударъ, что торгъ между ими немедлѣнно заключился такъ, какъ палачь требовалъ. Опредѣленіе было однако же исполнено; ему дали тритцать лозановъ, но столь легко,

что палка едва касалася его платья. По учиненіи наказанія, виноватый смѣшался съ толпою зрителей съ весьма спокойнымъ духомъ, чтобъ слышать рѣшеніе нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ.

Ахметъ, Великій Визиръ Магомета II, Султана Турецкаго.

I. Когда Магометъ II объявилъ войну Персіи, около 1473 года; то сынъ его Баязетъ, будучи весьма молодъ, послѣдовалъ за нимъ въ Армію, и получилъ начальство надъ нѣкоторымъ отрядомъ войскъ. Султанъ, отецъ его, не надѣяся на способность его и храбрость, за нѣсколько часовъ до сраженія, приказалъ Ахмету осмотрѣть ту часть, которою повелѣвалъ Баязетъ, въ боевомъ ли оная порядкѣ находится; но сей полководецъ нашелъ тамъ великой безпорядокъ, и не могъ утерпѣть, чтобъ не сдѣлать ему довольно чувствительнаго выговора. „Такимъ ли образомъ, „(сказалъ ему сей старый воинъ,) „Государь, желающій побѣдить, дол„женъ располагать свое воинство? „ Баязетъ, огорченный симъ выговоромъ,

сказалъ ему, что онъ, со временемъ, заставитъ его раскаеваться въ сей дерзости. „А что ты мнѣ сдѣлаешь, от„вѣчалъ ему гордый Ахметъ? Я кля„нуся душею моего отца, что естьли „ты вступишь на престолъ, то я не „препояшу меча моего, для твоихъ „услугъ.„ Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сего, Баязетъ, вступивъ на тронъ своего отца, долженъ былъ воевать противъ брата своего Сизима, которой оспоривалъ у него престолъ. Баязетъ самъ взялъ начальство надъ войсками, и хотѣлъ сдѣлать онымъ смотръ. Ахметъ первый ему попался; но вмѣсто того, чтобъ имѣть мѣчь препоясанный по обыкновенію, Султанъ примѣтивъ, что оной былъ у него привязанъ къ сѣдлу, закричалъ. какъ ты долгопамятенъ, покровитель мой! забудь проступки моей молодости, возьми мѣчь свой, и поражай онымъ враговъ нашихъ съ обыкновенною твоею храбростію.

Абделькамъ одинъ изъ знатнѣйшихъ Вельможъ Визалурскихъ въ Восточной Индіи.

Наскучивъ военною службою, удалился онъ въ свой Сераль, гдѣ его великое богатство подало ему способы собрать 200 прекраснѣйшихъ въ свѣтѣ женщинъ. Въ семъ будучи положеніи, получилъ онъ повелѣніе взять паки начальство надъ войсками, и итти противъ Князя Севажи. Когда онъ увидѣлъ себя принужденнымъ ѣхать; то ревнивость столь сильно въ немъ возгорѣлась, что внушила ему ужаснѣйшее злодѣяніе. Онъ цѣлую недѣлю пробылъ запершись въ своемъ Сералѣ въ безпрестанныхъ пиршествахъ и утѣхахъ. Въ послѣдній день, дабы избѣжать въ отсутствіи заботъ и мученій ревнивой любви своей, велѣлъ онъ при себѣ перерѣзать всѣхъ своихъ женъ. Исторія къ удовольствію нашему повѣствуетъ, что Визапуръ вскорѣ освободился отъ сего чудовища рукою своего непріятеля. Севажи почиталъ себѣ честію присоединять человѣколюбіе къ военнымъ своимъ дарованіямъ; онъ почувствовалъ такое от-

вращеніе къ сему ненавистному убійцѣ, что боялся помрачить свою славу, подвергаясь съ нимъ жребію оружія. Онъ велѣлъ предложить ему свиданіе подъ предлогомъ, чтобъ сдѣлать нѣкоторыя условія. Абделькамъ принялъ сіе предложеніе: они должны были сойтиться безъ всякой свиты между двумя Арміями. Когда же они приближились другъ къ другу; то Севажи вынулъ кинжалъ, и пользуясь изумленіемъ своего непріятеля, вонзилъ ему оный въ сердце, укоряя его въ его преступленіи, и сказавъ ему, что кто нарушилъ права природы, томъ долженъ быть исключенъ изъ права людскаго.

Абу-Ганифа, славнѣйшій законникъ правовѣрныхъ Музульмановъ, родился въ 699 году по Р. Х.

Какъ нѣкто ударилъ его по щекѣ; то онъ сказалъ сему дерзновенному: ,,Я могъ бы тебѣ заплатить за обиду ,,обидою; но я того не сдѣлаю; могъ ,,бы я, такъ же, принести жалобу

„Калифу, но и того не сдѣлаю. По „крайней мѣрѣ, могъ бы я въ молит-„вахъ моихъ представить Богу нане-„сенное мнѣ тобою ругательство; но „я того не сдѣлаю. На конецъ могъ бы „я въ день судный просить отъ Бога „за сïе мщенiя; но вмѣсто того, „чтобъ сïе учинить, естьли бы сей „страшный день наступилъ въ сïю ми-„нуту, и естьли бы мое ходатайство „было принято; то я иначе не вошелъ „бы въ рай, какъ съ тобою.

Адгатъ Еддуллатъ, вторый Султанъ изъ поколѣнiя Буидовъ, или Дилемитовъ, кои царствовали въ Персïи.

I. Сей Государь сдѣлался богатъ весьма страннымъ случаемъ. Въ числѣ женщинъ его Сераля, находилася одна невольница, въ которую былъ влюбленъ нѣкоторой солдатъ его гвардiи; связь между ими сдѣлалася весьма тѣсною; но Султанъ о томъ не вѣдалъ. Солдатъ будучи въ одинъ день на охотѣ, погнался за лисицею, которая ушедъ въ нору, отнимала у охотника всю надежду

ея поймать, естьли бы онъ не вздумалъ обрыть сію нору кругомъ, для полученія сея добычи. Какъ онъ прорылъ довольно глубоко; то усмотрѣлъ лѣстницу, по которой сошедъ въ пещеру, нашелъ великій кладъ, состоящій изъ золота и драгоцѣнныхъ камней; съ взялъ изъ того на первый случай небольшое количество, и замѣтилъ мѣсто, покрывъ оное рачительно, дабы доставать отъ туда время отъ времени столько, сколько ему разсудится. Получивъ такое богатство, началъ онъ часто подчивать и дарить свою любовницу, которая весьма дивилася его щедрости, зная, что любовникъ ея былъ человѣкъ бѣдный. На конецъ, не въ состояніи будучи преодолѣть своего любопытства, спросила она у него, отъ куда пришло ему такое изобиліе, и столь усильно приступала къ нему, что на конецъ онъ открылъ ей всю тайну. Сія дѣвка разсудила, что пріобрѣтетъ себѣ милость Султанскую, когда измѣнитъ своему любовнику, объявя о найденномъ имъ сокровищѣ, и что тѣмъ получитъ прощеніе за свой проступокъ, которой не могъ пробыть долго въ тайнѣ. И такъ сказала она о томъ Государю, которой велѣлъ ей для

открытія того мѣста итти туды съ солдатомъ, и чтобъ взяла она съ собою листъ бумаги, которую не большими кусками бросала бы по дорогѣ, дабы послѣ можно было найти ея слѣды. Дѣвка въ точности исполнила его приказаніе, и Султанъ пришелъ по слѣду съ нѣкоторыми своими вѣрнѣйшими придворными въ тотъ подземельникъ, въ которомъ находилися наши любовники. Солдатъ весьма изумился, увидя своего Государя; но вскорѣ былъ ободренъ ласковыми его словами и щедрымъ награжденіемъ. Невольница получила равномѣрно знатные подарки и прощеніе въ своей винѣ.

2. Сей Государь, желая пріобрѣсти уваженіе и почтеніе иностранныхъ Государей, а особливо возобновить союзъ, заключенный древними Персидскими Царями съ Греческими Императорами, вздумалъ отправить въ Константинополь посольство. Для сего избралъ онъ нѣкотораго купца, человѣка умнаго, и много странствовавшаго, и сдѣлавъ ему наставленіе, какъ поступать, далъ великое число драгоцѣннѣйшихъ товаровъ, кои вынулъ для сего изъ своего сокровища. Сей человѣкъ, прибывъ въ Царь-

градѣ, предсталъ Императору, подъ видомъ простаго купца. Онъ не замедлилъ пріобрѣсти его благоволеніе, посредствомъ богатыхъ подарковъ, ему поднесенныхъ, и въ скоромъ времени тѣми же способами снискалъ благорасположеніе Вельможей его Двора. Купецъ нашъ, поживъ нѣсколько времени въ Царѣ-градѣ, попросилъ позволенія построить себѣ домъ; и получилъ оное и съ мѣстомъ, на которомъ тогда находилося ветхое зданіе, которое отдали въ его власть. Едва сдѣлался онъ господиномъ сего зданія, какъ велѣлъ зарыть въономъ весьма глубоко въ землю пергаминовой свертокъ, на коемъ было написано то, что ему хотѣлося, и спустя довольно времени велѣлъ рыть фундаментъ, для построенія новаго дома. Когда прорыли на нѣсколько саженъ; то нашли тотъ пергаминовой свертокъ, и работники принесли оной немедлѣнно во Дворецъ, будучи въ томъ мнѣніи, что то была опись какого ни будь зарытаго тутъ сокровища; но развернувъ оной, увидѣли только нѣсколько строкъ, написанныхъ по Гречески на оленьей кожѣ; содержаніе же ихъ было то, что нѣкоторой Астрологъ предсказалъ, что въ такое-то время,

которое относилося къ царствованію Адгатъ Еддуллата, будетъ въ Персіи Монархъ столь же сильный, какъ Александръ Великій, которой будетъ покровителемъ своихъ друзей и союзниковъ, страхомъ своихъ враговъ, и коего дружбы должны искать всѣ земные Владыки. Императоръ, услыша, что было написано въ семъ свертке, велѣлъ позвать купца, и спросилъ у него, знаетъ ли онъ Адгатъ Еддуллата, царствующаго тогда въ Персіи. Купецъ отвѣтствовалъ ему, что онъ за щастіе почитаетъ быть вѣрноподданнѣйшимъ столь великаго Государя. Сей отвѣтъ заставилъ его подробнѣе навѣдаться о могуществѣ сего Государя и о его качествахъ. Когда купецъ удовольствовалъ подробно его любопытство; то онъ удостовѣрился въ томъ, что сей Государь есть тотъ самый, о коемъ говорило предсказаніе Астрологово, и вознамѣрился отправить къ нему немедлѣнно знатное посольство, для учиненія съ нимъ союза. Избравъ Посла, далъ онъ ему дары, достойные двухъ, столь великихъ Монарховъ. Греческій посланникъ, подъѣхавъ къ Ширасу, и услышавъ, что Султанъ не далеко отъ онаго находился, отправился къ нему, и

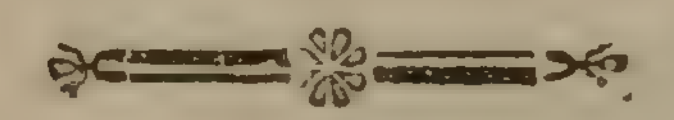
объявивъ о причинѣ своего посольства, представилъ ему богатые дары отъ своего Государя. Адгатъ Еддуллатъ велѣлъ отвѣсть его въ одинъ изъ своихъ загородныхъ домовъ, гдѣ содержалъ и угощалъ его великолѣпно. Въ одинъ день, какъ онъ съ нимъ разговаривалъ, лягушки близъ лежащаго пруда подняли такой крикъ, что Султанъ, не стерпя онаго, далъ одному изъ чиновниковъ бумагу, въ которой былъ нѣкоторой порошокъ, имѣющій свойство заставить ихъ молчать, и сказалъ ему: вотъ повелѣніе Султана, Адгатъ Еддуллата, которой запрещаетъ вамъ нарушать болѣе его спокойствіе. Лягушки немедлѣнно умолкли, къ великому удивленію Посла, которой сказалъ самъ въ себѣ: должно, чтобъ сей Государь имѣлъ равную власть съ Соломономъ, поелику духи ему повинуются.

Адгатъ родился въ Испагани, въ лѣто отъ Р. Х. 935, умеръ въ Багдадѣ на сорокъ седьмомъ году своего возраста.

Ахмеди, стихотворецъ Турецкій.

Тамерланъ былъ однажды въ банѣ со многими изъ своихъ Емировъ, между коими находился Ахмеди, Турецкій стихотворецъ, котораго онъ привлекъ къ своему Двору за его ученость и острый умъ. Онъ сдѣлалъ Ахмедію слѣдующій вопросъ: естьли бы мои Емиры, которыхъ ты здѣсь видишь, были продажные; то какъ бы ты ихъ оцѣнилъ? Ахмеди назначилъ каждому такую цѣну, какую ему разсудилося; по окончаніи же сей оцѣнки, Тамерланъ спросилъ у него: а я чего стою? — Ты стоишь восмидесяти Аспровъ. — Ето несправедливо, возразилъ Тамерланъ; одно полотно, которымъ я подпоясанъ, стоитъ сихъ денегъ. Ахмеди отвѣчалъ: я о полотнѣ и говорю; а что до тебя самаго касается; то ты ни чего не стоишь.

Продолженіе будетъ впредь.

ПРОДОЛЖЕНІЕ любопытныхъ критическихъ разсужденій, о нѣкоторыхъ невмовѣрныхъ дѣяніяхъ и сказаніяхъ древней исторіи.

Чрезвычайная сухощавость стихотворца Филета, и предосторожности его отъ вѣтра.

Люди, живущіе съ великою воздержностію, отъ скупости, или для сохраненія своего здоровья, или по какой либо другой причинѣ, должны всегда остерегаться, что бы не истощить надмѣру своего тѣла. Въ противномъ случаѣ, они могутъ быть унесены Бореемъ въ неизвѣстныя страны, какъ то случилося въ древнія времена съ Орифіею. Сіе совѣтую я наипаче тѣмъ, кои сухое имѣютъ сложеніе. Они наиболѣе должны опасаться сего несчастія; и для нихъ-то я исполняю долгъ, налагаемый на насъ любовію къ ближнему, подавая спасительный совѣтъ. Пусть они велятъ себѣ сдѣлать трехпудовые башмаки, и тогда пускай безъ робости подвергаются сильнѣйшимъ вѣтрамъ.

Естьли спросятъ у меня, гдѣ я нашелъ сей рецептъ; то въ отвѣтъ скажу, что то не въ новыхъ нашихъ книгахъ: ибо въ оныхъ находится очень мало столь прекрасныхъ секретовъ. Сіе изящное открытіе учинилъ Еліянъ.,, ,, Филетъ, урожденецъ острова Ко, говоритъ онъ, былъ весьма тонокъ; и ,, поелику самый слабый вѣтръ сбивалъ его съ ногъ; то, повѣствуютъ, ,, что онъ для предохраненія себя отъ ,, опасности, велѣлъ подъ башмаки свои ,, подложить тяжелыя свинцовыя подошвы.,,

Сколь жалко, что Филетъ имѣлъ столь слабое тѣло, онъ, которой, по сказанію Еліяна и другихъ историковъ, былъ весьма острый человѣкъ, Героическій стихотворецъ и учитель Птоломея Филадельфа! Щастливъ онъ былъ однако же, что имѣлъ ученика Великаго Государя, которой могъ снабжать его деньгами на такіе башмаки. Но сей Царь не лучше ли бы доказалъ ему свою благодарность, когда бы велѣлъ его носить всегда въ хорошо закрытой качалкѣ? Но по видимому, Филетъ былъ Философъ, презирающій великолѣпіе и роскошь, и лучше хотѣлъ быть раздав-

леннымъ въ толпѣ народа, нежели дать себя нести въ запертомъ коробѣ, по примѣру знатныхъ господъ.

Но не вѣроятнѣе ли то, что онъ выходилъ только въ тихую погоду, и утѣшался тою мыслію, что были люди еще сухощавѣе его и болѣе подверженные опасности? И дѣйствительно: „Стихотворецъ Архистрахъ, по сказа„нію того же Еліяна, былъ взятъ „въ полонъ, и положенъ на вѣсы. Онъ „потянулъ не болѣе полушки.„

Правда, что Еліянъ самъ почувствовалъ свое враньѣ, поелику онъ присовокупляетъ слѣдующее: „Ежели Фи„летъ былъ столь легокъ и слабъ, „что не могъ стоять на ногахъ отъ „малѣйшаго вѣтра; то какъ же онъ „таскалъ столь тяжелые башмаки? „Сіе, мнѣ кажется, сомнительно; од„нако же я не хотѣлъ ни чего про„пустить изъ всего слышаннаго мною „о семъ знаменитомъ мужѣ.„

По крайней мѣрѣ Еліяну должно бы на семъ остановиться, не приводя въ примѣръ Архистраха, о коемъ онъ ни мало не сомнѣвается.

О ДЕРЕВЬЯХЪ ЧРЕЗМѢРНОЙ ВЕЛИЧИНЫ.

Виргилїй говоритъ: „что скажу я „о тѣхъ лѣсахъ, кои растутъ въ от„даленнѣйшей части Индiи, близь Оке„ана, гдѣ деревья столь высоки, что „не льзя достать стрѣлою вершины „ихъ, хотя народы тѣхъ странъ и „весьма искусно стрѣляютъ изъ лука.„

Естьли бы я сталъ критиковать сїи Виргилїевы стихи; то бы меня почли за невѣжу, не знающаго, что стихотворцы имѣютъ право употреблять въ своихъ сочиненїяхъ выдумки, и увеличивать предметы свои. Но Плиній не есть стихотворецъ; однако же вотъ что говоритъ: „есть деревья столь „высокiя, что стрѣла, пущенная силь„ною рукою изъ лука, не достигаетъ „вершины оныхъ. Причиною такой вы„соты суть плодородiе земли, умѣ„ренность воздуха и изобилiе водъ. „Естьли мнѣ повѣрятъ; то скажу, „что цѣлая рота конницы можетъ „скрыться подъ однимъ фиговымъ де„ревомъ.„ Сколь весело было солдатамъ находиться подъ такимъ фиговымъ деревомъ! Наѣвшись до сыта фиговъ,

съ какою бодростію, съ какимъ стремленіемъ нападали они на непріятелей! Плиній не одинъ расказываетъ сію басню. Страбонъ и Арріанъ упоминаютъ о деревьяхъ, которыя были еще сихъ больше. Первый утверждаетъ, что есть столь толстыя и высокія деревья, что пятьдесятъ человѣкъ солдатъ на лошадяхъ могутъ быть подъ тѣнію одного изъ оныхъ.

Сіи деревья не удивительнѣе ли еще Плиніевыхъ? Неаркъ, по сказанію того же Страбона, простираетъ сію величину еще далѣе, и говоритъ, что тѣнь одного изъ тѣхъ деревьевъ, можетъ защищать отъ солнца четыреста человѣкъ, и что было одно столь великое, что въ самый полдень, то есть въ кратчайшую тѣнь, простирало тѣнь свою на пять стадій. — Слѣдовательно, при возхожденіи и захожденіи солнца, сія тѣнь, естьли я не обманываюся, простиралася на цѣлую милю: какая удобность для прохлажденія въ жары!

Арріанъ говоритъ: „что въ Индіи „находятся такія деревья, изъ коихъ „подъ однимъ десять тысячь конныхъ „воиновъ могутъ укрыться отъ сол-

„ нечнаго зноя.„ Сей авторЪ не упоминаетЪ, вЪ полдень ли то могло быть, или вЪ другое какое время; что однако же весьма бы нужно было знать! Такое дерево, для укрытія отЪ солнца десяти тысячь человѣкЪ, по утру или вЪ вечеру долженствовало дѣлить тѣнь, по крайней мѣрѣ на три мили. Кто не усмотритЪ изЪ сего, что сіи уродливыя деревья суть Виргиліевы, и что авторы описывавшіе ихЪ послѣ Виргилія, прибавили кЪ его баснѣ множество своихЪ.

КАМБЛЕСЪ ЦАРЬ ЛИДІЙСКІЙ СЪѢЛЪ СВОЮ ЖЕНУ.

Чрезмѣрный голодЪ есть великая болѣзнь: онЪ принуждаетЪ ѣсть такія вещи, отЪ которыхЪ и животныя имѣютЪ отвращеніе. ВЪ голодные годы, и во время продолжительныхЪ осадЪ, ѣдали жолуди, траву, кожу и насѣкомыхЪ. Я не упомяну здѣсь о многихЪ тому примѣрахЪ, кои Исторія намЪ представляетЪ: они сЪ лишкомЪ извѣстны, чтобЪ о нихЪ здѣсь говорить. Но какой апетитЪ, какая жадность можетЪ срав-

ниться съ алчностїю Царя Камблеса, которой безъ всякой осады и голоднаго времени сожралъ свою жену? Вотъ что Целїй Родигиний о семъ повѣствуетъ: „ „ Камблесъ Царь Лидїискій, по сказа„ нїю Ксанфа, былъ столь жаденъ, что „ въ одну ночь изрѣзалъ свою жену въ „ куски, и съѣлъ ее. Проснувшись по „ утру, нашелъ онъ руку, которая у „ него во рту осталася, узналъ свое „ злодѣйство, и умертвилъ самъ себя. „

Я удивлялся нѣсколько времени тому назадъ, что Милокъ Кротонскій взнесъ на гору, и съѣлъ въ одинъ день четырелѣтняго быка. Но алчность Царя Камблеса еще гораздо того удивительнѣе. прочитавъ сїю повѣсть, немедлѣнно бросился я къ моимъ бумагамъ, въ которыхъ у меня собрано множество невѣроятностей; дабы посмотрѣть, вмѣстилъ ли я сїю ужасную черту. Я нашелъ, что Целїй почерпнулъ ее изъ Аѳинея: ибо онъ любитъ скрывать источники, изъ коихъ почерпаетъ свои повѣсти, безъ сомнѣнїя для того, чтобъ болѣе показать учености. И такъ, онъ выписалъ сїе дѣянїе изъ Аѳинея отъ слова до слова, не дѣлая на то ни какого толкованїя, и не показывая ни ма-

лѣйшаго сомнѣнія. Такимъ-то образомъ несчастная Лидiиская Царица окончала жизнь свою. Но какъ ея звали? Ни Ксанфъ, ни Аѳиней, ни Целій не упоминаютъ о ея имени. Какъ! сонъ ея, и плачевная участь не учинилиль ее столько знаменитою, чтобъ имя ея было предано потомству? Отъ сей съѣденной женщины не осталося ни чего, кромѣ руки, которую Камблесъ нашелъ у себя во рту проснувшися. Не уже ли его не безпокоила сія рука? Не уже ли онъ во снѣ не ворочался? Когда бы онъ, хотя не много, пошевелился; то бы она конечно выпала. Безъ сей руки, ни онъ, и ни кто бы не примѣтилъ, что онъ съѣлъ свою жену; кровь, кости, внутренность, онъ все поглотилъ; добрая сія Царица не кричала, не противилася звѣрству своего мужа, не старалася ни уйти, ни скочить съ кровати: ибо сей ужасный пиръ произходилъ ночью, по сказанію сихъ авторовъ; она не кликала ни служителей, ни женщинъ, ни стражей, чтобъ приказать имъ принести Царю поѣсть, и утолить его голодъ. Но или ни кого не было во Дворцѣ, или сія Царица, изъ чрезмѣрнаго снисхожденія къ своему мужу, благоволила дать себя скушать.

Да научатся изъ сего женщины нашего времени, кормить хорошенько по вечерамъ своихъ мужей; дабы не подвергнуться такой же опасности, отъ которой погибла наша героиня; или есть-ли то имъ не угодно, то пускай дадутъ себя съѣсть, чтобъ быть превознесенными похвалою, за совершенное ихъ повиновенїе волѣ ихъ супруговъ, и за героическую твердость духа.

СЦИПІОНЪ ВЕЛЪ СТОЛЬ ВОЗДЕРЖНУЮ ЖИЗНЬ, И УМѢЛЪ СТОЛЬ МАЛЫМЪ ДОВОЛЬСТВОВАТЬСЯ, ЧТО ВО ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ НИЧЕГО НЕ КУПИЛЪ И НЕ ПРОДАЛЪ.

Въ Римской Историї находимъ мы столько людей Сципїонами именуемыхъ, что не малое есть затрудненїе узнать, о которомъ изъ нихъ говорятъ въ повѣствованїи различныхъ дѣянїй, имъ приписуемыхъ. Но какъ бы то не было, Елїянъ говоритъ объ одномъ изъ сихъ Сципїоновъ, что до пятидесяти четырехъ лѣтняго возраста онъ ни чего не купилъ и ни чего не продалъ.... Столь воздержную онъ велъ жизнь, и умѣлъ малымъ довольствоваться! — Я не сом-

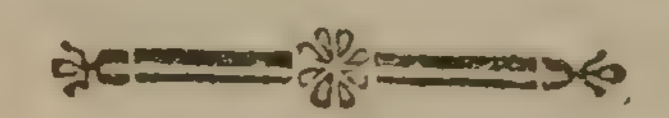
нѣваюсь, что многїя особы, прочитавъ сїе, вскричатъ: Какая удивительная воздержность! Какой великой человѣкъ! А я вскричу: сколь безразсуденъ Елїянъ, что сказываетъ намъ такїя сказки! Не можно угадать, которому Сципїону онъ приписываетъ сїю удивительную умѣренность, и кому приписываетъ столь лестную похвалу: ето не простительная погрѣшность. Такая добродѣтель заслуживаетъ удивленїе вселенной, а мы не знаемъ, кому воздавать сїю честь! Восхищенный отъ радости Елїянъ, конечно позабылъ упомянуть о прозванїи своего героя. Ето ни Кней Сципїонъ, и ни Азїатскїй: они оба были любители веселостей. Которому же изъ двухъ другихъ припишемъ мы сїю столь совершенную воздержность? Но потолкуемъ хотя о сей повѣсти, когда не можно знать дѣйствующаго лица. Сей Римлянинъ, довольствовавшїйся столь малымъ, которой ни чего не продавалъ и ни чего не покупалъ, былъ ли богатъ? Естьли онъ былъ богатъ; то куды дѣвалъ онъ лишнїй хлѣбъ, вино, масло и прочїе свои доходы? Естьли онъ ихъ берегъ; то можно справедливѣе сказать, что онъ былъ доволенъ лишнимъ, а не малымъ: естьли

же онъ имѣлъ только нужное; то развѣ сдѣлалъ съ землею договоръ, чтобъ она производила ему столько, сколько было ему надобно? Положивъ же, что его хлѣбные и прочïе доходы были всегда одинаковы; то не уже ли семья его не умножалася и не убывала? Число гостей, коихъ онъ принималъ, было ли разочтено такъ, что ни когда не было ихъ ни больше ни меньше?

Естьли же онъ былъ бѣденъ, и не имѣлъ ни земли, ни прочаго; то могъ ли онъ жить и питаться не покупая ни чего? Не возможно, чтобъ столь знаменитый человѣкъ былъ не богатъ, хотя и говорятъ, что изъ сей фамилïи были бѣдные люди. Но мы не знаемъ, былъ ли сей въ семъ числѣ: и такъ дадимъ ему порядочной достатокъ. Въ такомъ состоянïи, развѣ не имѣлъ онъ нужды ни для себя, ни для семьи своей, ни для служителей въ платьѣ, въ пищѣ, въ оружïи для войны, и во всемъ томъ, что для дому надобно? Отъ куда все сïе приходило Сципïону; естьли онъ ни чего не покупалъ? Его столовая и поваренная посуда и земледѣльческïя орудïя, не уже ли не повредилися и не извѣтшали въ продолженïи

54 лѣтъ? Не уже ли ни одна черепица съ дому его не свалилася, и ни одна дверь, ни одно окно, ни одинъ кирпичь, и ни одинъ замокъ не изломался? О щастливый смертный! Природа столь была къ нему благосклонна, что преступила свои уставы, въ разсужденіи всего, ему принадлежащаго. Когда онъ путешествовалъ; то лучше хотѣлъ умирать съ голоду, нежели войти въ постоялой домъ. Когда онъ былъ въ Арміи, или начальствовалъ надъ войсками; то его кушанья совсемъ изготовленныя, присылалися къ нему изъ дому. О заблужденіе! О нелѣпость!

Продолженіе будетъ впредь.

ОПИСАНІЕ БРАЧНЫХЪ ОБРЯДОВЪ, НѢКОТОРЫХЪ НАРОДОВЪ.

У Галловъ, когда дѣвица достигала до такого возраста, что можно было ее отдать за мужь; то отецъ ея созывалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ сосѣд-

нихъ молодыхъ людей: она имѣла полную свободу избирать изъ нихъ въ супруги того, кто наиболѣе ей нравился; а чтобъ показать, кому отдаетъ она преимущество; то подавая, по тогдашнему обыкновенiю гостямъ умываться, начинала она съ того, коего назначала себѣ мужемъ. Изъ столь благоразумнаго обычая проистекало множество выгодъ: дѣвицы ни когда по неволѣ не выходили за мужь, и сего одного довольно было, дабы учинить большую часть супруговъ счастливыми. Сiе долженствовало равномѣрно имѣть сильное влiянiе на нравы: мы читаемъ въ Исторiи, что женщины Гальскiя имѣли входъ во всѣ собранiя, въ коихъ разсуждалося о Государственныхъ дѣлахъ, о войнѣ и мирѣ. Мущины имѣли къ нимъ великое почтенiе, и въ бѣседахъ ихъ позволено было обо всемъ говорить; но строго было запрещено злословить женщинъ.

Въ Гренландiи, когда кто хочетъ жениться; то ни о чемъ иномъ не заботится, какъ только о томъ, чтобъ узнать, умѣетъ ли невѣста его шить, и управлять домомъ. Сiя съ своей стороны спрашиваетъ, искусенъ ли женихъ

ея въ звѣриной и рыбной ловлѣ, прилѣженъ ли онъ и щастливъ ли въ оныхъ. Двѣ, или три старухи бываютъ свахами; и когда предложатъ онѣ о томъ дѣвкѣ; то она распускаетъ себѣ по лицу волосы, и начинаетъ плакать. Старухи, будто не примѣчая ея печали, берутъ ее подъ руки и тащатъ съ собою. Пришедъ въ домъ будущаго своего свекра, она продолжаетъ плакать; женихъ проситъ ея, чтобъ она подлѣ его легла: она усугубляетъ свой вопль; онъ удвояетъ свои прозьбы, и совершенiе брака оканчиваетъ вскорѣ весь обрядъ. Иногда случается, что невѣста упрямится, и убѣгаетъ многократно отъ своего мужа къ родственникамъ своимъ; но мужь, для прекращенiя сего, даетъ старухамъ большой мѣшокъ, въ которой онѣ посадя насильно молодую, и завязавъ въ ономъ крѣпко, приводятъ ея къ нему: тогда уже она принуждена остаться въ новомъ своемъ жилищѣ.

Исландскiе браки совершаются съ меньшими обрядами. Родственники обоихъ сторонъ ведутъ жениха съ невѣстою въ церковь, гдѣ Священникъ ихъ совокупляетъ. Тогда они всѣ станутъ

въ церкбѣ къ стѣнѣ. Молодые съ Попомъ въ срединѣ, а родственники по сторонамъ. Молодая наливаетъ большой кубокъ водки, и подноситъ своей сосѣдкѣ. Молодой дѣлаетъ то же съ своей стороны, и такимъ образомъ продолжаютъ пить, пока могутъ стоять на ногахъ.

Въ малой Бухаріи, женихи покупаютъ своихъ невѣстъ; цѣна же бываетъ различна, смотря по красотѣ. Чемъ болѣе кто имѣетъ пригожихъ дочерей, тѣмъ тотъ богатѣе. Свадебное торжество продолжается три дни, въ теченіе коихъ молодой каждой вечеръ ложится подлѣ своей жены; но ему не позволено раздѣваться: онъ можетъ быть тутъ не болѣе минуты, и многія женщины, примѣчающія за нимъ, препятствуютъ ему содѣлаться настоящимъ мужемъ своей жены; и не прежде, какъ на третью ночь позволяется ему вступить во всѣ свои права.

Гвебры, слѣдующіе одному изъ древнѣйшихъ законовъ въ свѣтѣ, не могутъ имѣть болѣе одной жены; имъ не позволяется съ нею развестися, и жениться на другой, какъ только въ

такомъ случаѣ, ежели она въ первые девять лѣтъ своего замужества будетъ безплодна. Законы, управляющіе симъ несчастнымъ остаткомъ древнихъ Персіянъ, и кои получили они отъ Зороастра, были бы весьма мудры; естьли запрещали сему народу кровосмѣсительные браки сыновей съ матерями, братьевъ съ сестрами и отцовъ съ дочерьми.

Нѣкоторая секта въ Персіи, называемая *Сабенсмъ*, представляетъ намъ весьма странные брачные обряды. Послѣдователи *Сабенсма*, именуются Іоаннитами, или Христіянами Святаго Іоанна, по тому, что они признаютъ Св. Іоанна Крестителя первѣйшимъ своимъ Апостоломъ. Духовенство ихъ состоитъ изъ Поповъ и Епископовъ, достоинства коихъ суть наслѣдственны: и по сему духовные ихъ женятся. Но естьли бы случилося кому изъ нихъ жениться на нецѣломудренной дѣвицѣ; то въ такомъ случаѣ дѣти ихъ не могутъ наслѣдовать имъ въ священнодѣйствіи.

Обряды, наблюдаемые симъ народомъ при бракахъ суть слѣдующіе: родственники жениховы идутъ со Священникомъ къ невѣстѣ, спрашиваютъ, честна

ли она, и она должна въ томъ поклясться. Жена Попова извѣдываетъ сама, не ложно ли невѣста присягнула, и удостовѣряся въ томъ, подаетъ свое свидѣтельство. Когда все идетъ по желанію; то ведутъ дѣвку съ нарѣченнымъ ея мужемъ на берегъ рѣки, и крестятъ ихъ обоихъ. По совершеніи нѣкоторыхъ обрядовъ, Священникъ ихъ сажаетъ, и приближивъ ихъ другъ къ другу головами, читаетъ нѣкоторыя молитвы. По томъ ищетъ въ гадательной книгѣ благосклонной минуты, для окончательнаго совершенія брака; назначаетъ оную молодымъ, и посылаетъ ихъ воспользоваться его предсказаніемъ. Въ Европѣ симъ бы все кончилося; но у Сабисовъ молодые должны притти къ Епископу, предъ коимъ мужъ принужденъ клясться, что онъ нашелъ жену свою честною. Епископъ вторично ихъ креститъ, и заключаетъ бракъ, надѣвъ имъ на руки кольцы. Ежели мужъ не признается въ дѣвствѣ своей жены Епископу; то бракъ его онымъ не подтверждается.

Персіяне, слѣдующіе Магометанскому закону, имѣютъ гораздо меньше нужды въ обрядахъ; они почитаютъ

холостую жизнь противною природѣ и намѣреніямъ Создателя. Слѣдуя сему мнѣнію, когда Персіянинъ достигнетъ совершеннаго возраста, и естьли возчувствуетъ склонность къ какой либо женщинѣ; то его женятъ, или дадутъ ему наложницу. Союзы, заключаемые Персіянами съ женщинами суть троякаго рода. Нѣкоторыхъ они нанимаютъ за извѣстную цѣну, и заключаютъ за скрѣпою Судьи договоръ, которой и долженъ съ обѣихъ сторонъ наблюдаться. Другихъ женщинъ они покупаютъ въ наложницы, а на нѣкоторыхъ женятся. Сіе многоженство, по видимому, долженствовало бы раззорять Персіянъ; но у нихъ нѣтъ опаснаго искусства набивать огромную цѣну пригожимъ женщинамъ. Въ Испаганѣ, Столицѣ государства, пригожая женщина нанимается за сто рублей въ годъ, и ей не позволяется оставить своего временнаго мужа, прежде окончанія срока. Число развратныхъ женщинъ тамъ весьма велико; въ 1666 году находилося ихъ въ одной Столицѣ до 14 тысячь, коихъ имена были внесены въ списокъ, тѣмъ человѣкомъ, которому поручено сбирать съ нихъ пошлину; нещитая, говоритъ одинъ путешественникъ, такого же числа

или можетъ быть еще и большаго, которыя не внесены въ списокъ, но съ коихъ сбиратель пошлины получаетъ себѣ больше прибыли, нежели съ извѣстныхъ.

У сихъ распутныхъ дѣвокъ есть обыкновеніе, по мнѣнію моему, весьма благоразумное, которое состоитъ въ томъ, что имена ихъ означаютъ тарифъ ихъ благосклонностей. Одна называется *десяти-томанная* (*), другая *пяти-томанная*, *двухъ-томанная* и проч.

Сіямскіе браки различествуютъ съ другими народами однимъ особливымъ обстоятельствомъ; а имянно, что совершеніе брака чинится прежде свадебныхъ обрядовъ. Запрещается у нихъ жениться только въ первомъ колѣнѣ; но позволено жениться на двоюродныхъ сестрахъ и на двухъ родныхъ сестрахъ, лишь бы то было въ одно время. Но по видимому, Цари ихъ неподвластны сему закону: ибо *Хаонъ Нарай* женился на родной своей сестрѣ, съ которою прижилъ дочь и послѣ на ней тайно женился.

(*) Томанъ, Персидская монета, стоющая около 10 рублей.

Въ островахъ Филиппинскихъ, мужь не иначе, какъ за деньги становится совершеннымъ обладателемъ своей жены. Сія не приноситъ за собою приданаго; но на противъ родственники ея требуютъ за нее извѣстную сумму, прежде врученія ея мужу. Свадебныя издержки весьма дорого стоятъ; мужь долженъ заплатить за входъ свой въ домъ невѣсты, и сіе право называется *пасава*. По томъ платитъ за позволеніе съ нею говорить; послѣ за то, чтобъ съ нею вмѣстѣ ѣсть и пить; и на конецъ даетъ сумму денегъ, соразмѣрную знатности родственниковъ за полученіе права совершить главнѣйшее.

Брачные обряды у Индѣйцовъ суть различны, въ каждой, почти, провинціи, и даже въ каждомъ городѣ; но обыкновенно, дѣти ихъ обоего пола, ходятъ до четырехъ и до пяти лѣтъ нагія. Тогда ихъ обручаютъ, и женивъ девяти, или десяти лѣтъ, оставляютъ слѣдовать побужденію природы. Тамъ часто десяти или двѣнатцатилѣтняя женщина становится матерью.

Во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ жары чрезмѣрны, и гдѣ, слѣдовательно, по-

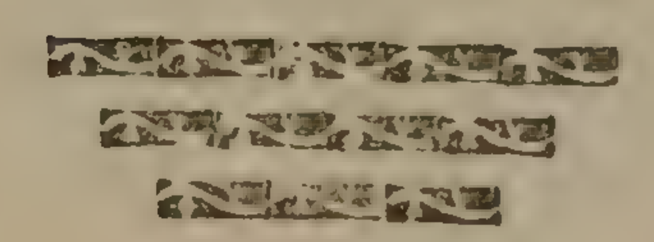
бужденіе, влекущее одинъ полъ къ другому, сильнѣйшее имѣетъ дѣйствіе, люди, имѣющіе превосходнѣйшее понятіе о любострастіи, простираютъ роскошь на все, ихъ окружающее, и даже на боговъ, коимъ предлагаютъ они брачныя утѣхи, яко достойнѣйшую ихъ жертву.

Народы, обитающіе въ Королевствахъ Юидскомъ и Ардрасскомъ въ Африкѣ, покланяются змѣямъ, кои не имѣютъ въ себѣ яда. На пол-мили отъ *Саби*, столицы Юидской, *Великій змѣй* имѣетъ великолѣпный храмъ. Жрецы изыскиваютъ во всей той странѣ самыхъ молодыхъ и пригожихъ дѣвокъ, и именемъ змія требуютъ ихъ у родителей за него въ замужство; а родственники почитаютъ сіе великою себѣ честію; невѣсту змѣеву отводятъ въ погребъ; гдѣ она пребываетъ два или три часа, и когда оттуда выйдетъ; то ее превозглашаютъ *Священною Супругою Великаго змѣя*. Говорятъ однако же, что дѣти, отъ такихъ браковъ раждающіяся, не имѣютъ ни чего змѣинаго, и совершенно человѣческимъ видомъ подобны матерямъ своимъ. Читатель угадаетъ безъ труда, для

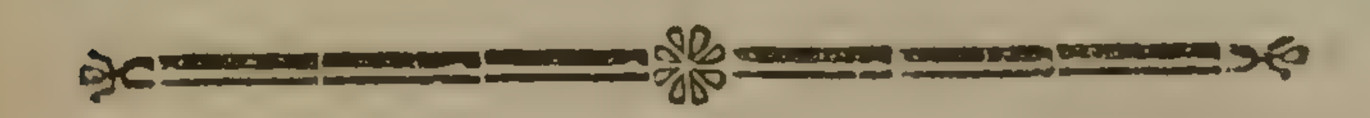
чего жрецы, заключающіе такіе браки, стараются выбирать самыхъ пригожихъ дѣвушекъ.

Жрецы идола, обожаемаго въ Тернатѣ, всякой годъ ищутъ жену своему богу, и наблюдаютъ тѣ же обряды, какъ и жрецы *Великаго змѣя*.

Продолженіе будетъ впредь.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ АНЕКДОТОВЪ О ЛУНАТИКѢ НЕГРЕТИ.

I. ВЪ одинЪ вечерЪ, прежде, нежели Негрети легЪ спать, пріѣхали кЪ Маркизу, господину его, гости, что обыкновенно случалося. По мѣрѣ, какЪ гости наѣзжали, потребовали стульевЪ. Между тѣмЪ Негрети заснулЪ, и поспавЪ нѣсколько, онЪ всталЪ, понюхалЪ табаку, и весьма скоро вбѣжалЪ на верьхЪ за стульями. Но что всего примѣчательнѣе, что держалЪ стулЪ обѣими руками, пришелЪ онЪ кЪ затворенной двери, вЪ которую не стучался, а взявЪ стулЪ вЪ одну руку, отперЪ двери, взялЪ стулЪ по прежнему, и поставилЪ его на то мѣсто, гдѣ ему быть надлежало. По учиненіи сего, пошелЪ онЪ кЪ поставцу, сталЪ искать отЪ онаго ключа и весьма досадовалЪ, что не могЪ онаго найти: взялЪ свѣчу,

и осматривалъ съ оною всѣ углы комнаты, и всѣ ступени лѣстницы, ходя съ великою скоростію, устремивъ глаза въ землю, и шаря руками въ той надеждѣ, чтобъ сыскать потерянной ключь. Камердинеръ положилъ ему тихонько оной въ карманъ. По продолжительному тщетному исканію, Негрети сунулъ нечаянно руку въ карманъ, нашелъ ключь, досадовалъ на свою глупость, отперъ поставецъ, взялъ изъ онаго салфетку, блюдо и два хлѣба, заперъ поставецъ, и пошелъ въ поварню. Тамъ изготовилъ онъ саладъ, вынувъ изъ шкафа все къ тому потребное и по окончаніи сего сѣлъ за столъ, чтобъ ѣсть. У него сняли сіе блюдо, и на мѣсто онаго поставили блюдо капусты съ чеснокомъ. Онъ продолжалъ ѣсть: послѣ капусты поставили ему пирогъ, которой онъ равномѣрно съѣлъ, не показывая, что различаетъ сіи кушанья; сіе доказываетъ, что онъ безъ всякаго вкуса ѣлъ саладъ, и что одна его душа ощущала оное безъ всякой помощи тѣлесныхъ органовъ. Во время кушанія, онъ иногда переставалъ, и слушалъ, думая, что его кличутъ. И однажды, какъ показалося ему, что его въ самомъ дѣлѣ зовутъ; то онъ весьма скоро сошелъ

по лѣстницѣ въ залу, и видя, что никто ни чего ему не приказываетъ, пошелъ онъ въ переднюю, и спрашивалъ у людей, не кликалиль его, и послѣ сего возвратился онъ съ сердитымъ видомъ къ своему столу въ поварню. Поужинавъ, сказалъ онъ довольно громко, что пошелъ бы охотно въ кабакъ выпить чарку, естьли бы имѣлъ деньги. Тщетно искалъ онъ въ своихъ карманахъ. На конецъ онъ вышелъ вонъ, сказавъ, что онъ, хотя и не имѣетъ денегъ, но пойдетъ въ кабакъ, и что ему до завтрева въ долгъ повѣрятъ. Онъ сбѣжалъ поспѣшно съ лѣстницы, и пошелъ въ кабакъ, которой находился на два ружейныхъ выстрѣла отъ дома; постучалъ въ двери, не отвѣдывая отворить оныя, какъ будьто зная, что въ такіе часы они должны быть заперты. Ему отперли, онъ вошелъ, позвалъ хозяина, и попросилъ у него полгаленка вина. Ему подали такую мѣру воды, которую онъ за вино выпилъ, и просилъ, чтобъ ему до завтрева потерпѣли. Послѣ сего онъ вышелъ изъ кабака и пришелъ домой. Вошедъ въ прихожую, спрашивалъ онъ у слугъ, не кликалъ ли его баринъ. По томъ сдѣлался онъ весьма веселъ, и сказы-

валъ, что онъ ходилъ выпить, и что ему гораздо послѣ того лучше. Ему открыли пальцами глаза, и онъ проснулся.

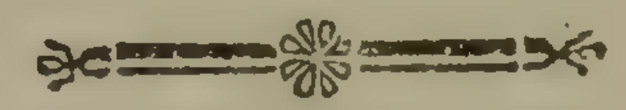
2. Въ одну ночь вспомнилъ онъ во снѣ, что учитель дѣтей его Господина ему сказалъ, что ежели ему случится быть въ ту ночь лунатикомъ, то чтобъ онъ изготовилъ ему супъ и принесъ, за что онъ дастъ ему на вино. Вспомнивъ о семъ, онъ всталъ во снѣ, и сказалъ вслухъ, что сыграетъ съ учителемъ шутку. Послѣ чего пошелъ онъ въ поварню ѣсть, и пришелъ оттуда съ супомъ къ учителю, просилъ его, чтобъ онъ сдержалъ ему свое слово. Учитель далъ ему нѣсколько денегъ, и Негрети, взязъ оныя, взялъ за руку камердинера, и повелъ его съ собою въ кабакъ; гдѣ весьма подробно расказалъ ему, какимъ образомъ обманулъ онъ учителя, думая, что получилъ отъ него деньги на яву. Онъ смѣялся тому отъ всего сердца, пилъ многократно здоровье учителя, и съ великою радостію возвратился домой.

3. Однажды, какъ Негрети былъ въ семъ лунатическомъ состояніи, нѣкто ударилъ его по ногѣ палкою. Ду-

мая, что то собака, началъ онъ бранишься; и какъ продолжали его бить; то онъ сыскалъ метлу, и погнался за мнимою собакою, махая метлою изо всей силы. На конецъ онъ разсердился, и осыпалъ собаку ругательствами, не надѣяся ея найти. Ему вздумалося вынуть изъ кармана кусокъ хлѣба, и спрятавъ подъ полу метлу, кликалъ онъ собаку по имени. Ему бросили подъ ноги муфту, которую онъ почитая собакою, истощилъ на нея весь гнѣвъ свой.

Г. Пигатти наблюдалъ много разъ дѣйствія Негрети, и замѣтилъ, что всякую ночь дѣлалъ онъ что нибудь новое. Онъ усмотрѣлъ такъ же, что во все то время, какъ сіе его состояніе продолжалося, не имѣлъ онъ ни малѣйшаго употребленія чувствъ, зрѣнія, слышанія, обонянія и вкуса. Онъ ѣлъ разныя кушанья, не примѣчая сей перемѣны, какъ-то выше видѣли: не могъ слышать величайшаго шума; не видѣлъ свѣчи, которую къ самымъ глазамъ ему подносили; не чувствовалъ, когда щекотали ему перомъ носъ; однимъ словомъ сказать: ни что не дѣлало надъ нимъ впечатлѣнія. Что до

осязанія принадлежитъ; то оное было у него иногда довольно тонко, а иногда грубо.

РАЗНЫЕ АНЕКДОТЫ И ОСТРЫЯ ШУТКИ.

Два Кардинала выговаривали славному живописцу Рафаелю, что онъ на одной большой картинѣ представилъ лица Св. Апостолъ Петра и Павла надмѣру красными. Милостивые Государи, отвѣчалъ имъ сей художникъ, огорченный сею критикою, не удивляйтеся тому; я ихъ написалъ такъ, какъ они находятся на небесахъ. Сія краснота произходитъ у нихъ отъ стыда, видя церьковь столь худо управляемою.

Одинъ крестьянинъ слушавъ нѣкогда толкованіе Катихизиса, возвратился домой весьма не веселъ. Нѣкто спросилъ его о причинѣ его печали. Нашъ Священникъ, отвѣчалъ онъ, всегда меня бранитъ; онъ спрашивалъ у меня; сколько Боговъ? — Ну, что же? Ты вѣрно отвѣчалъ ему, что Богъ

одинъ? — Къ статѣ ли, одинъ? Я сказалъ, что ихъ трое; а онъ еще и тѣмъ не доволенъ.

Одинъ весьма плохой маляръ, но выдающій себя за искуснаго живописца, хотѣлъ росписать залу. Онъ поминутно твердилъ, что надлежитъ оную выбѣлить, и что по томъ онъ станетъ ее расписывать. Нѣкто сказалъ ему на то, что онъ дастъ ему лучшій сего совѣтъ; а имянно, чтобъ прежде залу росписать, а по томъ выбѣлить.

Одинъ безобразный человѣкъ велѣлъ написать свой портретъ въ ростъ, и не хотѣлъ живописцу заплатить надлежащую плату. Хорошо, сударь, сказалъ ему живописецъ, я оставлю вашу фигуру у себя. — А на что тебѣ она? — Она у меня сойдетъ съ рукъ, отвѣчалъ живописецъ; стоитъ только приписать къ ней хвостъ; то выйдетъ изъ того наряженная обезъяна, и я ужь знаю, кому ее продать.

Одинъ молодой человѣкъ, нашедъ у любовницы своей соперника своего,

которой былъ человѣкъ пожилой, вздумалъ, что весьма колко надъ нимъ подшутитъ, спрося много ли ему отъ роду лѣтъ. — Я вамъ не могу точно сказать, отвѣчалъ сей; но будьте увѣрены, что двадцатилѣтній оселъ старѣе шестидесятилѣтняго человѣка.

Одна молодая женщина побранилася со старухою; сія назвала ее непотребною; а молодая назвала ее старою колдуньею. Такъ ты находишь, отвѣчала старуха, что я угадала.

Грекъ и Италіянецъ превозносили каждой свою націю. Грекъ, дабы доказать, что его нація превосходила всѣ прочія, говорилъ, что изъ Греціи вышли всѣ мудрые люди. Ето правда, отвѣчалъ Италіянецъ: ибо ихъ тамъ уже болѣе не находятъ.

Въ одной бесѣдѣ хвалили нѣкоторыхъ Миссіонеровъ, хотя они были великіе невѣжды, и говорили, что они проповѣдуютъ, какъ Апостолы. Да, отвѣ-

чалъ нѣкто; они проповѣдуютъ, какъ проповѣдывали Апостолы до сошествія на нихъ Святаго Духа.

У нѣкотораго Италіянца, возвратившагося изъ Польши, спрашивали его пріятели, что онъ думаетъ о Полякахъ. Люди сіи, отвѣчалъ онъ, столь холодное имѣютъ сложеніе, что я, разговаривая съ ними, смертельную получилъ простуду.

Одинъ Профессоръ Краснорѣчія читалъ своимъ ученикамъ надгробное слово Фельдмаршалу Тюренну, сочиненное славнымъ Фешіеромъ. Нѣкто изъ учениковъ, почувствовавъ красоты сей рѣчи, спросилъ съ насмѣшливымъ видомъ у своего товарища: когда ты будешь такъ писать? — Тогда, когда ты будешь Тюренномъ, отвѣчалъ другой.

Нѣкоторой мясникъ, по причинѣ худаго зрѣнія, имѣлъ всегда на носу очки; въ одинъ день, не нашедъ оныхъ, взялъ онъ другія, въ которыхъ стекла очень увеличивали предметы; онъ купилъ трехъ телятъ, вмѣсто трехъ быковъ.

Одинъ молодой стихотворецъ принесъ къ Пирону большую тетрадь стиховъ, и просилъ его оные поправить. Чрезъ нѣсколько дней, Пиронъ возвратилъ ему его стихи. Какъ сударь! вы не поставили ни дного креста? вскричалъ молодой человѣкъ съ довольнымъ видомъ. — Ни одного креста, отвѣчалъ Пиронъ? Да развѣ вамъ хотѣлося, чтобъ я сдѣлалъ изъ сочиненій вашихъ кладбище?

Одинъ Адвокатъ имѣлъ привычку ворочать ртомъ. Въ одинъ день, какъ онъ спрашивалъ у того человѣка, коего право защищалъ, чтобъ онъ ему отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы; сей сказалъ ему: Государь мой! я дамъ вамъ отвѣтъ тогда, какъ вы разгрызите орѣхъ, которой у васъ во рту.

Нѣкогда Принцъ Конде, проѣзжая чрезъ одинъ малинькой городокъ, былъ по обыкновенію встрѣченъ рѣчью; онъ остановилъ оратора, спросивъ у него, кто онъ такой? Милостивѣйшій Государь, отвѣчалъ онъ, я второй Консулъ здѣшняго города. А для чего,

спросилъ Принцъ, первый Консулъ не потрудился исполнить ту должность, которую вы теперь отправляете? Извините его, Ваша Свѣтлость, отвѣчалъ Консулъ; онъ имѣетъ на то важную и законную причину. — Чтожъ бы то была за причина? — Онъ вчерашний день умеръ, отвѣчалъ Консулъ.

Нѣкто заказывая живописцу списать свой портретъ, говорилъ ему: напиши меня читающаго вслухъ книгу, которую я буду держать въ рукѣ; напиши, такъ же, слугу моего въ углу такъ, чтобъ его было не видно, однако же, чтобъ онъ могъ слышать, когда я его позову.

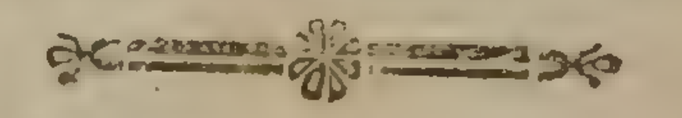
Нѣкоторой человѣкъ былъ скупъ до такои крайности, что когда ему случалося писать, то онъ, жалѣя чернилъ, ни на одномъ десятеричномъ і не ставилъ точекъ.

Одинъ кривой Гишпанецъ пришелъ въ домъ, гдѣ играютъ мячемъ. По нещастію мячь попалъ ему въ здоровой глазъ, и вышибъ оной; но не показавъ

даже ни малѣйшаго огорченія отъ сего несчастнаго случая, онъ снялъ шляпу и поклоняся бесѣдѣ, сказалъ только: господа, желаю вамъ добраго вѣчера.

Ж. Ж. Руссо, опрокинутый въ 1776 году большею Датскою собакою, которая шла за одною каретою, былъ весьма больно убитъ. Хозяинъ сей собаки, сидѣвшій въ каретѣ, послалъ къ Философу сему слугу съ извиненіемъ, и велѣлъ спросить у него, что онъ можетъ для него сдѣлать. Держать впередъ собаку на привязи, отвѣчалъ мудрецъ.

Одна знатная госпожа имѣла весьма короткое знакомство съ славнымъ комедіантомъ Барономъ, которой приживалъ часто къ ней ночевать. Однажды вздумалось ему притти къ ней днемъ; но какъ у нея было множество гостей; то она, пришедъ въ стыдъ отъ такого посѣщенія, спросила у него съ холодностію: за чемъ вы сюда пришли, Г. Баронъ? — За моимъ колпакомъ, сударыня, отвѣчалъ ей громко комедіантъ, огорченный такимъ вопросомъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЛЮБОПЫТНЫХЪ ПРИМѢЧАНІЙ НА НРАВЫ ЖИВОТНЫХЪ.

О ОБЕЗЪЯНАХЪ.

Орангъ - Утангъ, занимающій первое мѣсто въ породѣ обезъянъ, помѣщенъ натуралистами непосредственно послѣ человѣка, по причинѣ удивительнаго употребленія, дѣлаемаго имъ руками. Онъ ходитъ прямо на двухъ ногахъ подобно человѣку; обыкновенно подпирается онъ палкою, и я не удивляюсь, что многіе люди, видѣвшіе, какъ онъ такимъ образомъ проходилъ чрезъ лѣса и пустыни, почли его за дикаго человѣка. Будучи въ неволѣ и подъ страшнымъ начальствомъ человѣка, Орангъ-Утангъ ѣстъ и пьетъ съ отмѣнною опрятностію. Онъ искусно употребляетъ ложку и вилку; наливаетъ себѣ пить, и подноситъ стаканъ ко рту, обтеревъ прежде губы салфеткою. У Бюфона была одна такая обезъяна, которая дѣлала всѣ сіи вещи, пила кофе, подавала дамамъ руку, чтобъ свес-

ти ихъ съ лѣстницы; но сколько ни старался сей великій Физикъ; не могъ однако же выучить говорить сіе, столь близкое къ роду нашему, твореніе.

О СЛОНАХЪ.

Слонъ, коего хоботу дано названіе руки, дѣлаетъ сею удивительною рукою труднѣйшія вещи. Онъ откупориваетъ бутылку столь же искусно, какъ самый проворный человѣкъ, подноситъ ея ко рту, и выпиваетъ столь же скоро, какъ самый неустрашимый пьяница. Онъ поднимаетъ съ земли самыя мѣлкія серебреные деньги, и съ учтивостію подаетъ ихъ къ своему хозяину; онъ относитъ на суда связки товаровъ, которые укладываетъ такъ, чтобъ судно ни съ которой стороны не имѣло перевѣсу. Онъ хоботомъ своимъ вырываетъ изъ корней молодыя деревья, и употребляетъ оныя вмѣсто трости; дабы узнать, тверда ли земля, по которой онъ идетъ, чтобъ не провалиться: ибо слоновъ ловятъ въ Африкѣ и въ Индіи, посредствомъ глубокихъ рвовъ, покрытыхъ хворостомъ и дерномъ.

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ОБЕЗЪЯНЫ ЗАЩИЩАЮТСЯ ОТЪ ОХОТНИКОВЪ, И ОТЪ ОНЫХЪ УХОДЯТЪ.

Обезъяны имѣютъ отмѣнную догадку, для узнанія своихъ непріятелей, и для изысканія средствъ, защищаться и помогать другъ другу, въ случаѣ нападенія на нихъ. Оружіе ихъ состоитъ въ древесныхъ вѣтьвяхъ, кои они отламываютъ, въ каменьяхъ и испражненіи своемъ, которое они, наклавъ въ руку, бросаютъ въ лице своихъ враговъ. Они бѣгаютъ весьма рѣзво по полямъ, перескакиваютъ съ удивительнымъ проворствомъ съ дерева на дерево. Естьли которую изъ нихъ ранятъ; то онѣ всѣ закричатъ страшнымъ голосомъ, и храбрость ихъ усугубится. Когда имъ должно переплыватъ черезъ рѣку; то онѣ, собравшись вмѣстѣ, взлѣзаютъ на дерево, и тамъ ухватя другъ друга за хвостъ, и раскачавъ сію цѣпь, по данному знаку бросаются въ рѣку. Первая, или послѣдняя крѣпко уцѣпится за древесный пѣнь, и тащитъ за собою прочихъ.

Подобное сему повѣствуютъ о долгохвостыхъ обезъянахъ. Сіи обезъяны

съ безпримѣрною легкостію скачутъ съ дерева на дерево, и бѣгаютъ по онымъ способнѣе, нежели по землѣ. Когда они увидятъ, что по нихъ приложилися стрѣлять; то идутъ противъ вѣтру, и пускаютъ страшный вопль, скрыпя зубами. Проворство ихъ столь далеко простирается, что они умѣютъ уклонятися отъ пущенныхъ въ нихъ стрѣлъ, и ловятъ оныя руками, какъ будьто играючи.

ИСКУССТВО ОБЕЗЪЯНЪ ДОСТАВАТЬ РЫБУ УСТРИЦЬ И РАКОВЪ.

Въ перешейкѣ, соединяющемъ Сѣверную Америку съ Южною, находятъ великое число обезъянъ. Сіи животныя тамъ весьма замысловаты и проворны. Онѣ ходятъ всегда обществами, остерегаютъ другъ друга, и подаютъ себѣ взаимно помощь. Хвостъ служитъ имъ совершенно пятою рукою. И кажется, даже, что онѣ хвостомъ дѣлаютъ гораздо болѣе вещей, нежели руками и ногами. Природа симъ вознаградила ихъ за лишеніе большаго пальца, котораго онѣ не имѣютъ. Увѣряютъ, что онѣ

длиннымъ своимъ хвостомъ ловятъ рыбу; и сіе мнѣ кажется вѣроятно, говоритъ Г. Бюфонъ; ибо мы видѣли, какъ одна изъ такихъ обезьянъ поймала и притащила къ себѣ хвостомъ бѣлку, которая находилася съ нею въ горницѣ.

Въ островѣ Горгоніи, говоритъ Дампіерръ, на Перуанскомъ берегу, я видѣлъ, какъ обезьяны, во время морскаго отлива, доставали устрицъ. Онѣ открывали ихъ слѣдующимъ образомъ: взявъ одну устрицу, клали онѣ ее на камень, и другимъ камнемъ колотили по ней до тѣхъ поръ, пока разбили раковину, и по томъ глотали мясо въ оной находящееся.

Горы Сіерра Леонскія въ Африкѣ, наполнены нѣкоторымъ родомъ обезьянъ, о коихъ Барботъ разсказываетъ удивительную черту благоразумія и искусства. Сіи обезьяны, называемыя въ тѣхъ странахъ Борригами, смертельно любятъ устрицъ. Для удовлетворенія сего хотѣнія, во время отливовъ, приближаются онѣ къ берегу, и увидя устрицъ, открывшихъ несколько свои раковины при теплотѣ солнечной, вкладываютъ онѣ небольшой камень въ сію щель,

которой имъ препятствуетъ сжаться, и такимъ образомъ удобно проглатываютъ устрицу. Случается иногда, что камень выпадетъ и черепица сжимается; но сіе бываетъ весьма рѣдко: по тому, что обезъяны весьма искусно вкладываютъ сей камешокъ такъ, чтобъ онъ не могъ выпасть отъ перваго покушенія устрицы, для избѣжанія отъ алчности ея непріятеля.

Обезъяны Филиппинскихъ острововъ ловятъ раковъ съ такимъ же проворствомъ ущемивъ конецъ своего хвоста въ клещню сего животнаго; дабы вдругъ его вытащить, когда онъ сожметъ оной.

ЗАБАВНАЯ ПОВѢСТЬ О КОРШУНѢ И ОБЕЗЪЯНѢ.

Коршунъ есть столь дерзкая птица, что въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ то, въ Египтѣ, влѣтаетъ онъ иногда въ окны; а на золотомъ берегу въ Африкѣ, средь дня, похищаетъ на рынкахъ рыбу и прочіе съѣстные припасы, даже изъ рукъ Негровъ. Одна изъ сихъ птицъ, примѣтя въ окошко кусокъ свѣжаго

мяса, которое положили въ котелъ, влетѣла въ горницу и унесла оное. Въ сей горницѣ находилася обезъяна, которая увидѣла вора не прежде, какъ, когда уже онъ возвращался съ своею добычею. Страхъ, чтобъ не приписали сіе жадности ея, или нераденію, заставилъ ея выдумать весьма удивительное, для избѣжанія наказанія, средство. Не сомнѣваяся, чтобъ коршунъ вскорѣ опять не возвратился, влезла она искусно въ котелъ, выставя задницу, и такимъ образомъ расположилася, чтобъ ей можно было способно обернуться и поймать птицу, которая не преминетъ почесть ея голыя ляшки за кусокъ мяса. Сіе случилось дѣйствительно такъ, какъ обезъяна предвидѣла: коршунъ прилетѣлъ и былъ пойманъ. Между тѣмъ, какъ все сіе произходило, пришелъ хозяинъ дому, и не нашедъ мяса, началъ было грозить побоями своей обезъянѣ; но она, указывая на коршуна, дала ему разумѣть многими смѣшными знаками, и влезши въ котелъ, какимъ образомъ она поймала вора.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТІЕ.

Повѣствуютъ, что одна сова основала свое жилище въ дуплѣ гнилаго дерева; сіе дерево было срублено, или само, подгнивши, упало. Въ немъ найдено совиное гнѣздо, въ коемъ нашли довольное количество хлѣбныхъ зеренъ, которыя ночная птица собрала, и что въ семъ хлѣбѣ находилися многія мыши еще живыя. Но вотъ что въ семъ удивительно, что у всѣхъ сихъ мышей ноги были отъѣдены, и чрезъ то онѣ были приведены въ несостояніе уйти. Оставляется читателю разсуждать о причинѣ побудившей сову изуродовать такимъ образомъ мышей, почитая оное необходимо нужнымъ.

ЧЕРТЫ ПРЕДЧУВСТВІЯ И ПРЕДВИДѢНІЯ ЖИВОТНЫХЪ.

Крысы, говоритъ Еліянъ, превосходятъ въ предвидѣніи будущаго всѣхъ прочихъ животныхъ. Когда домъ становится ветхимъ и угрожаетъ паденіемъ; то онѣ первыя то усмотрятъ. Оставя свои норы, онѣ съ великою

поспѣшностію уходятъ изъ дому, и въ другомъ мѣстѣ ищутъ себѣ жилища.

Сей же авторъ приписываетъ подобное сему предчувствіе муравьямъ. Естьли угрожаетъ голодъ; то они усугубляютъ свои труды и проворство, чтобъ запастися хлѣбными зернами и другими съѣстными припасами, коими они питаются.

Тотъ же Еліянъ повѣствуетъ намъ слѣдующее: Гелонъ, Царь Сиракузской, видя во снѣ, что онъ пораженъ громомъ, испускалъ пронзительный крикъ отъ сего страшнаго сновидѣнія. Собака, спавшая съ нимъ, какъ будьто угадавъ смятеніе своего господина, начала изо всей силы лаять, дабы пробудить его отъ столь страшнаго сна. Она въ томъ успѣла, и Гелонъ, проснувшись, узналъ, что страхъ его былъ мнимый.

Еліянъ же расказываетъ, что лисица показываетъ Ѳракійскимъ жителямъ, когда они могутъ безъ опасности ходить по льду: ибо, какъ скоро они увидятъ слѣды сего звѣря на снѣгу,

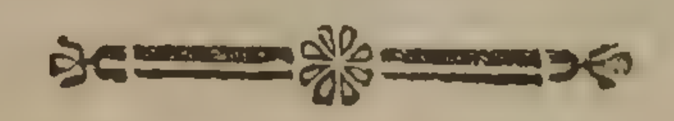
покрывающемъ рѣку; то безъ всякаго страха пускаются итти чрезъ оную. Вотъ какое средство употребляетъ лисица, чтобъ узнать, крѣпокъ ли ледъ. Она прикладываетъ ко льду ухо, и когда не услышитъ подъ онымъ ни какого шума; то заключаетъ по тому, что ледъ толстъ, и слѣдовательно крѣпокъ, и тогда она смѣло идетъ по оному.

О ПРИЧИНѢ, ДЛЯ ЧЕГО КУКУШКА КЛАДЕТЪ СВОИ ЯИЦА ВЪ ЧУЖІЯ ГНѢЗДА.

Сіе не отъ холодности къ своимъ дѣтямъ, какъ то прежде думали, но отъ необходимости, что кукушка кладетъ свои яица въ гнѣздо какой нибудь маленькой птички, какъ жаворонка, зяблицы, овсянки и проч. Строеніе ея желудка, дѣлаетъ ее неспособною къ высиживанію. Во всѣхъ другихъ птицахъ желудокъ, почти, присоединенъ къ спинѣ, и совершенно закрытъ внутренностію которая лежа на яицахъ, и мягкостію своею не можетъ причинить ни малѣйшаго имъ вреда, сообщая имъ нужное давленіе; но въ кукушкѣ, на-

противъ того, желудокъ находится въ нижней части чрева, и покрываетъ собою внутренность, что и учиняетъ сію часть тяжелою, твердою и безъ всякой упругости. Зная свою неспособность къ высиживанію, кукушка ищетъ чужое гнѣздо, и естьли найдетъ въ ономъ яица, то раздвигаетъ ихъ, и кладетъ свое яицо въ средину, и такъ оставляетъ оное. Тогда та птица, которой принадлежитъ гнѣздо, высиживаетъ кукушкино яицо, кормитъ цыпленка, когда онъ вылупится, и печется о немъ до того время, какъ онъ оперится и будетъ въ состояніи находить самъ себѣ пищу.

Продолженіе будетъ впредь.

БАРАНЪ,
ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА.

Въ то щастливое время, когда были волшебницы, жилъ былъ Царь, которой имѣлъ трехъ дочерей: онѣ были пригожи и молоды; но меньшая превосходила ихъ красотою, и была у Царя любимая; ее называли *Прекрасою*. Царь, отецъ ея, давалъ ей въ одинъ мѣсяцъ больше платья и лентъ, нежели другимъ въ цѣлой годъ, и у нее столь было доброе малинькое сердчишко, что она все дѣлила съ своими сестрами. Такимъ образомъ онѣ жили душа въ душу.

У Царя были весьма злые сосѣди, которые, уставъ его видѣть въ мирѣ и въ тишинѣ, объявили ему столь сильную войну, что онъ боялся быть разбитымъ въ прахъ, естьли не станетъ отъ нихъ защищаться. Онъ собралъ многочисленную Армію, и пошелъ въ походъ. Три Принцессы, его дочери, осталися съ надзирательницею своею въ одномъ замкѣ, гдѣ онѣ ежедневно получали хорошія вѣсти о Царѣ: то сказывали имъ, что онъ взялъ какой ни-

будь городъ, то одержалъ знатную побѣду; на конецъ такъ храбро онъ поступилъ, что побѣдилъ своихъ непрiятелей, и выгналъ ихъ изъ своихъ земель; по томъ, какъ можно поскорѣе, возвратился въ свой Дворецъ, чтобъ посмотрѣть свою маленькую Прекрасушку, въ которой онъ души не зналъ. Царевны сшили себѣ каждая по атласному платью: большая зеленое, средняя голубое, а меньшая бѣлое; каменья, коими онѣ себя украсили, были такихъ же цвѣтовъ: на голубой были бирюзы, на зеленой изумруды, а на бѣлой алмазы. Нарядяся такимъ образомъ, пошли онѣ на встрѣчу Царю, и пѣли ему стихи, сочиненные ими на его побѣды.

Царь, увидя ихъ столь пригожихъ и веселыхъ, съ нѣжностiю обнялъ ихъ а Прекрасу ласкалъ, однако же, больше прочихъ.

Послѣ сего подали великолѣпный обѣдъ; Царь сѣлъ за столъ съ тремя дочерьми своими; а какъ онъ охотникъ былъ выводить изъ всего слѣдствiя; то спросилъ у большой дочери: скажи мнѣ, для чего ты сшила себѣ зеленое платье? Милостивый Государь! отвѣ-

чала сна; услышавъ о вашихъ храбрыхъ подвигахъ, я думала, что зеленой цвѣтъ будетъ означать мою радость и надѣжду видѣть вскорѣ ваше возвращеніе. — Ето очень хорошо сказано, вскричалъ Царь. Ну, а ты дочь моя, продолжалъ онъ, на что надѣла голубое платье? — Милостивый Государь! сказала Царевна; ето для того, чтобъ тѣмъ означить, что мнѣ надлежало безпрестанно молить за васъ боговъ, и что я, видя васъ, мыслю видѣть небеса съ прекраснѣйшими звѣздами. — Такъ, сказалъ Царь, ты говоришь, какъ Цицеронъ. А ты, Прекраса, для чего нарядилася въ бѣлой цвѣтъ? — Милостивый Государь! для того, что етотъ цвѣтъ болѣе другихъ мнѣ къ лицу. — Какъ, сказалъ Царь, осердяся; негодяйка, ты другихъ мыслей не имѣла? — Мои мысли были тѣ, чтобъ вамъ нравиться, отвѣчала Принцеса; и мнѣ кажется, что я другихъ и имѣть не должна. — Царь, любя ее чрезмѣрно, былъ доволенъ симъ отвѣтомъ, и сказалъ, что ему ето очень нравится, и что она поступила очень замысловато, не открывъ вдругъ своей мысли. Ну, сказалъ Царь; я теперь плотно поужиналъ, и не хочу скоро ложиться спать,

чтобъ не испортить желудка; разскажите же вы мнѣ теперь сны, которые вы наканунѣ моего возвращенія видѣли.

Большая сказала, что ей снилося, будьто онъ ей привезъ платье, покрытое золотомъ и драгоцѣнными каменьями, которые затмѣвали блескъ солнечныхъ лучей. Вторая, что она видѣла, будьто онъ ей привезъ платье и прялку, чтобъ прясть нитки ему на чулки и на сорочки. Меньшая сказала, что ей приснилося, будьто онъ выдаетъ за мужь середнюю ея сестру, и что въ день свадьбы онъ держалъ золотой рукомойникъ, и говорилъ ей: поди сюды Прекраса, поди сюды; я подамъ тебѣ умыться.

Царь, раздраженный симъ сновидѣніемъ, насупилъ брови, и столь странно и смѣшно сморщился, что всякой узналъ, что онъ осердился. Онъ пошелъ въ свою спальню и бросился не раздѣвшись въ постѣлю; гдѣ сонъ его дочери безпрестанно приходилъ ему на мысль. Ета маленькая сквернавка, говорилъ онъ, хочетъ, чтобъ я былъ ее слугою! Теперь не удивляюсь я, что она сдѣлала себѣ бѣлое платье, не помышляя

обо мнѣ; она меня почитаетъ недостойнымъ занимать ея мысли; но я хочу предъупредить ея злой умыселъ, пока она не произвела его въ дѣйство.

Сказавъ сіе, вскочилъ онъ съ бѣшенствомъ; и хотя еще не разсвѣтало; однако онъ послалъ за своимъ Гвардіи Капитаномъ, и сказалъ ему: ты слышалъ сонъ Прекрасы: онъ значитъ для меня много худаго. Я хочу, чтобъ ты взялъ ее сей же часъ, отвелъ бы въ лѣсъ, и тамъ умертвилъ. По томъ принеси мнѣ ее сердце и языкъ; ты знаешь, что я не люблю шутить; смотри же не обмани меня, естьли не хочешь сидѣть на колу! Капитанъ весьма удивился, услыша столь варварское опредѣленіе. Онъ не разсудилъ за благо противорѣчить Царю, боясь его еще болѣе прогнѣвать, и чтобъ онъ не препоручилъ сего кому другому. И такъ онъ низко поклоняся, сказалъ съ подобострастіемъ, что немедлѣнно отведетъ въ лѣсъ Царевну, и умертвивъ ее, принесетъ къ нему сердце ея и языкъ.

Онъ пошелъ тотчасъ въ ея комнату, и насилу у дверей достучался, по тому, что еще было рано. Разбудивъ

Прекрасу, сказалъ онъ ей, что Царь ее спрашиваетъ. Она съ поспѣшностію встала. Малинькая Арапка, называемая Патилата, понесла за нею хвостъ платья ея; мартышка ея и постельная собачка за нею же побѣжали. Мартышкино имя я позабылъ, а собачку называли Теньтень.

Гвардіи Капитанъ принудилъ Прекрасу сойти въ низъ, сказавъ ей, что Царь былъ въ саду; и такъ она туды сошла. Онъ притворился, будьто его ищетъ, но ненашедъ его, сказалъ: конечно Царь прошелъ въ лѣсъ. Потомъ отперъ садовую калитку, и повелъ Царевну въ лѣсъ. День начиналъ уже показываться; Прекраса, взглянувъ на своего проводника, увидѣла, что у него слезы на глазахъ, и что онъ былъ такъ печаленъ, что не могъ говорить. Что вамъ сдѣлалося, спросила она у него съ плѣняющимъ видомъ; вы мнѣ кажетесь въ великой горести? Ахъ, Государыня! На моемъ мѣстѣ всякой былъ бы таковъ, получа жесточайшее въ свѣтѣ повеленіе. Царь мнѣ приказалъ васъ здѣсь умертвить, и принести къ нему языкъ вашъ и сердце; естьли я

того не сдѣлаю; то, съ позволенія сказать, буду посаженъ на колъ. Бѣдная Царевна испугалася до смерти, вся поблѣднела, и начала по немножку плакать, какъ маленькой ягненочекъ, котораго хотятъ колоть. Она устремила прекрасные глаза свои на Капитана, и смотря на него безъ гнѣва; сказала ему: не уже ли у тебя поднимутся на меня руки, на меня, которая тебѣ ни когда не дѣлала зла, и кромѣ добра, ни чего Царю о тебѣ не говорила? Ахъ! Естьли бы я заслужила батюшкину ненависть; то бы снесла дѣйствія оной безъ роптанія. Но, увы! Я всегда такое почтеніе и привязанность къ нему оказывала, что онъ безъ несправедливости не можетъ на меня жаловаться. Не бойтеся ни чего, прекрасная Царевна, сказалъ Капитанъ; не думайте, чтобъ я удобенъ былъ исполнить столь звѣрское повеленіе: скорѣе рѣшуся я претерпѣть ту непристойную казнь, которою онъ мнѣ угрожаетъ; но естьли бы я и умертвилъ себя; то сіе не спасло бы вашей жизни; а надлежитъ сыскать средство, чтобъ я, возвратяся къ Царю, могъ его увѣрить, что васъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ.

Какой же способЪ мы найдемЪ, сказала Прекраса, когда онЪ потребуетЪ, что бы ты принесЪ ему мое сердце и языкЪ, а безЪ етого онЪ тебѣ не повѣритЪ? Патипата, которая все сїе слышала, и которую Царевна и КапитанЪ даже и не примѣтили, столь были они печальны, подошла сЪ великою твердостїю, и бросяся кЪ ногамЪ Царевны, сказала: я пришла, сударыня, жертвовать вамЪ моею жизнїю; надлежитЪ меня умертвить; я почту себя весьма счастливою, умирая за столь милостивую госпожу. АхЪ! Что ты говоришь, любезная Патипата, сказала Прекраса, поцѣловавЪ ее? Послѣ столь нѣжнаго опыта твоей ко мнѣ любви, жизнь твоя должна для меня быть столь же драгоцѣнна, какЪ и моя собственная. Мартышка предстала, и говорила: ваша правда, Царевна; вы хорошо поступаете, что любите столь вѣрную рабу, какова Патипата; она можетЪ вамЪ принести болѣе пользы, нежели я: и такЪ я предлагаю вамЪ мое сердце и языкЪ сЪ радостїю, желая прїобрѣсти безсмертїе вЪ исторїи мартышекЪ. АхЪ, моя малинькая мартышка, отвѣчала Прекраса! я не могу и подумать, чтобЪ лишить тебя жизни.

Я не могу такъ же снести, вскричалъ Теньтень, чтобъ будучи столь доброю собакою, каковъ я, стерпѣлъ бы, чтобъ кто другой, кромѣ меня, отдалъ жизнь свою за мою госпожу. Нѣтъ! Должно умереть мнѣ, и я не потерплю, чтобъ кто иной умеръ. За сїе поднялся великой споръ у Палипаты съ мартышкою и съ Теньтенемъ; на конецъ чуть было не дошло до драки; но мартышка будучи проворнѣе другихъ, взлѣзла на дерево, и оттолѣ бросившися въ низъ, убилася до смерти; и сколько Царевна о ней ни соболѣзновала; однако же, видя ея мертвою, согласилася, чтобъ Капитанъ, взявъ ее сердце и языкъ, отнесъ оныя къ Царю. Но языкъ ее столь былъ малъ, (ибо она и вся была не больше, какъ съ кулакъ,) что они съ великою горестїю разсудили, что Царь не повѣритъ, чтобъ то былъ языкъ Царевнинъ.

Увы, моя любезная мартышка! Ты умерла, сказала Царевна; но смерть твоя не спасетъ моей жизни. Ета честь предоставлена мнѣ, прервала Арапка. Въ ту самую минуту, взявши ножь, которымъ отрѣзывали языкъ у мартышки, вонзила его себѣ въ горло.

Капитанъ хотѣлъ было нести ея языкъ; но онъ былъ такъ черенъ, такъ черенъ, что неможно было ласкаться надеждою обмануть онымъ Царя. Не весьма ли я злополучна, сказала Царевна плачучи; я теряю все, что люблю, а участь моя не перемѣняется. Естьли бы вы хотѣли, сказалъ Теньтень, принять мое предложенiе; то бы я имѣлъ ту выгоду, что бы вы только теперь о мнѣ одномъ сожалели.

Прекраса поцѣловала свою собачку, проливая источникъ слезъ: она удалилася съ поспѣшностiю, такъ, что оглянувшися на задъ, не видала уже болѣе своего проводника; но очутилася по среди своей Арапки, мартышки и собачки. Она не сошла прежде съ того мѣста, пока не увидѣла по счастiю подъ однимъ деревомъ яму, и не закопала ихъ въ оную, написавъ на томъ деревѣ стихи, въ которыхъ выхваляла она ихъ къ ней привязанность и безпримѣрную любовь и вѣрность.

На конецъ начала она помышлять о своей безопасности; и какъ ей не льзя было болѣе оставаться въ семъ лѣсу, которой былъ столь близокъ отъ

дворца ея родителя, что первый прохожій могъ бы ея узнать, или еще и того страшнѣе было, что львы и волки могли на нея напасть и съѣсть, какъ цыпленка; и такъ она пошла съ поспѣшностію оттуда; но лѣсъ былъ столь великъ, а зной солнечной такъ чрезмѣренъ, что она умирала отъ жару, отъ страха и отъ усталости. Она смотрѣла на всѣ стороны, не видя конца лѣсу. Все приводило ея въ ужасъ; она безпрестанно думала, что Царь гонится за нею, чтобъ ее умертвить. словомъ, не возможно описать ея состоянія.

Она шла куды глаза гледятъ; объ кустарникъ изодрала она свое цвѣтное платье, и изцарапала бѣлое свое тѣло. На конецъ услышала она блѣющаго барана: конечно, сказала она, здѣсь есть пастухи со своими стадами; они проводятъ меня въ какую нибудь деревеньку, гдѣ я скроюся въ крестьянскомъ платьѣ. Увы! продолжала она, не всегда Государи и Вельможи бываютъ счастливѣйшими людьми. Кто бы повѣрилъ во всемъ етомъ Государствѣ, что я бѣглянка, что отецъ мой безъ всякой причины желаетъ моей смерти, и

что для избѣжанія оной, должно мнѣ принять чужой видъ.

Размышляя такимъ образомъ, приближилася она къ тому мѣсту, гдѣ слышала блѣяніе; но сколь было велико ея удивленіе, какъ пришедъ въ довольно пространную долину, увидѣла большаго, какъ снѣгъ бѣлаго барана съ золотыми рогами; на шеѣ была у него гирланда изъ цвѣтовъ, а ноги были обвиты бурмицкимъ жемчугомъ непомѣрной величины; на немъ было сверьхъ того нѣсколько бриліянтовыхъ цѣпей; онъ лежалъ на померанцовыхъ цвѣтахъ подъ парчевымъ балдахиномъ, повѣшенномъ на воздухѣ, и которой защищалъ его отъ солнечнаго зноя; около сотни разряженныхъ барановъ находилися во кругъ его; но они не щипали траву, какъ простые бараны, а одни изъ нихъ пили кофе, сорбетъ, лимонадъ, ѣли мороженое, другіе ѣли землянику, сливки и варенье; одни играли въ пикетъ, другіе въ ломберъ и въ вискъ; на многихъ были золотыя ожерелья съ любовными надписями; они имѣли богатыя серьги и были украшены цвѣтами. Прекраса столько удивилася, что, почти, остолбенѣла. Она искала глазами пастуха,

столь пригожаго стада, какъ вдругъ самый статнѣйшій изъ барановъ, подбѣжалъ къ ней, прыгая и выкидывая ногами. Подойдите сюды, божественная Царевна, сказалъ онъ ей; не бойтесь животныхъ столь кроткихъ и миролюбивыхъ, каковы мы. — Какое чудо! Бараны говорятъ! — Ахъ, сударыня, возразилъ онъ! Когда ваша мартышка и собака говорили столь исправно; то чему же вы теперь дивитесь? — Одна волшебница, отвѣчала Прекраса, одарила ихъ способностію говорить. — Можетъ быть и съ нами случилося подобное тому, отвѣчалъ баранъ, улыбаясь по бараньи. Но скажите мнѣ Царевна, что причиною вашему сюды приходу? — Множество несчастій, господинъ баранъ, сказала она; я злополучнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ; я ищу убѣжища отъ гнѣва моего отца. Подите, сударыня, отвѣчалъ баранъ, подите со мною: я вамъ предлагаю убѣжище, котораго, кромѣ васъ, ни кто знать не будетъ, и вы будете воономъ полною повелительницею. — Мнѣ не возможно за вами слѣдовать, сказала Прекраса: я такъ устала, что не могу сойти съ мѣста.

Златорогій баранъ приказалъ подать свою колесницу. Минуту спустя,

увидѣли шесть козъ, запряженныхъ въ тыкву столь чрезмѣрной величины, что двое могли въ оной весьма спокойно усѣсться. Тыква была суха, и въ ней находилося множество пуховыхъ и бархатныхъ подушекъ. Царевна сѣла въ оную, удивясь столь новому екипажу. Баранъ вошелъ съ нею въ тыкву, и козы побѣжали изъ всей силы до нѣкоторой пещеры, коей отверстiе было завалено преогромнымъ камнемъ.

Златорогой баранъ дотронулся до него ногою, и онъ въ тотчасъ упалъ; тогда просилъ онъ Царевну войти туда безъ всякаго страха; но она, почитая сiю пещеру ужасною, колебалася; однако же состоянiе ея было столь опасно, что она бы согласилася и въ колодезь броситься.

И такъ она послѣдовала въ пещеру за бараномъ, которой пошелъ напередъ: онъ велъ ее столь долго, столь долго, что она думала притти на конецъ въ Антиподы, и боялася иногда даже и того, чтобъ онъ не отвелъ ее на тотъ свѣтъ. На конецъ она увидѣла пространный лугъ, испещренный без-

численнымъ множествомъ цвѣтовъ, коихъ пріятный запахъ превосходилъ всѣ помады и духи, которыя у нея въ старину бывали; широкая рѣка, состоящая изъ воды помѣранцовыхъ цвѣтовъ, обтекала сей лугъ кругомъ: источники изъ Шампанскаго и Венгерскаго вина, Французской водки, и множества другихъ напитковъ, составляли каскады и малинькіе ручейки, на которые любо было смотрѣть. Сіе поле покрыто было удивительными деревьями; тамъ находилися цѣлыя аллеи изъ куропатокъ и рябчиковъ, лучшимъ образомъ изжаренныхъ и нашпигованныхъ, которыя висѣли на сучьяхъ; другія аллеи составлены были изъ перепелокъ, кроликовъ, Индѣйскихъ куръ, цыплятъ и фазановъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ воздухъ казался теменъ, вмѣсто дождя падали раковыя похлебки, Уральская зернистая икра, разварныя стерляди, печерскія пироги, колбасы, сосиски, яишницы, почки, ватрушки, и всякіе сухіе конфекты, такъ же имперіялы, червонцы, жемчугъ и бриліянты. Рѣдкость такова дождя, и польза, отъ онаго произходящая, привлекли бы туды всю честную компанію; естьли бы златорогой баранъ былъ повеселѣе и

обходительнѣе; но всѣ историки единогласно утверждаютъ, что онъ былъ важнѣе Римскаго Сенатора.

Какъ тогда было самое прiятнѣйшее время въ году; то Прекраса не видала тамъ ни какихъ чертоговъ и зданiй, кромѣ множества померанцовыхъ деревьевъ, ясминныхъ кустовъ, розовыхъ и прочихъ, коихъ переплетенныя вѣтьви составляли кабинетцы, заллы, галлереи, убранныя золотомъ и серебренымъ флюромъ, съ большими зеркалами, съ люстрами и съ картинами удивительной работы.

Начальствующiй баранъ сказалъ Царевнѣ, что она повелительница сихъ мѣстъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ много причинъ печалиться и проливать слезы; но что отъ нея зависитъ прекратить его нещастiя. Ваше хорошее обхожденiе со мною, прелестный баранъ, сказала она ему, столь много имѣетъ въ себѣ привлекательнаго, и все видимое мною здѣсь столь чрезвычайно, что я не знаю, что о томъ и думать.

Едва окончила она сiи слова, какъ увидѣла предъ собою толпу Нимфъ

удивительной красоты. Они поднесли ей плоды въ янтарныхъ корзинкахъ; но какъ она хотѣла къ нимъ приближиться; то онѣ нечувствительно удалилися; она простерла руку, чтобъ до нихъ дотронуться; но ни чего не ощутила, и увидѣла, что то были привидѣнія. Ахъ! Что ето такое? вскричала она. Съ кѣмъ я нахожуся? — Послѣ сего начала она плакать; а Царь баранъ, (ибо его такъ всѣ называли,) которой на нѣсколько минутъ ее оставилъ, возвратяся къ ней, и видя текущія по прекрасному ея лицу слезы, столь много тѣмъ огорчился, что чуть было у ногъ ее не умеръ.

Что вамъ сдѣлалося, прекрасная Царевна, сказалъ онъ ей? Не выступилъ ли кто здѣсь изъ должнаго къ вамъ почтенія? Нѣтъ, отвѣчала она; я ни на кого не жалуюсь; только признаюсь вамъ, что я не привыкла жить съ мертвыми и съ говорящими баранами. Меня здѣсь все пугаетъ; и сколь много я вамъ ни одолжена за то, что вы меня сюда привели, но еще вамъ благодарнѣе буду, естьли вы меня выведите на свѣтъ.

Не бойтеся, отвѣчалъ баранъ; удостойте только меня выслушать, и вы узнаете мою плачевную участь.

Я рожденъ на престолѣ. Предки мои были всѣ Царями; и я самъ владѣлъ прекраснѣйшимъ Государствомъ въ свѣтѣ; подданные меня любили, а сосѣди боялися, завидовали, и съ нѣкоторою справедливостiю почитали. Всѣ говорили, что ни одинъ Царь не былъ столько достоинъ царствовать, какъ я: къ тому же собою былъ я не дуренъ. — Будучи великой охотникъ до звѣриной ловли, и въ одинъ день погнавшися за оленемъ, отдалился я отъ своей свиты, какъ вдругъ олень бросился въ находящееся тутъ озеро; я погналъ за нимъ мою лошадь съ великою неосторожностiю: но въѣхавъ въ озеро, почувствовалъ я вмѣсто водяной свѣжести чрезвычайной жаръ: озеро высохло, и я провалился въ одно отверстiе, изъ коего выходило пламя.

Я почиталъ себя погибшимъ, какъ услышалъ голосъ, произносящiй сiи слова: сего огня мало еще, неблагодарный, для воспаленiя твоего сердца. — Кто здѣсь жалуется на мою холод-

ность, вскричалъ я? — Нещастная женщина, безъ надѣжды тебя обожающая, отвѣчалъ голосъ. Въ сіе самое время огонь погасъ, и я увидѣлъ волшебницу, которую я зналъ съ младенчества, и которой я всегда боялся, по причинѣ ея отвратительнаго вида и великой старости. Она опиралася на одну молодую невольницу неописанной красоты: на ней были золотыя цѣпи, показующія ея состояніе. Какія здѣсь дѣлаются чудеса, Призема, спросилъ я у нея? (ето было ея имя.) Не по твоему ли ето приказанію? — По чьему же, отвѣчала она? Развѣ ты до сихъ поръ не зналъ моей склонности? И хочешь, чтобъ я сама со стыдомъ въ оной призналася? Глаза мои, бросавшіе прежде столь вѣрные удары, не уже ли потеряли всю свою силу? Подумай, сколько я унижаюся, дѣлая тебѣ признаніе въ моей слабости; ибо, хотя ты и сильный Государь, но предъ волшебницею, какова я, ты меньше и слабѣе *Божьей коровки.*

Я предъ тобою все, что тебѣ угодно, сказалъ я ей съ сердцемъ: но чево ты отъ меня желаешь? Короны ли моей, городовъ, сокровищь? — Ахъ, нещастной, отвѣчала она съ негодова-

ніемъ! Когда я захочу; то мои повара будутъ знатнѣе и сильнѣе тебя. Я хочу твоего сердца; глаза мои изъясняли тебѣ то тысячу разъ; ты ихъ не разумѣлъ, или, лучше сказать, ты не хотѣлъ ихъ разумѣть. Естьли бы ты былъ занятъ иною, продолжала она; я бы оставила тебя дѣлать успѣхи въ твоей любви: но я вижу равнодушіе, царствующее въ твоемъ сердцѣ. Полюби же меня, промолвила она, сжимая ротъ, чтобъ показаться пріятнѣе, и поворачивая страшно глазами: я буду твоею маленькою Приземушкою; я присоединю двапцать пять Королевствъ къ твоему Государству; дамъ тебѣ сто башенъ съ *Ивана Великаго* золота, пять сотъ такихъ же серебра: однимъ словомъ, дамъ тебѣ все то, чего ты пожелаешь.

Госпожа Призема, сказалъ я ей! Неприлично мнѣ объявлять любовь мою особѣ вашего достоинства въ сей пакостной щели, гдѣ я чуть было не изжарился; и такъ я покорно васъ прошу, имянемъ тѣхъ прелѣстей, кои учиняютъ васъ столь любви достойною, возвратить мнѣ свободу; а тамъ мы надосугѣ посмотримъ, что я могу

сдѣлать въ ваше удовольствіе. — Ахъ! Измѣнникъ, вскричала она! Естьли бы ты меня любилъ; то не искалъ бы дороги къ твоему Государству: но въ пещерѣ, въ волчьей ямѣ, въ лѣсахъ, въ пустыняхъ, былъ бы ты доволенъ. Не думай ты обмануть стараго воробья на мякинѣ; я вижу, что ты хочешь уйти; но нѣтъ, дружокъ: я тебѣ сказываю, что ты останешся здѣсь, и начнешь тѣмъ, что будешь пасти моихъ барановъ, которые очень умны, и говорятъ, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и ты.

Тогда пошла она къ полю, гдѣ мы теперь находимся, и показала мнѣ свое стадо. Я мало на оное смотрѣлъ; прекрасная та невольница, которая съ нею была, показалася мнѣ несравненною красавицею, и глаза мои мнѣ измѣнили. Жестокая Призема, примѣтя то, бросилася на нее, и воткнула ей въ глазъ булавку, столь глубоко, что сія обожанія достойная дѣвушка, въ ту же минуту испустила духъ. При семъ плачевномъ позорищѣ, кинулся я на Призему, и выхватя мою шпагу, принесъ бы ее на жертву столь любезной тѣни, естьли бы она, посредствомъ своего

могущества, не учинила меня неподвижнымъ. Усилія мои были безплодны; я упалъ на землю, и искалъ способовъ умертвить себя, дабы избавиться отъ столь горестнаго состоянія, какъ она сказала мнѣ съ язвительною улыбкою: я хочу, чтобъ ты позналъ мою власть; теперь ты левъ, а скоро будешь баранъ.

Немедлѣнно дотронулася она до меня своею палочкою, и я увидѣлъ себя превращеннымъ такъ, какъ вы меня видите. Я не лишился употребленія языка, и чувствія горести. Ты будешь пять лѣтъ бараномъ, сказала она, и обладателемъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ; между тѣмъ, какъ я далеко отъ тебя, и не видя твоей прекрасной хари, буду заниматься ненавистію моею къ тебѣ.

Она изчезла. И естьли бы что либо могло умягчить мою участь; то сіе было, безъ сомнѣнія, ея отсутствіе. Говорящіе бараны, здѣсь находящіеся признали меня за своего Царя; они мнѣ разсказали, что они всѣ были люди, прогнѣвавшіе различнымъ образомъ сію мстительную волшебницу, и что она изъ нихъ составила цѣлое

стадо; что время ихъ наказанія не для всѣхъ положено одинаково. И дѣйствительно, примолвилъ онъ, время отъ времени нѣкоторые изъ нихъ становятся тѣмъ, что они были прежде, и оставляютъ стадо. Что до другихъ касается; то ето, или сопериицы, или непріятельницы Приземы, коихъ она убила на сто лѣтъ или меньше, и которыя по прошествіи того времени, возвратятся въ свѣтъ. Молодая невольница, о которой я вамъ говорилъ, находится въ етомъ же числѣ; я много разъ видалъ ее здѣсь съ удовольствіемъ, хотя она со мною и не говоритъ, и что я приближаяся къ ней всякой разъ досадую, что она только одна тѣнь; но примѣтя, что одинъ изъ моихъ барановъ не отходилъ почти отъ сего маленькаго привидѣнія, узналъ я, что онъ былъ ея любовникъ, и что Призема изъ зависти лишила ее онаго.

Сія причина отдалила меня отъ тѣни сей невольницы, и уже три года, не чувствовалъ я ни къ кому склонности, кромѣ какъ къ моей свободѣ.

Сіе-то меня побуждаетъ ходить иногда въ лѣсъ. Я васъ видалъ тамъ,

прекрасная Царевна, иногда на колесницѣ, которую вы сами управляли съ большимъ искусствомъ, нежели когда либо Фебъ управлялъ своею; иногда верьхомъ на такой лошади, которая, казалося, кромѣ васъ ни кѣмъ не могла быть обуздана; иногда видѣлъ я васъ съ Нимфами вашего Двора, бѣгающую съ невѣроятною легкостїю по полю, и вы, подобно второй Аталантѣ, всѣхъ перестигали. Ахъ, Царевна! Естьли бы во всѣ сїи времена, какъ сердце мое чувствовало къ вамъ неизъяснимую склонность, естьли бы въ сїи времена смѣлъ я съ вами говорить; то сколько бы я вамъ насказалъ? Но какимъ бы образомъ приняли вы объявленїе отъ нещастнаго барана, каковъ я есмь!

Прекраса приведена была въ такое смятенїе всѣмъ слышаннымъ ею, что не знала почти, что отвѣтствовать; однако же наговорила ему множество учтивостей, кои подали ему нѣкоторую надѣжду, и сказала, что она уже меньше боится тѣней съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что онѣ нѣкогда оживутъ. Увы! Продолжала она; естьли бы моя бѣдная Патипата, моя любезная мартышка и прекрасный Теньтень,

могли такъ же ожить; то бы мнѣ было здѣсь не скучно.

Царь баранъ, не взирая на свое нещастіе, имѣлъ однако же удивительныя привиллегіи. Поди, сказалъ онъ своему Оберъ Шталмейстеру, которой былъ весьма пріятнаго лица баранъ, поди и приведи сюды Арапку, мартышку и собачку; я хочу, чтобъ тѣни ихъ увеселяли Царевну. Чрезъ минуту послѣ сего Прекраса ихъ увидѣла: и хотя онѣ къ ней не такъ близко подходили, чтобъ можно ей было до нихъ дотронуться; однако же присутствіе ихъ весьма ее утѣшало.

Царь баранъ имѣлъ весьма пріятной и любви достойной нравъ, и сверьхъ того былъ уменъ, какъ Волтеръ. Онъ былъ такъ влюбленъ во Прекрасу, что она начала его уважать, и по томъ любить. Хорошенькой барашикъ, смирненькой, тихонькой и ласковой, всегда нравится молодымъ дѣвушкамъ, а особливо, когда онѣ знаютъ, что онъ Царь, и что превращеніе его со временемъ окончится. Такимъ образомъ Царевна вела спокойную жизнь, ожидая счастливѣйшеи участи. Влюбленныи баранъ

занимался одною только ею; онъ давалъ ей праздники, консерты, комедіи, ѣзжалъ съ нею на охоту; стадо его помогало ему ее увеселять, и даже тѣни въ томъ участвовали.

Въ одинъ вечеръ, какъ прибыли его курьеры: ибо онъ любилъ новости, и зналъ всегда самыя лучшія; пришли ему сказать, что большая сестра Прекрасы готовилася итти за мужь за одного великаго Принца, и что ни что не могло сравниться съ великолѣпіемъ свадебныхъ приготовленій. Ахъ, вкричала молодая Царевна! Сколь я несчастлива, что не могу видѣть столь прекрасныхъ вещей: я нахожусь подъ землею съ баранами и съ Китайскими тѣнями между тѣмъ, какъ сестра моя наряжается, какъ Королева; всякой будетъ стараться ей нравиться; а я бѣдная одна не буду участвовать въ ея радости. О чемъ вы жалуетесь, сударыня, сказалъ ей бараній Царь? Развѣ я васъ не пускаю на свадьбу? Поѣзжайте, когда вамъ угодно; но дайте мнѣ честное слово возвратится; естьли же вы на то не согласитеся; то я умру у ногъ вашихъ: ибо привязанность, чувствуемая мною

къ вамъ, столь велика, что лишася васъ, лишуся я жизни.

Прекраса, приведенная въ жалость толикою нѣжностію, обѣщала барану, что ни что въ свѣтѣ не помѣшаетъ мнѣ возвратиться. И такъ онъ далъ ей екипажь, соотвѣтствующій ея достоинству: она нарядилася великолѣпно, и не забыла ни чего такого, что могло увеличить ея ослѣпительную красоту; сѣла въ перломутовую колесницу, запряженную шестью соловыми Иппогрифами, кои недавно приведены были изъ Антиподовъ. Баранъ далъ ей, для препровожденія, множество Офицеровъ, весьма богато одѣтыхъ, и чрезвычайно статныхъ, за которыми онъ посылалъ за тридевять земель въ тридесятое царство, чтобъ они конвоевали Царевну.

Она прибыла во Дворецъ Царя, своего родителя въ ту самую минуту, какъ совершалося брачное торжество: лишь только она вошла; то всѣхъ ослѣпила блескомъ красоты своей и драгоцѣнныхъ каменьевъ, коими была украшена; она ни чего вокругъ себя не слыхала, кромѣ восклицаній и похвалъ. Царь смотрѣлъ на нее съ такимъ

вниманіемъ и удовольствіемъ, что она боялася быть узнанною; но онъ такъ былъ увѣренъ въ ея смерти, что ему того и въ голову не пришло.

Однако же боязнь, чтобъ ея не задержали, воспрепятствовала ей дождаться окончанія торжества; она съ поспѣшностію вышла, и оставила небольшой коралловой сундучокъ, осыпанный изумрудами, на коемъ была выложена мѣлкими бриліянтами сія надпись: *каменья для молодой.* Его тотчасъ открыли, и чего тамъ не нашли? — Царь, которой надѣялся опять ея видѣть, и горѣлъ нетерпѣніемъ узнать, кто она такова, пришелъ въ отчаяніе, когда ему сказали, что она уѣхала: онъ далъ имянной указъ, что, ежели впредь она пріѣдетъ, то, чтобъ все двери и вороты заперли и отнюдь ея не выпускали.

Сколь ни коротко было отсутствіе Прекрасы; но барану показалося цѣлымъ вѣкомъ. Онъ дожидался ее на берегу одного источника, въ самомъ глухомъ мѣстѣ лѣса, гдѣ приказалъ разсыпать нещетныя сокровища, въ знакъ благодарности за ея возвращеніе, а самъ отъ скуки курилъ трубку. Лишь только

онъ ее увидѣлъ; то побѣжалъ къ ней, помѣкая, какъ настоящій баранъ; осыпалъ ее ласками, валялся у ней въ ногахъ, цѣловалъ ея руки, разсказывалъ ей свое нетерпѣніе ея видѣть; страсть его придавала ему Демосѳеново краснорѣчіе, и Царевна была имъ очень довольна.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ того, Царь выдалъ свою вторую дочь. Прекраса услышала о томъ, просила барана позволить ей посмотрѣть, какъ и въ первой разъ, столь пріятнаго ей праздника. При сей прозьбѣ онъ почувствовалъ столь сильную горесть, что не могъ оную скрыть; тайное предчувствіе возвѣщало ему нѣкое несчастіе: но какъ не всегда зависитъ отъ насъ избѣжать нашего рока, и какъ, сверьхъ того, снисхожденіе его на всѣ малѣйшія желанія Царевны было сильнѣе всѣхъ прочихъ его выгодъ; то онъ не имѣлъ силы ей въ томъ отказать. Вы хотите меня оставить, сударыня, сказалъ онъ ей; сіе несчастіе мое болѣе произходитъ отъ моей злой участи, нежели отъ васъ. Я соглашаюсь на ваше желаніе, и не могу ни когда сдѣлать вамъ вящшаго пожертвованія.

Она увѣряла его, что возвратится столь же скоро, какъ и въ первой разъ, и просила его не безпокоиться. Потомъ отправилася въ томъ же екипажѣ, и пріѣхала къ самому началу церемоніи: не смотря на вниманіе, съ которымъ зрители симъ занималися, не могли они, увидя ее, не вскрикнуть отъ радости и удивленія, и глаза всѣхъ Принцовъ обратилися на нея: они не могли насытиться симъ зрѣлищемъ, и находили ее столь пригожею, что едва не почли безсмертною.

Царь несказанно обрадовался, увидя ея; и приказалъ тотчасъ заперѣть крѣпко на крѣпко всѣ двери и вороты, чтобъ ей не льзя было уѣхать. Когда церемонія приходила къ окончанію; то Царевна встала, съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы скрытися въ толпѣ и уѣхать; но весьма удивилася и опечалилася, нашедъ двери запертыми.

Царь подошелъ къ ней съ великимъ почтеніемъ и подобострастіемъ, которое ея ободрило. Онъ просилъ ея униженно не лишить его и всѣхъ присутствующихъ удовольствія ея видѣть,

и чтобъ она сдѣлала ему честь, взяла участіе въ томъ пиршествѣ, которое онъ давалъ Принцамъ и Принцессамъ. По томъ повелъ онъ ее въ великолѣпную залу, гдѣ весь Дворъ находился, взялъ самъ золотую лахань и сосудъ съ водою, и просилъ ее, чтобъ она изволила умыть свои прекрасныя руки. Въ сію минуту она не могла болѣе притворяться, и удерживать своего стремленія; бросилася къ его ногамъ, и лобызая его колѣна, сказала: вотъ, батюшка, исполненіе моего сна! Вы мнѣ подали умыться въ день свадьбы моей сестры; но съ вами ни чего бѣдственнаго отъ сего не случилося.

Царь узналъ ея тѣмъ легче, что онъ находилъ уже въ ней много разъ совершенное сходство съ Прекрасою. Ахъ, моя любезная дочь, сказалъ онъ, лобызая ее и проливая цѣлую Волгу слезъ! Можешь ли ты предать забвенію мою лютость? Я хотѣлъ твоей смерти, заключивъ изъ твоего сна, что ты меня лишишь Короны. Но сонъ твой то и значилъ, продолжалъ онъ: двѣ твои сестры вышли за мужь, и имѣютъ каждая по Коронѣ, а моя да будетъ твоею. Въ ту минуту онъ

всталъ, и возложивъ свой вѣнецъ на голову Царевны, вскричалъ: *да здравствуетъ Царица Прекраса!* Весь Дворъ за нимъ повторилъ то же: обѣ сестры сей молодой Царицы бросилися къ ней на шею, и осыпали ласками. Прекраса была внѣ себя отъ радости: она плакала, смѣялася и обнимала сестеръ своихъ, благодарила Царя, и между прочимъ вспомнила о томъ Гвардіи Капитанѣ, которому она столько была обязана, и хотѣла съ нетерпѣливостію его видѣть; но по нещастію его не было уже на свѣтѣ: сіе извѣстіе весьма ея огорчило.

Когда она сѣла за столъ; то Царь просилъ ее, разсказать ему все, что съ нею случилося съ самаго того дня, въ которой онъ далъ столь жестокое для нея повелѣніе. Она немедлѣнно начала свою повѣсть съ уморительною пріятностію, такъ, что всѣ слушали ея, развѣся уши.

Но между тѣмъ, какъ она растобарывала такимъ образомъ съ Царемъ и сестрами, влюбленный баранъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ возвращенія Царевны, и видя, что назначенный часъ

прошелъ, впалъ въ толь чрезмѣрное безпокойство, что подобнаго тому отъ сотворенія міра ни кто не чувствовалъ. Она не возвратится болѣе, кричалъ онъ нелѣпымъ голосомъ! Моя проклятая баранья харя ей противна! Увы, злополучный надмѣру любовникъ! Что начну я безъ Прекрасы? Призема, жестокая волшебница! Сколь жестоко мстишь ты мнѣ за мою къ тебѣ холодность? Онъ жаловался такимъ образомъ до самаго вечера; и видя, что Царевна не является, побѣжалъ въ городъ. Пришедъ въ чертоги Царскіе, спрашивалъ онъ о Прекрасѣ; но какъ всѣмъ уже было извѣстно ея приключеніе, и какъ ни кому не хотѣлося, чтобъ она возвратилася опять къ барану; то ему съ жестокостію отказали удовольствіе съ нею видѣться. Онъ плакалъ и стеналъ такъ, что кремни бы надъ нимъ сжалилися: но у дверей стояли не кремни, а Швейцары; то его и не пустили. На конецъ онъ, пронзенный горестію, бросился на землю, перекувыркнувшися разъ десять, и упалъ за мертво.

Царь и Прекраса не вѣдали плачевной сей трагедіи. Онъ предложилъ дочерѣ своей сѣсть въ колесницу, и по-

казаться всему городу, при свѣтѣ нѣсколькихъ сотъ тысячь факеловъ, корые горѣли въ окнахъ и на площадяхъ; но какое было для нея зрѣлище, какъ выѣхавъ изъ Дворца, увидѣла она своего дражайшаго барана, поверженнаго на землѣ безъ всякаго дыханія? Она бросилася съ колесницы, подбѣжала къ нему, плакала, рвалася, узнавъ, что медлительность ея отсутствія и неисправность были причиною смерти сего вѣнценоснаго барана; но приложивъ руку къ его сердцу, услышала она, что оно еще билося, и почувствовала отъ того такую радость, что ни какъ оную описать не можно; вся надѣжда возобновилася въ ея душѣ. Баранъ открылъ глаза, и увидя предъ собою Прекрасу, сказалъ томнымъ голосомъ: неблагодарная и жестокая Царевна! Ты причиною моей смерти; но я вижу твое обо мнѣ сожаленіе, и умираю довольнымъ. — Нѣтъ ты не умрешь, любезный мой баранъ, вскричала съ нѣжностію Прекраса: живи для своей Прекрасы, которая безъ тебя ни когда не будетъ счастлива. — Едва успѣла она выговорить сіи слова, какъ баранъ въ одно мгновеніе ока превратился въ молодаго Принца столь пригожаго, что одна только Прекраса мог-

ла съ нимъ сравняться. Онъ упалъ къ ногамъ ея, и взявъ ея руку, оромалъ ее слезами радости, любви и благодарности. Вдругъ грянулъ громъ, и на облакахъ появилася волшебница Призема въ парадной своей колесницѣ, запряженной шестью лѣтучими мышами, которыми вмѣсто кучера управлялъ филинъ, а на запяткахъ стояла пара сычей. Опустяся на землю, волшебница сошла съ колесницы, и подошедъ къ Принцу, сказала ему: „Я довольно тебѣ за холодность твою отомстила; но не думай, чтобъ я имѣла каменное сердце: я вижу, что Царевна Прекраса имѣетъ болѣе прелѣстей, нежели я; прими ея изъ рукъ моихъ, будь счастливъ, и позабудь, естьли можно, мой жестокой съ тобою поступокъ. — По томъ обратяся къ Царю: я не думаю, сказавъ она, чтобъ вы попротивилися соединенію сего Принца съ вашею дочерью: онъ имѣетъ сильное государство, и сверьхъ того, я отдамъ ему то очаровательное мѣсто, въ которомъ онъ былъ пять лѣтъ бараномъ; тамъ находится столько сокровищей, что можно на оныя купить цѣлой свѣтъ. При томъ же я буду ему по смерть его покровительницею.„ Не возможно описать радости и удивленія

всѣхъ присутствующихъ. Царь баранъ столь былъ благодаренъ волшебницѣ, что чуть было не поцѣловалъ ея, сколь отвратительна она ни была. Отецъ Прекрасы съ радостїю согласился на бракосочетанїе своей любимой дочери, а Прекраса видя своего любезнаго барана, превращеннаго въ такого молодца, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, влюбилася въ него по уши.

Такимъ образомъ, какъ всякой знаетъ, что у Царя не пиво варить и не вино курить; то веселымъ пиркомъ, да и за свадебку. Патипата, мартышка и Теньтень могуществомъ волшебницы ожили, равно, какъ и всѣ тѣни, находившїяся въ подземномъ жилищѣ: каждой любовникъ женился на своей любезной. Всѣ сдѣлалися счастливы, и стали жить, да быть, да добра наживать.

ПѢСНЯ.

Страдая духъ мой въ лютой страсти,
Не можетъ изобрѣсть отрадъ;
Ему забавы суть напасти:
Онъ цѣлой свѣтъ сей чтитъ за адъ.

✡

Но гдѣ твои встрѣчаетъ взоры,
Гдѣ видитъ онъ одну тебя,
Твои гдѣ слышитъ разговоры:
Мнитъ зрѣть съ безсмертными себя.

✡

О, естьли бы его съ тобою
На вѣки съединилъ законъ!
Симъ счастьемъ награжденъ судьбою,
Съ богами бы сравнялся онъ.

✡

Но часть моя на вѣкъ плачевна
Преграду ставитъ страсти сей! —
Влеки меня судьбина гнѣвна
На жертву лютости твоей!

✡

Прости, прости, моя драгая!
Предметъ желанїй всѣхъ моихъ!
Я бѣдства прекратить желая,
Не буду болѣе въ живыхъ.

Прислана отъ неизвѣстнаго.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ И ФИЗИЧЕСКІЯ УВЕСЕЛЕНІЯ

ЗАДАЧА I.

Изъ трехъ неизвѣстныхъ картъ угадать, какую каждой изъ трехъ человѣкъ задумалъ.

Для сего должно, чтобъ самая большая изъ сихъ трехъ картъ не имѣла болѣе девяти очковъ; тогда, чтобъ найти сіе число, вели перьвому человѣку вычесть 1 изъ двойнаго числа очковъ, на его картѣ находящихся, и чтобъ онъ, помноживъ остатокъ 5ю, приложилъ къ произведенію число очковъ той карты, которую взялъ второй человѣкъ. По томъ вели приложить 5 къ сей суммѣ, и сію вторую сумму, удвоивъ, вели вычесть изъ нея 1; а остальное, помноживъ 5ю, вели приложить къ произведенію число очковъ той карты, которую взялъ перьвый человѣкъ. На конецъ спроси сумму, произшедшую изъ сего послѣдняго сложенія; ибо, естьли къ тому прило-

жишь 5; то получишь сумму изъ трехъ чиселъ состоящую, изъ коихъ первое отъ лѣвой руки будетъ означать очки карты, взятой перьвымъ человѣкомъ, среднѣе будетъ число очковъ карты втораго человѣка, а послѣднее къ правой рукѣ покажетъ карту послѣдняго человѣка.

На примѣръ: ежели перьвый взялъ тройку, второи четверку, а третїй семерку; то вычтя 1, изъ двойнаго числа карты перьваго человѣка, тройки, то есть изъ шести, и умноживъ остатокъ 5 пятью же, произойдетъ 25, къ коимъ приложивъ 4, то есть, число очковъ карты втораго человѣка, будетъ сумма 29, къ которой, когда приложишь 5, то будетъ сїя вторая сумма 34, которой двойное число есть 68, изъ коего вычтя 1, останется 67, которое помноженное 5, дастъ 335, къ сему приложа число 7, то есть число очковъ карты третьяго человѣка, и еще 5, получишь сїю послѣднюю сумму: 347, коея три числа представляютъ каждое порознь число очковъ каждой карты.

ЗАДАЧА II.

Пятнатцать человѣкъ Христіянъ и пятнатцать Турковъ находятся на морѣ на одномъ кораблѣ. Поднялася великая буря. Корабельщикъ, бросивъ въ море всѣ товары, для облегченія судна, говоритъ, что необходимо должно бросить туды и половину людей, находящихся на его суднѣ. Онъ поставилъ ихъ рядомъ, и щитая по девяти, бросаетъ всякаго девятаго въ море, начиная щитать съ перваго человѣка, послѣ брошеннаго: нашлося послѣ того, какъ онъ утопилъ такимъ образомъ 15 человѣкъ, что всѣ 15 Христіянъ осталися на кораблѣ. Спрашивается: какимъ образомъ расположилъ онъ сихъ 30 человѣкъ, чтобъ спасти Христіянъ.

Расположеніе сихъ 30 человѣковъ извлекается изъ сего Латинскаго стиха, которой я напишу Россійскими буквами, за неимѣніемъ въ здѣшней Типографіи Латинскихъ:

Популеам віргам матер регіна феребас.

Должно только замѣтить гласныя буквы, находящіяся въ слогахъ, составляющихъ сей стихъ. Положивъ, что *а* стоитъ 1, *е* стоитъ 2, *і* стоитъ 3, *о* стоитъ 4, а *у* стоитъ 5, должно

начать ставить Христіянъ, а по томъ Турковъ, и такъ далѣе, ставя попеременно Христіянъ и Турковъ, пока всѣхъ 30 человѣкъ поставишь. — Такимъ образомъ *о*, находящееся въ первомъ слогѣ *ло*, дастъ знать, что должно поставить съ начала 4 Христіянъ; *у*, находящееся во второмъ слогѣ *лу*, показываетъ, что должно послѣ сего поставить 5 Турковъ; *е*, въ третьемъ слогѣ *ле*, показываетъ, что надобно поставить 2 Христіянъ, и такъ далѣе. — Но чтобъ учинить сіе легчайшимъ образомъ; то стоитъ только помнить сей порядокъ расположенія: 4 Христіянина, 5 Турковъ, 2 Христ:, 1 Тур:, 3 Христ:, 1 Тур:, 1 Христ:, 2 Тур:, 2 Христ:, 3 Тур:, 1 Христ:, 2 Тур:, 2 Христ:, 1 Тур. — Сіе можно разложить картами, изобразя Турковъ черными картами, а Христіянъ красными.

ЗАДАЧА III.

Сдѣлать, чтобъ вода поднялася въ опрокинутой стаканъ.

Налей въ глубокую тарелку воды; потомъ зажги лоскутокъ бумаги, или

охлопокъ, и положи оной съ огнемъ въ стаканъ: когда сей огонь нагрѣетъ внутренность стакана; то опрокинь его на тарелку, въ которой налита вода. Вода поднимется въ стаканъ болѣе или менѣе, смотря по тому, какъ горячь будетъ сей стаканъ. Должно однако же остерегаться, чтобъ не съ лишкомъ разгорячить стаканъ, дабы отъ водянаго холода онъ не треснулъ.

ЗАДАЧА IV.

Чтобъ хлѣбъ въ печи прыгалъ.

Когда хотятъ сажать хлѣбы; то положи въ тѣсто орѣховую скорлупу, наполненную горючею сѣрою, селитрою и ртутью; свяжи скорлупу такъ плотно, чтобъ ни что не могло изъ нея выттти; тогда хлѣбъ въ печи станетъ прыгать, какъ скоро нагрѣется.

ЗАДАЧА V.

Представить въ комнатѣ молнію.

Для сего должно избрать комнату маленькую, темную и столь плотно запертую, чтобъ воздухъ не могъ свободно въ оную входить. Расположивъ такимъ образомъ комнату, налѣй въ тазъ вин-

наго спирта, съ камфарою смѣшаннаго, и кипѣти до тѣхъ поръ, пока ни чего не останется въ тазу. Послѣ сего, естьли кто взойдетъ въ сїю комнату съ зажженною свѣчею; то винные и камфарные пары, загорѣвшись, произведутъ молнію; но которая ни комнатѣ, ни зрителямъ не нанесетъ ни малѣйшаго вреда.

ЗАДАЧА VI.

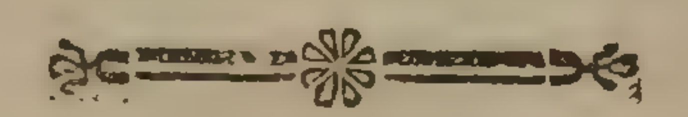
Имѣя двѣ равной величины стклянки, наполненныя одна, на примѣръ: виномъ, а другая водою, перелить сїи жидкости изъ одной стклянки въ другую, не употребляя для сего дѣйствїя ни какова другаго сосуда.

Естьли двѣ стклянки, кои я полагаю одинакой величины, будутъ наполнены одна виномъ, а другая водою; опрокинь искусно ту, которая съ водою, на ту, въ которой вино, такимъ образомъ, чтобъ горлышко одной входило не много въ горлышко другой, естьли то можно, или, чтобъ, по крайней мѣрѣ, оба горлышка были весьма плотно сложены. Тогда вода, будучи тяжелѣ вина, опустится въ низъ, и вытеснивъ вино, заставитъ его подняться въ верьхъ: и такъ вино заступитъ мѣсто воды, а вода мѣсто вина.

ЗАДАЧА VII

Сдѣлать такую воду, которая бы горѣла на рукѣ, не причиняя ни малаго вреда.

Возми по равнымъ частямъ терпентиннаго масла, каменнаго масла, свинаго сала, бараньяго жиру и живой извести. Сбѣй вмѣстѣ хорошенько всѣ сїи матерїи, чтобъ онѣ смѣшалися. По томъ перегони на горячей золѣ, или на угольяхъ: изъ того выйдетъ вода, которая будетъ горѣть на рукѣ, но нимало не обожжетъ оную.

О МАТЕРІЯХЪ,

придающихъ разные цвѣты потѣшнымъ огнямъ.

Камфара, примѣшенная въ составъ, производитъ огонь бѣлой и блѣдный.

Костяныя стружки даютъ свѣтлый огонь, серебрянаго цвѣта, нѣсколько похожаго на свинцовый цвѣтъ.

Греческая смола выбрасываетъ красноватое мѣднаго цвѣта пламя.

Черная смола бросаетъ огонь темный,

подобный густому дыму, затмѣвающему весь воздухъ.

Сѣра въ умѣренномъ количествѣ производитъ голубой огонь.

Нашатырь и *ярь* бросаютъ зеленой огонь.

Янтарныя опилки производятъ огонь лимоннаго цвѣта.

Антимонія придаетъ огню рыжеватый цвѣтъ.

На конецъ, *желѣзныя опилки* и *толченое стекло* придаютъ огню великую ясность, и производятъ большой огненой хвостъ.

КОНЕЦЪ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр.	стро.	напечатано.	Читай.
10	6	стараніемъ	стараніямъ
15	7	умеренность	умѣренность
---	25	концы	конусы
17	3	спиртами	спиртами,
26	7	соединенной	соединенная
34	2	нѣсколько	на нѣсколько
38	4	сымать	снимать
100	11	въ пазныхъ	въ разныхъ
---	14	нримѣтилъ	примѣтилъ
102	27	Каилогалиніи	Каклогалиніи
107	11	ни вевеліемъ	ни веселіемъ
110	15	сказать	и сказать
103	22	серенады	серенадъ
118	3	смѣходостойные	смѣха достойные
119	9	Цареи	Царей
130	27	учавствовали	участвовали
150	5	подъ предлоломъ	подъ предлогомъ
160	9	Архистрахъ	Архистратъ
---	26	Архистрахъ	Архистратъ
163	7	дѣлить	дѣлать
165	5	сонъ	санъ
173	6	естьли	естьли бы
178	23	превозглашаютъ	провозглашаютъ
181	13	держалъ	держа
189	14	Фешіеромъ	Флешіеромъ
190	18	разгрызите	разгрызете
194	15	къ своему	своему
197	17	Аеонскія	Леонскія
237	2	корые	которые

КП 14652

